

**АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»
ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
КУРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОБЩЕСТВО КРАЕВЕДЕНИЯ**

**СОБЫТИЯ И ЛЮДИ
В ДОКУМЕНТАХ
КУРСКИХ АРХИВОВ**

Сборник статей

Выпуск XXV

КУРСК
2025

УДК 930.25(470.323)
ББК 79.3 (2Рос-4Кус)
С 54

Рецензенты: Е. С. Кравцова, доктор исторических наук,
ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский
университет» Минздрава РФ;
К. В. Яценко, доктор исторических наук,
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».

С 54 События и люди в документах курских архивов.
Выпуск XXV / под редакцией О. В. Пешехоновой. – Курск : ООО «Центр
рекламы «Лощман», 2025. – 161 с. – Текст : непосредственный.

Редакционная коллегия: О. В. Пешехонова (гл. редактор) –
и. о. директора ОКУ «Госархив Курской области»; О. Н. Аргунов –
заместитель директора по научно-исследовательской работе
ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук; И. С. Ефремова –
начальник отдела научно-исследовательской работы и информационного
обеспечения ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук;
О. А. Черников – заведующий филиалом ОКУ «Госархив Курской
области», канд. ист. наук.

Научный редактор: О. Н. Аргунов, канд. ист. наук.

В сборник вошли работы архивистов, историков, краеведов,
посвященные различным аспектам истории Курской области.
Опубликованные в сборнике работы будут полезны широкому кругу
читателей, интересующихся региональной отечественной историей. Все
материалы опубликованы в авторской редакции.

УДК 930.25(470.323)
ББК 79.3 (2Рос-4Кус)

© Архивное управление Курской области
© ОКУ «Госархив Курской области»
© Авторы статей, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание		3–4
ИСТОРИЯ КУРСКОГО КРАЯ В XVII–XX вв.		
Ефремова И.С.	История Русской Православной Церкви в Курском крае в дореволюционный период	5–13
Молчанова Л.А.	Три прихода одного села: сравнительный анализ метрических книг начала XIX в. церквей села Снагость Рыльского уезда Курской губернии	14–19
Потаскаева Т.Н.	Коммунальное хозяйство Курской губернии в конце XIX – начале XX вв.	20–25
Черников О.А.	Из истории Курасовской молочной артели Курской губернии	25–29
Конищев А.Р.	Проблема преемственности: из истории Мариинской женской гимназии и школы № 18 города Курска в первые годы советской власти ...	29–34
Тилинин А.В.	К вопросу об устройстве спортивных сооружений на площади 1-го Мая в Курске в 1919 году	34–38
Черникова К.О.	Занятия жителей «еврейского квартала» города Курска в 1920-е гг.	39–46
Кононов Н.Г.	IV пленум Курского обкома ВКП(б) об организационно-хозяйственном укреплении колхозов	46–54
Холодова Е.В.	Дворец урочища Солянка	54–61
Душкин С.А.	Между планом и качеством: из опыта работы комсомольских организаций промышленных предприятий Курска в восстановительный период (1946–1950 гг.)	61–65
Королёв П.И.	Курские обкомы ВЛКСМ и ВКП(б)/КПСС в 1945–1965 гг., как оплот культурно- нравственного и гражданско-патриотического воспитания молодежи	65–72
Масалев Я.В.	Деятельность Совета народного хозяйства Курской области в конце 1950-х годов и его влияние на ход жилищного и промышленного строительства в регионе	72–76
Коровин В.В., Манжосов А.Н., Потапенко П.С.	Участие фронтовиков-медиков в сохранении памяти о погибших боевых товарищах (по материалам поисковой работы Курского медицинского института)	76–83
Потапенко П.С., Манжосов А.Н.	Деятельность ветеранского и комсомольского активов по сохранению памяти о боевом подвиге 38-го отдельного дивизиона бронепоездов на	

	Курской земле в 1942 г.	84–89
Моисеев Е.Л.	«И словом, и делом»: Участие Курской областной организации Союза журналистов СССР в перестроечных процессах (1985–1991 гг.)	90–99
Моисеев Е.Л.	«Три дня и три ночи»: Августовский путч 1991 г. и его последствия по материалам центральных и региональных СМИ (на примере Курской области)	100–112
Пчелинов- Образумов А.А	400-летие и 1000-летие основания Белгорода: К вопросу об истории празднования городских юбилеев в 1993 и 1995 годах	113–119
БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ		
Золоторёва Н.В.	Семья курского врача Якова Ефимовича Черномордика	120–123
Золоторёва Н.В.	«Племянник» Мертенсов: некоторые биографические сведения из жизни курского поэта А. С. Еськова	124–125
Потаскаева Т.Н.	Жизнь и деятельность щигровского агронома- селекционера П. М. Золотухина	125–128
Марковчин В.В.	Казак из «Золотой Орды»: Штрихи к портрету дважды Героя Советского Союза генерал- полковника А. Е. Боровых	128–133
ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ		
Пахомов С.А.	«...За труды, понесенные в условиях военного времени»: Награды курян за оказание помощи фронту и дела в тылу в годы Первой мировой войны (по материалам газеты «Курские губернские ведомости»)	134–151
Аргунов О.Н.	Донесения первого секретаря Поныровского райкома ВКП(б) В. А. Ковалёва в Курский обком партии о положении в районе в июле 1943 года ..	151–154
Аргунов О.Н., Батавина М.А.	«...Вновь возникла угроза насильственного изменения государственного строя, установления диктаторской власти...»: Заявление народных депутатов и участников XV сессии Курского областного Совета народных депутатов о проектах Конституции Российской Федерации 1993 года	155–158
Сведения об авторах		159–160

ИСТОРИЯ КУРСКОГО КРАЯ В XVII–XX вв.

И. С. ЕФРЕМОВА

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КУРСКОМ КРАЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Различным аспектам церковной истории Курского края посвящено немало книг и статей. Это и работы о духовных подвижниках, и исследования по храмовому зодчеству, и труды по изучению места и роли Церкви в разные исторические периоды. Наиболее известными трудами, посвященными истории Курской епархии со времен Древней Руси до современности, являются работа Ю. А. Бугрова «История Курской епархии», изданная в 2003 г. [3], и коллективное исследование Н. К. Шабанова, иерея О. Н. Чебанова, Ю. А. Бугрова, М. Н. Шабанова, М. А. Емельянова, инокини Илари (Трофимовой) «Летопись православной жизни Курского края (XIII – начало XXI вв.)» [35], опубликованное в 2019 г.

В настоящей статье рассматривается история Русской Православной Церкви в Курском крае с первой половины XI в. до событий 1917 г. Ее цель – показать церковную историю губернии как часть общих процессов в духовной жизни страны, отразив ее общие и специфические черты. Географически статья затрагивает территории современных Курской и Белгородской, а также части Воронежской и Орловской митрополий Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) и Сумской и Ахтырской, Харьковской и Богодуховской епархий Украинской Православной Церкви (Московский Патриархат), которые в рассматриваемый период являлись частью Белгородской (1667–1799), а затем Курской епархий. Границы церковно-административных единиц условно совпадали с губернскими, в связи с чем в статье термины «епархия» и «губерния» употреблены как территориально синонимичные.

В первой половине XI в. основной областью распространения христианства оставалось Приднепровье (территории по правому берегу р. Днепр), и только при Ярославе Владимировиче¹ почти повсеместно начали строить храмы [33, с. 17]. Письменные и археологические источники сообщают о проникновении новой религии в Посемье (будущее Курское княжество)² уже в конце X – первой половине XI в. Так, находки предметов с христианской символикой и крестов в окрестностях с. Долгий Колодезь (Беловский район), д. Филиппова и д. Липино (Октябрьский район) датированы концом X–XI вв. [56, с. 290–291].

В «Житии Феодосия Печерского» (не ранее 1036 г.) г. Курск изображался развитым центром с сильной администрацией, возглавляемой «властелином» и «городскими вельможами». О высоком культовом значении города свидетельствовало посещение его паломниками, направлявшимися в Святую землю [29, с. 311]. Упоминались в источнике и две курские церкви, для одной из которых преподобный отрок пек просфоры. По мнению С. П. Щавелева, это был храм во имя Знамения Пресвятой Богородицы, возведенный Мстиславом Владимировичем в 1020-е гг. [57, с. 186, 187].

¹ Ярослав Владимирович Мудрый (ок. 978–1054) – правитель Древнерусского государства, сын князя Владимира Святославича, крестителя Руси.

² Курское княжество – удельное княжество, существовавшее в XI–XIII вв.

О распространении православия в Курском княжестве говорят и более поздние археологические находки: перламутровый крестик с выгравированным Распятием (вторая половина XII – начало XIII вв.), обнаруженный в г. Курске (2002 г.), и две иконки (XII – первая половина XIII вв.) из Ратского археологического комплекса (1992 г.): каменная с изображением свв. Богоотец Иоакима и Анны и свинцово-оловянная с ликами свв. Бориса и Глеба [27; 28; 44].

Становление Древнерусского государства сопровождалось учреждением в 988 г. Киевской митрополии, состоявшей из нескольких епископий (епархий) и Новгородской архиепископии. В период раздробленности (конец XI – первая половина XIII вв.) Черниговская и Переяславская епископии были возведены в статус митрополий, а общее количество епархий к 1237 г. достигло 16-и [1, с. 268, 272]. О существовании в Курске самостоятельной епископской кафедры в домонгольский период источники умалчивают [3, с. 10]. Исходя из внутривосточной обстановки в Древнерусском государстве, Курский край в XI в. мог относиться к Черниговской епископии, в 1096–1157 гг. – к Переяславской, в 1160-е – 1230-е гг. – снова к Черниговской [30, с. 114; 46, с. 7, 8, 14].

Вследствие монголо-татарского нашествия (1237–1240 гг.) епископальная структура Руси претерпела изменения. В частности, Черниговская епархия была переименована в Глуховскую (с перенесением кафедры), а Переяславская – упразднена [55, с. 256]. Территория последней в 1261 г. была передана Сарайским владыкам, войдя в новообразованную Сарайскую (Сарскую) епархию. Первым правящим архиереем стал епископ Сарский и Переяславский Митрофан, в ведение которого перешли курские земли [3, с. 11]. В 1350 г. с разделением Глуховской епархии на Глуховскую и Брянскую курская паства была отдана под покровительство последней [35, с. 11; 55, с. 259–260].

Вернув самостоятельность, Московское государство в конце XIV – середине XVI вв. стремилось укрепить свое положение на международной арене. Серьезным шагом в этом направлении стало наречение 26 января (5 февраля) 1589 г. митрополита Московского Иова патриархом [32, с. 72–73]. Согласно источникам, в XVI в. уже существовали Николаевский монастырь в г. Рыльске (1505)¹, Молченская Софрониева мужская пустынь в г. Путивле (1557), Никольский мужской монастырь у Белгородского острога (1599) [35, с. 11–13].

Новый этап в истории Курского края был связан с государственной политикой по строительству крепостей на южных границах в конце XVI в. Практически одновременно с возведением города-крепости в нем освящалась церковь [2, с. 94–96]. Строились храмы и в близлежащих деревнях. В первой половине XVII в. на территории Московского царства действовали 14 епархий, самой крупной из которых была Патриаршая область, включавшая 22 десятины [40, с. 111]. К 1667 г. в Курской десятине действовали 64 церкви и 2 часовни, в Обоянской – 9 церквей и 3 часовни, в Белгородской – 31 церковь и 2 часовни, в Оскольской – 24 церкви, в Корочанской – 7 церквей и 2 часовни, в Яблоновской – 12 церквей и 3 часовни, в Алексеевской (Новооскольской) 10 церквей и 1 часовня, в Карповской – 11 церквей и 2 часовни, в Хотмыжской (Грайворонской) – 7 церквей и 2 часовни [36, с. 1, 12, 20, 21, 29, 31, 33].

По решению Большого Московского собора 1667 г. была открыта Белгородская епархия, в состав которой вошло 37 городов, в т. ч. 20 из Патриаршей области (Курск, Белгород, Старый Оскол, Обоянь, Карпов, Хотмыжск, Короча, Яблонь и др.) [52, с. 227]. С момента своего учреждения она была приравнена к статусу митрополии, а ее иерархи назывались митрополитами Белгородскими

¹ В скобках указаны даты первых упоминаний обителей.

(Белоградскими) и Обоянскими [34]. Первым митрополитом Белгородским (Белоградским) и Обоянским был назначен епископ Вершатский (Сербия) Феодосий [35, с. 20]. По состоянию на 1679 г. в Белгородской митрополии насчитывалось 542 храма [40, с. 117]. С образованием в 1682 г. Воронежской епархии к ней из Белгородской отошли города Землянский, Урыв, Коротояк с округами (1682 г.), а немного позднее – Усмань (1694 г.) и Острогожск (1699 г.) [58, с. 18, 19, 31].

Несколько слов скажем о системе управления церковно-административными единицами в конце XVII – начале XVIII вв. Центральная власть над местными архиерейскими кафедрами сосредотачивалась в руках Патриарха Московского и всея России [33, с. 324]. В начале XVII в. при Патриаршей кафедре были учреждены приказы (Разряд, Казенный, Дворцовый), местные отделения которых постепенно появились в каждой епархии. Так, в ведении митрополита Белгородского и Обоянского состоял Разряд, или духовный приказ, в котором церковными делами распоряжался настоятель крупного монастыря (архимандрит, игумен), а мирскими – боярин. Все приходы были поставлены под надзор настоятелей близлежащих обителей, помощниками которых являлись поповские старосты¹, десятские священники², закащики [42, с. 108–110]. Например, приходы Курского у. находились в ведении архимандрита Знаменского мужского монастыря [22]. Стоит отметить, что именно Разряд выдавал благословенные грамоты на строительство церквей, отвечал за рукоположение священников и надзирал за церковным судопроизводством и благочинием [33, с. 324]. Оставшиеся два приказа – Казенный и Дворцовый – занимались имущественными вопросами [42, с. 120–122]. Кроме того, в управлении епархией были задействованы и светские чиновники (наместники, десятильники, тиуны и др.), которые, в основном, отвечали за судопроизводство, сбор налогов и выдачу проезжих грамот [42, с. 114–117].

К началу XVIII в. церковное управление было разделено на 24 кафедры: 1 Патриаршую, 14 митрополичьих, 7 архиепископских и 2 епископских [33, с. 324]. В этот период в состав Белгородской епархии входили 35 старинных городов с округами, в числе которых были г. Болхов (ныне – Орловская обл.), г. Харьков, г. Колонтаев, г. Краснокутск, г. Валки, г. Изюм (ныне – Харьковская обл., Украина), г. Нежин (Черниговская обл., Украина) [58, с. 32].

Обострение внешнеполитической ситуации и постоянная нехватка средств подтолкнули Петра I к наступлению на Церковь³. В январе 1701 г. был восстановлен Монастырский приказ⁴, ставший главным органом управления церковными делами. С этого времени Церковь фактически стала подчиняться монарху [41, с. 133]. Принятый в 1721 г. Духовный регламент, нормативно закрепил упразднение патриаршества, передав управление делами Церкви в ведение новоучрежденной

¹ Поповский староста – выборное духовное лицо, которому поручалось наблюдением за благочинием на вверенной ему территории (размером в 40 приходов), сбор церковных налогов и надзор за перемещением и назначением священнослужителей.

² Десятский священник – помощник поповского старосты, обычно в сане диакона, надзиравший за 10 церквами из 40, вверенных поповскому старосте.

Закащик – помощник поповского старосты, избиравшийся в отдаленные от местонахождения поповского старосты территории. Обычно, как и десятский, управлял 10 приходами. В основном, занимался сбором налогов.

³ Северная война (1700–1721), война между Швецией и коалицией государств, в которую входили Саксония, Русское Царство, Датско-Норвежское королевство, Речь Посполитая и др., за обладание балтийскими землями и господство на Балтийском море.

⁴ Монастырский приказ впервые был учрежден как орган центрального управления по церковным вопросам в 1649 г. и просуществовал до 1677 г.

Духовной коллегии (Святейшего Правительствующего Синода (далее – Синод)¹, подчинявшейся государю [45].

В марте того же года в целях финансового контроля за местными архиереями были образованы Московское и Петербургское проинквизиторства. Белгородская епархия вошла в состав первого. Согласно указу Синода, при архиерейской кафедре учреждалась должность инквизитора, который назначался из числа монахов. Однако это нововведение просуществовало недолго, до 1727 г., и финансовый контроль за приходами был возвращен заикам духовных правлений и поповским старостам [58, с. 136, 137, 142].

3(14) января 1722 г. указом Синода Белгородская митрополия преобразовывалась в епископию. Высшим органом управления церковными делами в губернии стала Белгородская духовная консистория, разделенная на несколько столов (отделов), один из которых надзирал за строительством храмов. 19(30) апреля в епископа Белгородского был хиротонисан архимандрит Нежинского Назарет-Благовещенского монастыря Епифаний (Тихорский) [35, с. 25]. С 1722 по 1799 г. архиерейская кафедра располагалась в г. Белгороде. В соответствии с указом Синода от 9 июля 1744 г. приказы, подконтрольные правящему архиерею, были объединены в коллегиальный орган – духовную консисторию. В подчинении Белгородской духовной консистории состояли духовные правления, которые осуществляли управленческий и судебный контроль за приходами [33, с. 413–418].

Стоит отметить, что до конца XVIII в. совпадение губернских и епархиальных границ было не столь точным. В частности, в 1742 г. города: Рыльск, Путивль, Севск, Трубчевск, Брянск, Карачев, Белополье с уездами, административно подчиняясь г. Белгороду, в церковном отношении были присоединены к Московской епархии [58, с. 358]. Вместе с тем, в том же году территории от Бахмута до Лугани, заселенные дружинами сербских офицеров Шевича и Прерадова², под наименованием «Новосербия» были включены в состав и Белгородско-Обоянской епархии, и Белгородской губернии [58, с. 419].

По состоянию на 1764 г. в состав епархии из Белгородской губернии входили следующие города с округами: Белгород, Курск, Обоянь, Суджа, Мирополье, Карпов, Старый Оскол, Новый Оскол, Яблонов, Валуйки, Палатов, Тополье, Короча, Нежегольск, Салтов, Чугуев, Хотмыжск, Вольный и Алешня, Харьков, Сумы, Ахтырка, Изюм, Недригайлов, Каменный и города Новосербии; из Воронежской губернии – Тор (Славянск), Рай-городок, Ямполь, Маяки, Царев-Борисов, Старый Айдар, Новый Айдар и Верхососенск [58, с. 430–431]. В то же время, Рыльск и Путивль Белгородской губернии, принадлежали к Севской епархии [58, с. 445], а в 1775 г. храмы Екатерининской провинции и слободских полков этой губернии были переданы новообразованной Славянской и Харьковской епархии [58, с. 508].

Указом Синода от 16(27) октября 1799 г. была образована Курская духовная консистория, и центром епархии стал г. Курск [11, л. 1 об.]. Однако, именуясь Курскими и Белгородскими, архипастыри за неимением архиерейского дома до 1833 г. проживали в г. Белгороде [6, л. 69]. В этот период церковное управление и судопроизводство в Курске и уезде осуществляло Курское духовное правление, состоявшее в подчинении консистории [23, л. 2 об.].

Первым епископом Курским и Белгородским стал Феоктист (Мочульский) [35, с. 52, 53]. В подчинении Курской духовной консистории состояли духовные

¹ В историографии период с 1700 по 1917 гг. в периодизации истории РПЦ принято называть синодальным. Он характеризовался подчинением Церкви Святейшему Синоду, т. е. фактически самому Императору (посредством обер-прокурора)

² Результат сербской колонизации юга России.

правления¹ и местные благочинные (с 1764 г. заменили поповских старост), возглавлявшие благочиннические (церковные) округа². Как правило, в состав последних входили от 10 до 30 приходов [54, с. 21]. В 1787 г. в Курской губернии насчитывалось 37 каменных и 634 деревянных церкви и 11 монастырей и пустыней [25, л. 139]. В 1797 г. по указу Синода были учреждены монастырские благочиннические округа [54, с. 21]. К началу XIX в. в Курской епархии сложилось два таких благочиния: Белгородское и Хотмыжское. Первому подчинялись семь монастырей, второму – четыре [23, л. 3].

В 1722–1799 гг., с одной стороны, увеличивалось количество приходов, с другой – упразднялись монастыри с последующим изъятием их имущества в пользу государства. Так, к 1799 г. в губернии были ликвидированы 17 старинных обителей, среди которых Холковский Николаевский мужской монастырь, Амонская Николаевская мужская пустынь, Львовский Димитриевский мужской монастырь, Рыльская Словенская Богородицкая мужская пустынь, Липиновская Троицкая мужская пустынь и другие [5; 6, л. 69 об. – 70]

К началу XIX в. количество епархий в империи возросло до 36 [54, с. 16], а их границы согласно именному указу от 6(17) мая 1788 г. постепенно приводились в соответствие с губернскими [37, с. 1073–1074]. Согласно этому акту, в состав Белгородской и Курской епархий³ должны были передать 19 церквей из Воронежской и 224 храма из Орловско-Севской епархий, в т. ч. святыни городов Рыльска и Путивля [58, с. 565, 569–570]. Таким образом, к началу XIX в. в Курской и Белгородской епархии (далее – Курской) насчитывалось 1 424 храма [58, с. 570].

К 1850 г. церковное управление и судопроизводство в Курской епархии было представлено консисторией и восьмью благочиниями. Дополнительной судебной инстанцией служили девять духовных правлений⁴ (Фатежское, Белгородское, Суджанское, Корочанское, Старооскольское, Рыльское, Обоянское, Путивльское, Щигровское) [6, л. 48]. В этот период в губернии насчитывалось 7 монастырей и 4 пустыни [6, л. 59–59 об.]

В 1869–1880 гг. проводилась политика по укрупнению приходов и сокращению штата церквей, в соответствии с которой в Курской епархии 302 церкви стали приписными [47]. К 1885 г. численность приходов была восстановлена, но зачастую с сокращением штата храмов [54, с. 33]. В то же время, количество церковно-административных единиц в империи продолжало увеличиваться, составив к 1881 г. – 59 епархий [43, с. 298].

К началу XX в. в Курской епархии насчитывалось уже 1 014 приходских храмов, 13 из которых были освящены в период с 1890 по 1898 г. [49, 50]. В 1905 г. было образовано Белгородское викариатство [51, с. 166], а в 1906 г. – Рыльское [31, с. 416]. В предреволюционное десятилетие в непосредственном ведении архиепископа Курского и Обоянского находились Курский, Обоянский, Тимский, Фатежский и Щигровский уезды, а также Рыльское и Белгородское викариатства. Белгородскому (1-ому) викарию (викарному епископу) подчинялось духовенство Белгородского, Грайворонского, Корочанского, Новооскольского и

¹ Духовное правление – коллегиальное учреждение, члены которого назначались правящим архиереем; осуществляло судебные и, отчасти, управленческие полномочия.

² Благочиние – в русской Православной Церкви часть епархии, объединяющая группу приходов, находящихся в территориальной близости друг от друга. Возглавляется благочинным.

³ Переименована в 1780-е гг. из Белгородской и Обоянской в Белгородскую и Курскую, а в 1799 г. – в Курскую и Белгородскую.

⁴ Духовное правление – коллегиальное учреждение, члены которого назначались правящим архиереем; осуществляло судебные и, отчасти, управленческие полномочия.

Старооскольского уездов. Рыльскому (2-ому) – Дмитриевского, Льговского, Путивльского, Рыльского и Суджанского уездов [48, с. 1].

Строительство церквей в 1721–1917 гг. обязательно сопровождалось одобрением Синода [39]. С 1770-х гг. его разрешение требовалось только в случае открытия нового прихода. С 1780 по 1797 г. надзор за возведением духовных зданий в Курской епархии, наряду с консисторией, осуществляло наместническое правление [8]. В 1797–1832 гг. за разработку и утверждение проектов храмов отвечала четвертая экспедиция Курского губернского правления, в которой заседал губернский архитектор [17, л. 181–184]; в 1833–1865 гг. – строительная и дорожная комиссия при губернском правлении [4], а с 1865 по 1917 г. – строительное отделение Курского губернского правления [18, л. 47].

Разработкой проектов церквей до середины XIX в. в губернии занимались гражданские архитекторы, и только 8(20) июля 1857 г. была учреждена должность курского епархиального архитектора [38]. Среди последних наиболее известен Владимир Григорьевич Слесарев. Окончив полный курс наук в Институте гражданских инженеров (Санкт-Петербург), в 1885 г. он был принят на службу в строительное отделение Курского губернского правления как младший архитектор [16, л. 5 об.]. В феврале 1894 г. Владимира Слесарева перевели в Управление ведомства православного исповедания¹ и вскоре назначили курским епархиальным архитектором [21, л. 1–1 об.]. Его руке принадлежат проекты храмов в с. Белое, д. Черепова, сл. Пушкарной, с. Новоильинское, д. Кулига Обоянского уезда и многие другие [9, л. 2; 10, л. 3; 12, л. 5; 13, л. 4–8; 20, л. 2 об. – 3].

Материальная сторона вопроса полностью ложилась на плечи инициаторов строительства. Чаще всего храмы возводились «всем миром» и реже – на средства местного помещика или зажиточного горожанина. Так, из 72 церквей Обоянского уезда, клировые ведомости которых сохранились в Государственном архиве Курской области, только 6 были возведены на пожертвования помещиков; а в Суджанском уезде на свои сбережения землевладельцы построили 12 из 56 храмов [24].

Одним из этапов рассмотрения прошения, которое через доверенное лицо подавалось в консисторию, был осмотр местности (состав грунта, состояние существующей постройки и т. п.). На нем присутствовали становой пристав или уездный исправник, сельский или городской староста, настоятель прихода, церковный староста, гражданский или епархиальный инженер. Разрешительный акт заверялся губернским архитектором и гражданским инженером [15].

Апогей храмового строительства в губернии пришелся на предреволюционное десятилетие. С 1905 по 1911 г. строительное отделение Курского губернского правления одобрило проекты 129 церквей, 16 из которых относились к новообразованным приходам [14]. К сожалению, не все из них были завершены к 1917 г., как, например, храмы в с. Камышное, с. Сула, с. Козыревка, д. Маховой Колодезь Суджанского уезда. Судьба этих недостроенных церквей в советский период сложилась по-разному.

К 1915 г. в епархии числились 1 200 церквей, включая 1 053 приходских, 46 монастырских, 17 соборных, 6 единоверческих, 35 домовых, 17 кладбищенских, 10 приписных и 18 молитвенных домов и часовен [7, л. 10 об. – 11]. Монастырей в епархии было 14: 9 мужских и 5 женских обителей [26, л. 61].

Таким образом, в дореволюционный период церковное управление в Курском крае прошло длительный путь становления от нескольких десятин в составе

¹ Управление ведомства православного исповедания – совокупность органов церковного управления, состоявших в ведении Святейшего Синода.

Патриаршей области до образования самостоятельной епархии. С перенесением кафедры из Белгорода в Курск, фактически, изменилось только место постоянного пребывания правящего архиерея. На наш взгляд, говорить о рождении Курской епархии следует со ссылкой на 1799 г. стоит лишь юридически. Фактически структура этой церковно-административной единицы начала складываться еще во второй половине XVII в., когда была образована Белгородская епархия. Условно размер церковно-административных единиц всегда пытались приравнять к административно-территориальным уездным и губернским границам. И только с конца 1780-х гг. совпадение границ стало обязательным. В указанный период более системным и унифицированным становилось и церковное управление. Курская епархия по площади была равна губернии, а управляла ею духовная консистория с подведомственными ей учреждениями. Несмотря на то, что более 200 лет Русская Православная Церковь находилась под контролем государства, эти отношения были скорее союзническими, нежели враждующими. Не будем отрицать, что имущество храмов и монастырей во времена кризисов подвергалось изъятиям в пользу казны, но секуляризацию XVIII–XIX столетий никак нельзя отождествлять с антирелигиозной политикой 1920-х – 1930-х гг. [53]. Так, с 1787 по 1915 г. количество приходских церквей в губернии увеличилось почти в 2 раза, причем 52 из них были построены за последние 25 лет. Ветхие храмы перестраивались и восстанавливались; монастыри получали поддержку землями и подаениями. Не известно, как бы сложилась история епархии, не случись революции 1917 г., ибо история всегда движется по своим законам, и сослагательных среди них – нет.

Источники и литература

1. Артамонов Г.А. Некоторые особенности эволюции институтов церковного управления Древней Руси (до конца XIII века) // Преподаватель XXI век. 2015. № 4. С. 267–279.
2. Бавыкин О.М., Кривцова Е.В. История села Разумного Белгородского уезда // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 5 / Белгородская региональная общественная организация «Историческое общество “Ратник”»; [редкол.: В.М. Жигалов и др.]. Белгород, 2020. С. 126–131.
3. Бугров Ю.А. История Курской епархии. Краткий очерк. Курск, 2003.
4. Высочайше утвержденное положение о новом образовании Строительной Части Гражданского губернского ведомства // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 2. Т. IX, № 5624.
5. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 20. Оп. 2. Д. 12.
6. ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 255.
7. ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 519.
8. ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 3–12, 73, 81, 92.
9. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 11752.
10. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 12285.
11. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 127.
12. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 14127.
13. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 14134.
14. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 15853.
15. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 5547.
16. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 5660.
17. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 728.
18. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 7554а.
19. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 8029.

20. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 8029.
21. ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 686.
22. ГАКО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 6, 7.
23. ГАКО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 48.
24. ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 21, 22, 25, 27, 41, 42, 43.
25. ГАКО. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 18.
26. ГАКО. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 17.
27. Енуков В.В., Кабанов Д.О., Мусин А.Е. Ратский археологический комплекс в свете новых находок христианских древностей: каменная иконка святых Иоакима и Анны // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 1 (57). URL: <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=31> (дата обращения: 25.01.2025).
28. Енуков Д.В., Енуков В.В. Иконка Бориса и Глеба из раскопок Ратского городища как источник по истории военного дела // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 3 (23). Т. 1. URL: <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=31> (дата обращения: 25.01.2025).
29. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978. С. 309–315.
30. Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 57–117.
31. История иерархии Русской Православной церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями) / гл. ред. протоиерей Владимир Воробьев. Изд. 1-е. М., 2006. 925 с.
32. История Русской Православной Церкви: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / [В.А. Цыпин, Г.В. Демидов, И.В. Метлик и др.]. М., 2017. 225 с.
33. Курск церковного права: Учеб. пособие / Протоиерей Владислав Цыпин. Изд. Круглый стол по религиоз. образованию в Рус. Православ. Церкви. Клин, 2004. 700 с.
34. Лебедев А.С. Белгородские архиереи и среда их архипастырской деятельности: (По арх. документам). Харьков, 1902.
35. Летопись православной жизни Курского края (XIII – начало XXI вв.) / сост. Н.К. Шабанов, иерей О.Н. Чебанов, Ю.А. Бугров, М.А. Емельянова, ин. Илария (Трофимова). Курск, 2019.
36. Материалы для истории церквей Курской, Харьковской, Орловской, Черниговской и Воронежской губ., городов и станиц Донской области по приходным книгам жилых данных церквей Патриаршего Казенного приказа. 7136 (1628)–1746 гг. М., 1913.
37. О разделении епархий сообразно с разделением губерний // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXII, № 16658. С. 1073–1074.
38. О назначении во Владимирскую, Орловскую и Курскую епархии особых архитекторов для производства планировок по духовному ведомству // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXII, № 31950. С. 514–515.
39. О нестроении церквей без указа Синода // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI, № 4122. С. 791–792.
40. Папков А.И. Система церковного управления в районе Белгородской черты (XVII век) // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 4 / Белгородская региональная общественная организация «Историческое общество “Ратник”»; [редкол.: В.М. Жигалов и др.]. Белгород, 2019. С. 110–118.
41. Об учреждении Монастырского приказа и о ведении оному Патриарших и Архиерейских домов и монастырей и о передаче в оной из приказа Большого Дворца монастырских дел // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IV, № 1829. С. 133.
42. Перов И.Ф. Епархиальные учреждения в русской церкви в XVI и XVII вв.: (Ист.-канонич. Очерк) / [Соч.] Ивана Петрова. Рязань, 1882.

43. Пирожкова И.Г. Нормативное регулирование культового строительства в Российской империи // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. Право. Вып. 1(81). 2010. С. 298–305.
44. Птицын В.С. Христианизация населения Курской волости-княжения по материалам предметов благочестия // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 3 (27). Т. 1. С. 29–44. URL: <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=31> (дата обращения: 25.01.2025).
45. Регламент, или Устав духовной коллегии // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI, № 3718.
46. Раздорский А.И. Владельческая принадлежность Курского княжества в X–XIII вв. // Очерки феодальной России. М., 1998. Вып. 2. С. 3–21.
47. Росписание городских и сельских приходов, церквей и причтов Курской епархии. Б. м. [187–?].
48. Справочная книга о церквах, приходах и причтах Курской епархии. За 1908 год: в трех частях: С картой Курской епархии / Издание Курской духовной консистории; [Сост. Х. Ф. Говядовский]. Курск, 1909.
49. Справочная тетрадь Курской епархии и составе при них причтов. Курск, 1890.
50. Справочная тетрадь о церквах Курской епархии и составе при них причтов. Курск, 1898.
51. Субботин П.Ю. Учреждение самостоятельной Белгородской епархии (1917–1942 гг.): исторические и канонические аспекты // Научные ведомости БелГУ. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 1 (96). Вып. 17. С. 165–173.
52. Устинова И.А. Территории Белгородской епархии в составе Патриаршей области в середине XVII века // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 5 / Белгородская региональная общественная организация «Историческое общество “Ратник”»; [редкол.: В.М. Жигалов и др.]. Белгород, 2010. С. 226–232.
53. Фабинский М.В. Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, его реализация в Петрограде (По материалам Государственного архива Российской Федерации) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 2. С. 201.
54. Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М., 2003.
55. Фомина Т.Ю. Епископальная структура Руси в период монголо-татарского вторжения 1237–1240 годов (по летописным источникам) // Золотоордынское обозрение / Golden Horde revive. 2019. № 7(2). С. 255–265.
56. Шпилев А.Г. Перстни с христианской символикой конца X–XVII вв. в Курской области // Время войны. Победители и побежденные. 2014. № 6. С. 287–307.
57. Щавелев С.П. К вопросу о церковном строительстве Мстислава Владимировича на Днепровском Левобережье (Знаменский храм в Курске 1020-х гг.) // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи: Збірник наукових праць, присвячених 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів, 2007. С. 181–184.
58. Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы: опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования / проф. И. М. Покровский. Казань, 1897–1913. Т. 2: XVIII-й век. Т. 2. 1913.

ТРИ ПРИХОДА ОДНОГО СЕЛА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ НАЧАЛА XIX в. СЕЛА СНАГОСТЬ РЫЛЬСКОГО УЕЗДА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Изучение собственной родословной привело меня к исследованию истории села Снагость, ранее входившего в состав Рыльского уезда Курской губернии. Несмотря на то, что знакомство с селом оказалось кратким, работа с документами в Государственном архиве Курской области пробудила устойчивый интерес к его прошлому.

Как и по многим другим населенным пунктам Курской губернии, метрические книги по Снагости сохранились не в полном объеме, исповедные ведомости отсутствуют полностью. Поэтому особую ценность представляют метрические книги 1801 г. – самые ранние из сохранившихся по всем трем церквям села (Ильинской, Рождество-Богородицкой и Никольской). Благодаря их анализу мы имеем возможность сравнительного изучения приходов на одном хронологическом срезе. Кроме того, чтобы расширить исследование, были проанализированы метрические книги еще за несколько лет.

Основная цель работы – на основе метрических книг трех церквей села Снагость изучить жизнь его жителей в начале XIX в. В задачи входит сравнение количественного и сословного состава прихожан разных храмов, анализ популярных имен среди местных крестьян и малороссиян. Кроме того, на основе данных за 1801–1815 гг. мы имеем возможность проследить динамику ключевых демографических показателей – рождаемости, заключения браков и смертности. Такой подход позволит составить целостную картину истории села и его жителей.

Село Снагость, расположенное на западных границах Курской губернии, сформировалось как населенный пункт со смешанным населением, состоявшим из малороссиян (черкас) и крестьян. Со второй половины XVIII в. Снагость вместе с окружающими ее селениями (Апанасовка, Гордеевка, Любимовка и др.) вошла в состав обширных владений князей Барятинских, ведших свой род от Рюриковичей. Административный центр имения находился в селе Ивановском, однако в Снагости также располагалась хозяйская усадьба и действовала собственная контора с управляющим, что подчеркивало ее значимость.

Также деревня Апанасовка входила в приходы церквей Снагости и играла значительную роль в местной жизни.

По данным конца XVIII в. в Снагости числилось 529 дворов, где проживали крестьяне (398 душ мужского и 426 женского пола) и малороссияне (1 531 душа мужского и 1 719 женского пола). В Апанасовке, насчитывавшей 134 двора, проживали 575 душ мужского пола малороссиян и 587 женского (при отсутствии крестьянского населения). Общая численность населения этих поселений превышала 5 200 человек [1, л. 3 об.].

К началу XIX в. в Снагости действовали три приходские церкви. В 1801 г. все церкви Снагости относились к Курской епархии Суджанскому духовному правлению, а в последующие годы уже к Рыльскому.

Церковь в честь Ильи Пророка стала, вероятно, первым храмом. После появления церкви деревня Гончаровка получила статус села и новое название – Снагость от древнерусского слова «снага», означавшее успех и удачу. В Государственном архиве Курской области сохранилось небольшое количество метрических книг Ильинской церкви за 1801, 1807–1817 гг. Для анализа были взяты книги за 1801, 1807, 1808 и 1815 гг.

С 1801 по 1808 г. священником Ильинской церкви значился Фёдор Никитин, в 1815 г. его сменил Савелий Кедровский, поскольку Никитин перешел в новый каменный храм – Рождество-Богородицкую церковь Снагости.

В разделах о рождении за 1801, 1807 и 1808 гг. не указывались сословия и места жительства родителей. Только в одном случае записано сословие «священник» – родилась дочь у Фёдора Никитина. Исходя из подписи в заголовке метрики – «подданные ее светлости черкасы», – можно предположить, что все остальные прихожане были малороссиянами.

Данные метрических книг Ильинской церкви за 1801–1815 гг. показывают изменения в демографической ситуации и предпочтениях в именах.

В 1801 г. в приходе родилось 84 ребенка – 47 мальчиков и 37 девочек. Чаще всего мальчиков называли Степан (4 раза) и Григорий (4), а также Павел (3). Среди девочек преобладали имена Ирина (4), Анастасия (3) и Ефросинья (3) [2, л. 49].

В 1807 г. было зарегистрировано 68 крещений — 36 мальчиков и 32 девочки. Поскольку записи сохранились только с апреля, нельзя утверждать о снижении рождаемости. В этом году мальчиков чаще называли Яков (4), а имена Александр, Пётр, Константин, Иван и Степан встречались по 2 раза. Среди девочек популярностью пользовались Прасковья (6), Евдокия (5) и Пелагея (3) [3, л. 1].

Наибольшее число рождений из исследуемых временных срезов пришлось на 1808 г. – 111 детей: 64 мальчика и 47 девочек. Чаще всего мальчиков называли Яков (5), Фёдор (4) и Иоанн (4). Среди девочек доминировали имена Евдокия (7), Анна (5) и Мария (5) [3, л. 15].

В 1815 г., когда записи стал вести священник Савелий Кедровский, появились сведения о сословиях и местах жительства. Из 43 крещёных детей (25 мальчиков и 18 девочек) 30 были малороссиянами, 10 – крестьянами, а у троих сословие не указано. Все семьи проживали в Апанасовке и Снагости. Мальчиков чаще называли Фёдор (4) и Степан (2), девочек – Евдокия (3), Матрона (2) и Ефимия (2).

Данные метрических книг показывают динамику заключения браков в Ильинском приходе. В 1801 г. были зарегистрированы 32 брака, в 1807 г. – 27, в 1808 г. – 18, а в 1815 г. – 24 брака.

В течение первых трех временных срезов (1801–1808) все браки заключались только между малороссиянами. К 1815 г. состав прихода изменился: появились браки с участием крестьян. В 1801–1808 г. все невесты были из Снагости, а в 1815 г. 9 невест были из Снагости и 15 из Апанасовки. Женихи большей частью были местными, но отмечались брачные связи с малороссиянами и крестьянами других населенных пунктов:

- 1801 г.: Снагость (19), Апанасовка (3), Любимовка (2), Толстый Луг (2), Ветреное (2), Гапоново (2), Обуховка (1);

- 1807 г.: Снагость (19), Толстый Луг (4), Обуховка (3), Верхняя Груня (1);

- 1808 г.: Снагость (13), Толстый Луг (2), Апанасовка (1), Коренево (1), Верхняя Груня (1);

- 1815 г.: Снагость (11), Апанасовка (6), Любимовка (3), Гордеевка (2), Гапоново (1), Обуховка (1).

В 1801 г. было зарегистрировано 32 случая смерти (15 мужчин и 17 женщин). К 1807 г. этот показатель вырос до 55 умерших (28 мужчин и 27 женщин). Наибольшее количество смертей пришлось на 1808 г. – 73 случая (37 мужчин и 36 женщин). К 1815 г. смертность снизилась до 47 человек (27 мужчин и 20 женщин).

В 1801–1808 гг. все умершие были малороссиянами. К 1815 г. сословный состав немного расширился: 32 малороссиянина, 11 крестьян, 1 мещанин,

1 солдатка, у двоих сословие не указано. Географическое распределение в 1815 г. было следующим: 27 человек из Апанасовки, 17 из Снагости.

Следует отметить, что в метрической книге за 1815 г. в записях впервые появляются отметки, если ребенок умер от оспы. Это позволяет предположить, что для данного заболевания был организован особый учет, возможно, в связи с эпидемией.

Анализ метрических книг Ильинской церкви показал, что приход изначально состоял преимущественно из малороссиян, но к 1815 г. в нем появились крестьяне. Наблюдаются значительные колебания рождаемости, пик которой пришелся на 1808 г. Популярны имена оставались традиционными, с некоторыми изменениями в предпочтениях по годам. География брачных связей расширялась, охватывая все больше соседних сел.

Вторая церковь для анализа – Рождество-Богородицкая. Первоначально она была деревянной. К началу XIX в. назрела необходимость в строительстве более вместительного каменного храма. С соответствующей инициативой выступил священник Ильинской церкви Фёдор Никитин, который впоследствии был переведен служить в этот приход. Для обеспечения строительства при церкви был организован кирпичный завод.

Метрические книги Рождество-Богородицкой церкви сохранились не в полном объеме. Наиболее ранняя из известных книг датируется 1801 г., далее записи продолжаются с 1812 по 1916 г. с некоторыми лакунами. Для анализа были выбраны два хронологических среза – 1801 и 1815 гг.

В 1801 г. в церкви несли службу два священника – Василий Краснопольский и Георгий Якубовский. Приход состоял из жителей села Снагость и деревни Апанасовка, среди которых выделялись две основные сословные группы: крестьяне и малороссияне, принадлежавшие принцессе Екатерине Петровне фон Гольштейн [5, л. 81]. К 1815 г. при священнике Фёдоре Никитине сословный состав прихода сменился, в документах этого периода фиксируются исключительно подданные малороссияне.

Записи двух священников за 1801 г. имеют как сходства, так и различия. Оба указывали сословие отцов и восприемников (крестных), а также их принадлежность к конкретному приходу, что позволяет установить, к какой церкви относились жители Снагости. Однако Георгий Якубовский, чьи записи внешне более аккуратны и читабельны, опускал данные о дате крещения и месте жительства отцов. Это не позволяет восстановить полную территориальную картину прихода. Аналогичный пробел – отсутствие мест жительства отцов – характерен и для метрической книги 1815 г., которые вел священник Фёдор Никитин.

Стоит отметить, что записи 1801 г. содержат орфографические ошибки, отражающие устную речь. Фамилии малороссиян часто фиксировались в виде прозвищ: Пехотинец (Пехотинский), Заковражки (Заковражкин), Цеун (Цеунов), Божок (Божков), Моренец (Моренцов), Рожок (Рожков), Сухонос (Сухоносов) и другие. В 1815 г. фамилии записывались в единообразной, устоявшейся форме.

В 1801 г. в приходе Василия Краснопольского крещены 53 ребенка (30 мальчиков и 23 девочки), а у Георгия Якубовского – 42 ребенка (17 мальчиков и 25 девочек). Таким образом, общее число новорожденных за год составило 95 человек [2, л. 36].

Благодаря подробным записям Краснопольского известно, что в его части прихода 37 детей были рождены малороссиянами из Апанасовки, а 16 – крестьянами из Снагости. Статистику по приходу Якубовского восстановить сложнее, однако сопоставление фамилий с данными ревизских сказок за 1795 г.

показывает, что среди его прихожан также были и малороссияне, и крестьяне из обоих населенных пунктов.

В первом приходе мальчиков чаще нарекали Фёдорами (5 детей), Григориями (4) и Алексеями (2), в то время как женские имена, за исключением двух Екатерин, не повторялись. В приходе Якубовского популярными мужскими именами были Иван (8), Фёдор (7) и Степан (6), а женскими — Прасковья (5), Татьяна (3) и Ефросинья (3).

В 1815 г. были зарегистрированы 87 рождений (47 мальчиков и 40 девочек), и все они были детьми малороссиян. Места жительства родителей не указаны. В этом году мальчиков чаще называли Никифорами, Деомидами и Петрами, а девочек — Иринами, Евдокиями и Вассаами [4, л. 29].

В 1801 г. в приходе Краснопольского было заключено 6 браков (4 пары малороссиян и 2 пары крестьян), молодожены были из Апанасовки и Снагости. А в приходе у Якубовского — 13 браков (7 пар малороссиян и 6 пар крестьян). За невестами из Снагости сватались женихи из разных сёл и деревень князей Барятинских: Апанасовки (1), Коренево (1), Обуховки (1), Груковки (1), Снагости (8) и Ивановского (дворовой крестьянин женился на крестьянке из Снагости).

Священники использовали характерные для того времени формулировки: «понял девицу» или «понял за себя», то есть взял в жены. Обязательно указывалась очередность брака (первый или второй), если один из супругов вступал в брак впервые, а другой — во второй раз, брак назывался «полувторобрачный».

В 1815 г. зарегистрированы 26 браков, все они были заключены между малороссиянами. Все невесты были из Снагости. При этом география происхождения женихов оказалась весьма разнообразной: 20 женихов были из того же села, а остальные из Гапоново (2), Ивановского (1), Толстого Луга (1), Гордеевки (1) и Любимовки (1).

В 1801 г. в приходе Краснопольского было отпето 33 человека, а у Якубовского — 54. Общая смертность составила 87 человек, из которых 70 были малороссиянами, 16 — крестьянами и один — церковнослужителем. Все они были жителями Апанасовки и Снагости. В 1815 г. умерших было зафиксировано 54 малороссиянина (25 мужчин и 29 женщин), населенные пункты, к сожалению, не указаны.

За полтора десятилетия — с 1801 по 1815 г. — приход Рождество-Богородицкой церкви претерпел значительные изменения. Вместо маленького деревянного храма стал строиться большой каменный. Изменился и сословный состав прихожан: если в 1801 г. здесь были и крестьяне, и малороссияне, то к 1815 г. приход состоял исключительно из малороссиян. При этом храм сохранил свою значимость как духовный центр, о чем свидетельствует большое количество крещений и браков.

Третьей в Снагости появилась Никольская церковь. Она была построена в 1732 г. усердием игумена Рыльского Николаевского монастыря Пафнутия, родственника помещиков Лукашовых [6, л. 6]. Метрические книги сохранились за 1801–1913 гг. с лакунами. В течение всего анализируемого периода (1801–1815 гг.) священником в Никольской церкви служил Василий Гринев. Особенностью прихода было наличие прихожан различных помещиков, чьи фамилии регулярно упоминаются в записях с 1810 г.: Воропанов, Ефросимов, Волжинов, Вязьмитинов, Похвиснев, Аксенов, Беседин, Износкова и другие. Кроме того, в записях иногда встречаются однодворцы. В приход входили деревни Апанасовка, Снагость и деревни Бляховой.

В 1801 г. зарегистрировано 67 рождений (29 мальчиков, 38 девочек) с разнообразным сословным составом: 42 малороссиянина, 18 крестьян, 2 однодворца, а также представители духовенства (2), прапорщик и помещик.

33 человека были из Снагости, 27 из Апанасовки и 7 из Бляховой. Наиболее частые имена в 1801 г. были: Павел (4), Иван и Фёдор (по 3) среди мальчиков; Мария (6), Татьяна (5), Агафья (4) среди девочек [2, л. 57].

В метрической книге за 1810 г. зафиксированы крещения 57 детей (26 мальчиков и 31 девочки). Сословный состав был следующий: 33 малороссиянина, 19 крестьян, 4 однодворца и 1 неслужащий дворянин. Здесь мы видим также и разнообразие населенных пунктов: кроме Апанасовки и Снагости Барятинских записаны крестьяне и малороссияне других местных помещиков. Популярные имена: Михаил (3), Василий и Дмитрий (по 2) у мальчиков; Евдокия (5), Анна (3), Екатерина (2) у девочек [7, л. 337].

В 1815 г. сделаны 63 записи о рождении (28 девочек и 35 мальчиков). Сословный состав включал 32 малороссиянина, 21 крестьянина, 6 однодворцев, 3 дворовых крестьян и 1 подпоручика. Географическое распределение показывает преимущественное проживание в Апанасовке (25) и Снагости (27). Распространенные имена: Иван и Филипп (по 3), Леонтий (2) среди мальчиков; Анна и Мария (по 3), Матрона (2) среди девочек [7, л. 274].

Следующий раздел для анализа – «О бракосочетавшихся». В 1801 г. заключены 12 браков с участием малороссов, крестьян и однодворцев. Невесты были из Снагости и Апанасовки, женихи – преимущественно из Снагости (8), а также из Бляховой (2), Апанасовки (1), Любимовки (1) и Коренево (1).

В 1810 г. зарегистрированы 14 браков. Сословный состав сохранился. В этом году зафиксирован минимальный возраст вступления в брак у женщин за весь исследуемый период – 13 лет. За местными невестами женихи сватались из Апанасовки (6), Снагости разных помещиков (5), Гапоновой (2), Бляховой (2), Толстого Луга (1).

В 1815 г. количество браков немного выросло – 16 записей внесено в метрическую книгу, сословный состав не изменился. Населенные пункты у невест указаны не везде, женихи были преимущественно из Снагости разных помещиков (8) и Апанасовки (5), Гордеевки (2), Бляховой (2), Гапоновой (1).

Зафиксирован интересный случай двойной записи брака Степана Павлова Сухоносова и Пелагеи Яковлевой Мироненковой, возраст и данные брачующихся совпадают, а поручители и месяц события разнятся.

В 1801 г. зафиксированы 33 смерти (18 мужчин и 15 женщин). Сословный состав умерших был представлен 17 крестьянами, 15 малороссами и 1 дьяком. Все они были жителями сел Снагость, Бляхова и Апанасовка.

В 1810 г. записи о смертях сохранились лишь с апреля (с 8-го пункта метрической книги). За этот период отмечено 22 умерших (9 мужчин и 13 женщин).

В 1815 г. общее число умерших составило 31 человек (13 мужчин и 18 женщин). Хотя причины смерти в большинстве случаев не указаны, в нескольких записях встречается отметка об оспе.

Никольская церковь отличалась наиболее разнообразным сословным составом среди всех храмов Снагости. В метрических книгах присутствуют подробные указания на принадлежность к конкретным помещикам, что позволяет реконструировать социальную структуру населения. Приход сохранял социальное разнообразие на протяжении всего изучаемого периода, включая малороссиян, крестьян, однодворцев и даже дворян.

Проведенный сравнительный анализ метрических книг трех церквей села Снагость за выборочные 1801–1815 гг. позволил выявить закономерности в демографическом и социальном развитии населенного пункта.

Каждый храм имел свои особенности: Ильинская церковь при священнике Федоре Никитине обслуживала только малороссийское население, но со сменой

священника в приходе стали появляться и крестьяне. В то же время Рождество-Богородицкая церковь, напротив, прошла путь от смешанного прихода к исключительно малороссийскому с приходом того же Фёдора Никитина. Никольская церковь сохраняла разнообразный сословный состав на протяжении всего периода. В этой церкви прослеживается изменение, отражающее трансформацию структуры местного землевладения. Если в самой ранней метрической книге 1801 г. фиксировались преимущественно прихожане, принадлежавшие князьям Барятинских, то в более поздний период появляются записи о крестьянах и малороссиянах мелкопоместных владельцев.

Исследование показало динамику демографических процессов – колебания рождаемости, стабильность брачности и изменения в смертности. В 9 из 10 исследуемых лет рождаемость мальчиков стабильно превышала рождаемость девочек, записи о незаконнорожденных были единичны. Брачная структура отличалась стабильностью: хотя большинство браков заключалось внутри своего сословия, наблюдались и единичные случаи межсословных союзов (между крестьянами и малороссиянами). В сфере смертности в 7 из 10 лет фиксировалась более высокая смертность среди женщин, а появление записей о смерти от оспы предоставляет ценную информацию о болезнях, характерных для эпохи.

На основании качественного анализа записей священника, можно сделать выводы о специфике ведения записей и квалификации священников. Выявлены особенности именаречений, отражающие местные традиции и общероссийские тенденции.

Установлено, что метрические книги являются ценным источником не только для демографических исследований, но и для изучения социальной истории, миграционных процессов и эволюции церковного делопроизводства. Анализ подтвердил, что даже фрагментарно сохранившиеся метрические книги при комплексном изучении позволяют реконструировать важные аспекты жизни сельского населения Российской империи.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в привлечении дополнительных источников, содержащих сведения о периодах функционирования церквей, расширении корпуса исследуемых метрических книг, а также работе с архивными делами, хранящимися в Государственном архиве Курской области.

Источники и литература

1. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1255. Оп. 3. Д. 389.
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 217. Оп. 2. Д. 16.
3. ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 3909.
4. ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 3964.
5. ГАКО. Ф. 483 Оп. 1. Д. 37.
6. ГАКО. Ф. Р-323 Оп. 1 Д. 340.
7. ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 3938.

КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В статье дан обзор состояния благоустройства в конце XIX – начале XX вв., а также образование и состояние коммунального хозяйства в первые годы Советской власти на территории города Курска и Курской губернии.

Коммунальная служба в современном ее представлении появилась в 1920 г. и прошла долгий путь формирования, организационных мероприятий и финансирования.

До революции многих направлений хозяйственной деятельности на территории городских и сельских поселений не было, ввиду простоты и, даже примитивности быта.

Однако стоит сказать, что вопросы благоустройства решались и были возложены на земские и городские управы.

До 1918 г. коммунального хозяйства как структуры управления в Курской губернии не было. Хозяйственные вопросы были в обязанностях земских управ, которые являлись исполнительными органами земств с 1865 г. В их обязанности входили вопросы устройства и содержания общественных мест и зданий, тюрем, ремонт и строительство дорог, организация страхования недвижимого имущества, скота, посевов, ветеринарной помощи, борьбы с вредителями сельского хозяйства, порубками, потравлей помещичьих лесов и лугов, ремонтом и строительством больниц, аптек, библиотек, школ, снабжения школ учебниками, школьными принадлежностями [1, с. 272–274].

Состояние благоустройства Курской губернии в конце XIX в. отличалось от существующего. Мощеных улиц в городах губернии было крайне мало. Кроме Курска мощеные улицы были в Старом Осколе, Рыльске, Путивле. В последнем улицы были вымощены в 1886 г. на средства, поступившие в казну от отказа городского головы и члена городской управы от жалования. В Обояни и Белгороде главные улицы были шоссейными.

Удаление нечистот производилось примитивным способом. Часто жители выливали на улицу содержание помойных и даже выгребных ям. В Курске удаление нечистот совершалось из домов более зажиточных путем выкачивания из выгребных ям в герметично-закупоренные бочки, сливались в реки. Места свалки нечистот определялись городскими управлениями и соответствовали своему назначению в том смысле, что не загрязняли проточных вод и колодцев.

Водоснабжение населенных местностей Курской губернии осуществлялось исходя из местных условий: воду брали или из рек, или из колодцев и ключей, где вода не загрязнялась. Очистка колодцев проводилась редко.

Водопровод на 1888 г. был проведен в двух городах губернии: Курске и Белгороде. В губернском центре вода бралась из реки Сейм, которая находилась в 1½ версты от города. Вода была хорошей, но во время разлива весной и осенних дождей она имела бурый цвет и оставляла осадок и слизь на стенках посуды. Необходима была домашняя очистка. В Белгороде водопровод снабжал жителей родниковой водой из бака, находящегося на возвышенном выгонном месте, на меловой горе, в одной версте от города. Ключи, из которых накачивалась вода в бак, находились ниже этого места. Вода хорошего качества, чистая и приятная для питья, поэтому жители не пользовались водой из колодцев.

Бойни, устроенные в соответствии с требованиями того времени, в Курской губернии отсутствовали. Они были устроены преимущественно без всякого плана и разрешений. Нередко было неизвестно в каких дворах и каких местах производили убой скота. В Курске функционировали 3 официальных бойни, в Белгороде – 5, в Обояни – 1. В Щиграх, Рыльске, Путивле, Короче, Дмитриеве бойни были вынесены за черту города. В Тиме, Льгове, Новом Осколе, Судже, Грайвороне боев не было. Убой скота производился во дворах.

Общественные бани существовали только в городах и то не во всех: в Курске, Рыльске, Белгороде, Судже, Короче, Тиме, Путивле и Обояни. Устроены были довольно просто, без всяких приспособлений для вентиляции. Вода для нужд бань бралась из рек и колодцев. В сельской местности бани встречались редко.

В ведомстве земств и городских управ находились кладбища, которые в большинстве случаев располагались на возвышенностях и содержались в хорошем состоянии: засажены деревьями, дорожки посыпаны песком, могилы покрыты дерном [2, л. 23–29].

Содержание пожарной части в Курске и уездах Курской губернии, за исключением Старого Оскола, Грайворонского и Тимского уездов, где повинность отбывалась самими обывателями натурой, составляло 103 188 руб. 37 коп. в год. Средства поступали от обязательного земского страхования от огня [3, с. 44].

На 1915 г. благоустройство общественных мест на средства земства включало ремонт присутственных мест, богоугодных заведений и психиатрической больницы. В уездах на средства уездных земств были построены 21 школа, 5 училищ, 1 низшая сельскохозяйственная школа, закончено строительство 36 школ, 1 больница, 1 заразный барак, надворные больничные постройки и другие объекты. В этом же году производился ремонт 177 дорожных сооружений [4, с. 62–63].

Как видим, средств на обустройство мест общественного пользования выделялось очень мало или совсем не выделялось. Средства на эти расходы поступали от губернских и уездных сборов, по которым часто случались недоимки. Так, к 1 января 1889 г. сумма всех недоимок от этих сборов составляла 734 740 руб. 21 коп. Причиной этому были неурожаи, отражавшиеся на экономическом благосостоянии населения, к этому добавлялись беспорядочно-взимаемые волостные и мирские сборы. Так же выглядели и городские сборы. Земские учреждения собирали в свою казну подводную и дорожную повинности [3, с. 13–16, 24].

Земства были ликвидированы 26 октября 1917 г. (ст. ст.). II съезд Советов принял первые декреты Советской власти. В частности в составе НКВД было создано Главное управление по делам местного хозяйства [1, с. 344].

В декабре того же года был учрежден Комиссариат по местному самоуправлению, отделы которого должны были выполнять прежние функции городских и земских учреждений. В него вошло Главное управление по делам местного хозяйства НКВД.

На I съезде заведующих коммунальными отделами в январе 1920 г. отделы местного хозяйства были переименованы в коммунальные отделы. Главное управление коммунального хозяйства состояло из отделов: жилищного, предприятий общего пользования, благоустройства, эксплуатации городской земли, пожарного, материального.

На основании постановления Совнаркома от 21 апреля 1920 г. Курский губернский исполком постановил принять меры к организации при уездных отделах управления коммунхозов.

В компетенцию и пределы деятельности отдела местного коммунально-муниципального хозяйства входила хозяйственная политика на местах, которая

заклучалась в создании производительных и потребительских коммун с задачами полной национализации недвижимостей, предприятий, снабжения, обмена и распределения в рамках местной единицы, в благоустройстве местной жизни, в правильном взыскании средств для ведения всего коммунально-муниципального хозяйства.

В виду важности и особенности намеченных задач, необходимо было создать самостоятельные органы при исполкомах. Для беспрепятственной деятельности этих отделов необходимо было разъяснить и внедрить на местах, что задачи этих отделов отличаются от предприятий общереспубликанского значения. Коммунально-муниципальные отделы должны быть организованы не только в городах (горисполкомах), но и в волостях и уездах губернии. В зависимости от объемов местных задач, коммунально-муниципальный отдел должен был или делиться на подотделы, или состоять из нескольких самостоятельных отделов под общим коллегиальным органом [5, л. 2–3 об.].

В октябре 1920 г. в Москве состоялся 2-й Всероссийский съезд заведующих коммунотделами. На нем рассматривались несколько вопросов: в том числе организация центрального, региональных и уездных коммунотделов, а также коммунотделов в волостях и селах. Среди первоочередных задач ставились: благоустройство населенных пунктов республики, организация пожарного дела, определение городской черты, учет и распределение жилья, управление домами, ремонт зданий. В ведении отделов находились городские огороды, сады и земотделы [6, л. 3].

Городские и уездные коммунотделы начали организоваться с января 1921 г. Проблемы ведения управления разрозненных коммунотделов, не имеющих опыта в новой сфере, были вскрыты на первом губернском съезде коммунотделов, состоявшемся 2 августа 1921 г. Там же были приняты решения о смене курского городского и уездного коммунотделов, введена оплата за все коммунальные услуги. Обсуждался вопрос о переходе коммунальных предприятий на хозяйственный расчет.

О состоянии коммунального хозяйства в первые годы его существования дает представление отчет Курского губернского коммунального отдела за 1926 г. Основной задачей по благоустройству города, без которой остальные мероприятия теряли смысл, являлась распланировка города для расширения городской черты [7, л. 4].

По данным губернского коммунхоза к 1 августа 1922 г. было муниципализировано 2 367 домовладений и 53 лавки, отдельно в Курске муниципализировались 1 123 домовладения и 53 лавки [8, л. 1].

Жилищный вопрос в первые годы Советской власти стоял очень остро. Например, в Курске на каждого жителя приходилось 5,6 кв. м. жилой площади. Недостаточное финансирование не позволяло улучшить эту ситуацию. Многие дома не соответствовали санитарным нормам. Из мероприятий по жилищным вопросам стоит отметить интенсивную ремонтно-строительную кампанию, в ходе которой были восстановлены дома № 68 по ул. Красной Армии, № 23 по ул. Золотаревской (ныне ул. Гайдара) под ночлежный дом, № 28 по ул. Ленина, № 8 по ул. Сосновская. Здание бывшей крупорушки по ул. Софьи Петровской, 13 было переделано под 18 квартир. Аналогично был переделан дом по ул. Белевцевской, 4 (ныне ул. Челюскинцев).

По внешнему благоустройству были проведены работы по строительству Стрелецкого и Дерюгинского мостов через Тускарь, укреплены берега в районе мыловаренного завода, очищена набережная р. Тускарь, проведена осушка заболоченных мест на ул. Литовской отремонтировано 15 988 кв. м мостовых, вновь

вымощено 5 934 кв. м, сделано 1 921 кв. м тротуаров и отремонтировано 1 729 кв. м [7, л. 11].

Земельные угодья, находившиеся в ведении городов, эксплуатировались различным образом: в Курске и Белгороде образовывались самостоятельные комбинаты, в Белгороде в этот комбинат были включены городские весы, кладбище, регистрация собак, ассенизаторский обоз. В остальных городах земля сдавалась в аренду [7, л. 14].

Пожарный подотдел начал свое существование в структуре коммунального хозяйства, после изъятия из структуры Совета народного хозяйства, в полуразрушенном состоянии. Организационная работа была проведена большая, были выработаны инструкции, но не хватило пожарных инструментов, обмундирования и инвентаря. В 1921 г. был организован пожарный поезд № 5, имеющий оперативную связь с пятью губерниями, со стоянкой в г. Курске. Он был создан для борьбы с большими стихийными пожарами, достаточно оборудован, снабжен специализированной командой, но был ликвидирован в октябре 1921 г. На 1921 г. по губернии работали 20 пожарных команд. Их штат был укомплектован на 70 %: не хватало лошадей, труб, лестниц, багров, ломов, рукавов и другого инвентаря.

Из отчета подотдела по благоустройству за 1921 г. следует, что он существовал только на бумаге, так как на запланированный ремонт в 1921 г. не было выделено средств. Но, тем не менее, был составлен план на 1922 г.

На городских землях отдел благоустройства выращивал сельскохозяйственные культуры, которые пошли на оплату продналога и нужды коммунального хозяйства. На нужды города ничего не было направлено.

Подотдел предприятий начал свою работу с августа 1921 г. В его ведении находились: 16 бань, парикмахерские, 13 слесарных мастерских, 3 прачечные, 15 кузниц, 73 ассенизационных выездных телег, одна мельница, 3 похоронных бюро, 4 колодца, 12 артезианских колодцев, 31 колодец примитивного типа, две бондарные, 4 поводочные мастерские и другие мелкие мастерские по обслуживанию нужд населения.

Водопровод имелся в Курске, Белгороде, Щиграх и Старом Осколе. Водокачки в Путивле и Тиме без ответвлений. Разработан план водопровода в Судже.

Водопровод в г. Курске, построенный в 1872 г., серьезному ремонту не подвергался, вследствие чего трубы находились в изношенном состоянии, утечка воды составляла 30–40 %.

Отдел снабжения регулировал снабжение материалами уездные и городские отделы коммунального хозяйства. Его задачей был строгий учет производства материалов коммунальными предприятиями. Однако, ввиду отсутствия снабжения, вклад в работу коммунального хозяйства был минимальным. В отчете о деятельности отдела снабжения за 1921 г. указан только один пункт: «работа на получение погрузки пакли для Курского коммунотдела».

Аналогично велась работа счетно-финансового подотдела. С июня по сентябрь 1921 г. не была представлена ни одна смета. В отчет подотдела включалась работа по составлению перечня приходно-расходной сметы на 1921 г., заявления на кредит [9, л. 109–113 об.].

На основании Постановления СТО от 22 июня 1923 г. Главное управление коммунального хозяйства дало распоряжение о передаче в ведение коммунальных хозяйств кишечных заводов при бойнях [10, л. 18].

На 1 ноября 1923 г. в структуру коммунотдела входили подотделы: предприятий, в подчинении которого были мельницы, электростанции, баня, скотобойня, типография, колодцы, книжный склад, базарные и ярмарочные

площадки, кроме того, в его ведении был жилищный вопрос и пожарная секция [10, л. 41].

В 1925 г. на территории Курской губернии имелось 18 электростанций общественного пользования. Наиболее мощные – Курская, Рыльская и Белгородская. Электроснабжение городов находилось в неудовлетворительном состоянии. В Курске было 2 станции. Первая была законсервирована из-за изношенности оборудования. Вторая – трамвайная, где работал на освещение русский дизель в 300 лошадиных сил и установка трамвайной станции, которая действовала с 1895 г. [7, л. 18].

Трамвайный парк в 1925 г. состоял из 12 моторных вагонов. Длина трамвайных путей составляла 4,5 км. В среднем на линию в день выходило 9 вагонов.

Трамвай Курска, построенный в 1896 г., является одним из первых трамваев в стране. В 1918 г. он прекратил движение и возобновил его только в октябре 1924 г., после восстановительного ремонта. В 1925–1926 гг. проводили текущий ремонт. Кроме того средствами мастерских «Водосвета» было построено 2 новых вагона [7, л. 24, 92].

Промышленные предприятия, находившиеся в ведении коммунального отдела, частично сдавались в аренду. Это были мелкие предприятия, требующие больших затрат или убыточные предприятия.

В Курске это были три крупорушки, кожзавод, лодочная пристань, переправа через Тускарь, колбасное заведение с магазином, вешалки в театре, 2 бани, расклейка рекламы. В Белгороде и Грайвороне – кирпичный и пилорамный заводы. В Рыльске – кишкопункт, баня. По сельским местностям сдавались в аренду 142 предприятия, преимущественно мельницы.

Коммунальные предприятия, которые эксплуатировал коммунотдел по городам, распределились следующим образом: Курск – скотобойня и скотопригонный двор, похоронное бюро, бани, гостиницы «Ленинград» и «Генуя», городские весы и ассенизационный обоз, аукционный зал, дача. Белгород – маловаренный завод, типография, книжный магазин, гостиница, кожевенный завод, сушильный завод, мельница. Щигры – машиностроительный (с/х машин) завод, типография. Грайворон – баня, мельница, сукновальня. Рыльск – скотобойня, ассенизационный обоз.

К середине 1920-х гг. пожарная охрана в Курской губернии была в удовлетворительном состоянии. В Курске эту службу несла профессиональная пожарная команда, состоящая из трех пожарных частей со штатом в 247 человек; добровольное пожарное общество, состоящее из 40 человек добровольцев и учебная команда при курсах пожарных техников, состоящая из 40 человек.

В уездных городах также были профессиональные пожарные команды.

Во всех городах имелся пожарный обоз, но его состояние было сильно изношено. В сельской местности пожарная охрана практически отсутствовала [7, л. 148–150].

Состояние дорог также требовало финансовых вложений. Ремонта требовали мосты. На 1925 г. техническое и экономическое обследование дорог коммунотделом не было произведено. Эти мероприятия вносились в перспективный план [7, л. 153].

Водопровод в губернии в середине 1920-х гг. остался на уровне конца XIX в. Отсутствие правильно поставленного водоснабжения в большинстве населенных пунктов губернии сказывалось на недостаточности сети бань. Требованием отвечали бани в Курске и Рыльске. В Судже, Новом Осколе и Тиме бань не было совсем.

Самый большой доход в казну коммунотдела приносили бойни. Увеличению доходов препятствовала техническая оснащенность по утилизации отходов.

Еще одной статьей доходов губернского коммунотдела были гостиницы. Коммунальные гостиницы имелись в Курске, Белгороде, Льгове, Старом Осколе, Новом Осколе, Судже. Почти во всех городах к 1925 г. они были заново отремонтированы.

Вопрос очистки городов обстоял в Курской губернии плачевно. Даже самый мощный ассенизационный обоз в Курске охватывал только 25 % муниципализированных владений. На балансе числилось 47 лошадей, 23 бочки и 23 колымаги. В уездах дело обстояло не организованно, также обозы числились в Белгороде, Старом Осколе, Рыльске и Обояни [7, л. 147].

Приведенные сведения показывают начало становления службы коммунального хозяйства в 1920-е гг. В данной статье не рассматривался вопрос ценовой политики в сфере оказания услуг.

Источники и литература

1. Ермошкин Н.П., Куликов Ю.П., Чернов А.В. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. Учебное пособие. М., 1983.
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 33. Оп. 2. Д. 5821.
3. Приложение к всеподданнейшему отчету о состоянии Курской губернии за 1888 год. Курск, 1889.
4. Обзор Курской губернии за 1915 г. Курск, 1916.
5. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 295.
6. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 296.
7. ГАКО. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 256.
8. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 1853.
9. ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 144.
10. ГАКО. Ф. Р-865. Оп. 7. Д. 55.

О. А. Черников

ИЗ ИСТОРИИ КУРАСОВСКОЙ МОЛОЧНОЙ АРТЕЛИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

История отечественной дореволюционной кооперации представляет собой богатейшую тему для исследователей.

В начале XX в. российская кооперация по своим количественным параметрам являлась самой крупной в мире, приобщив к своей деятельности более половины населения страны. Перед событиями октября 1917 г. в ее состав входили свыше 60 тыс. первичных объединений различных видов и типов: около 35 тыс. потребительских обществ, 16 тыс. кредитных и ссудно-сберегательных товариществ, 7,8 тыс. сельскохозяйственных обществ, 2,9 тыс. молочных артелей и т. д. Общую численность кооператоров исследователи определяют до 24 млн человек [8, с. 58; 9, с. 102–103; 10, с. 48–49; 11, с. 59; 12, с. 3].

По общему признанию высшей формой кооперативных объединений являются производственные кооперативы. В царской России ими, в первую очередь, являлись артели.

Особое место среди данных кооперативов занимали молочные артели. Это была одна из самых распространенных и эффективных форм сельской кооперации, способствовавших росту благосостояния крестьян и их самосознания.

Передовые позиции здесь занимала Западная Сибирь и Вологодская губерния. Тем не менее, подобные кооперативы действовали фактически во всех регионах России, в том числе и в Курской губернии.

Первые молочные артели, как организации по переработке и сбыту сельскохозяйственной продукции, в нашем регионе появились в конце XIX в. Но в тот период данный вид кооперации не получил значительного распространения. Подлинный всплеск деятельности молочных артелей относится к началу второго десятилетия XX в.

Своеобразным местным «первопроходцем» стала Курасовская молочная артель Чаплыгинской волости Курского уезда [1, л. 1].

Толчком к ее появлению явились проблемы, возникавшие у местных крестьян при продаже излишков молока. Некоторые из них, по примеру крупных производителей, пытались отвозить молоко на продажу в г. Курск, но с учетом расстояния до города в 12–20 верст возить молоко от одной – двух коров было просто невыгодно.

На данную ситуацию первым обратил внимание инструктор по молочному хозяйству П. А. Рацинис. Именно он 15–18 декабря 1910 г. прочитал три лекции по молочному хозяйству в Курасовской земской школе. 30 декабря 1910 г. помещица А. А. Петрова собрала крестьян, интересующихся сбытом молока, которых П. А. Рацинис познакомил с деятельностью артельных маслодельных заводов Вологодской губернии. По итогам данного собрания и было принято решение организовать молочную артель с собственным маслодельным заводом [3, л. 1–1 об.; 4, л. 9 об.].

Избранный артельный совет выработал устав артели. Согласно Устава членами артели могли состоять лица всех сословий, имеющие хотя бы одну корову и живущие на расстоянии не далее 10 верст от артельной маслодельни. Каждый член артели был обязан все полученное от своих коров молоко, за исключением необходимого для собственного потребления, поставлять на артельный завод. Если же лицо прекращало доставку молока без уважительных причин, то оно исключалось из артели по постановлению Совета артели [3, л. 4 об. – 5; 4, л. 19].

В качестве учредителей артели выступили жители сел Курасово и Старосельцево, а так же деревень Киреевки, Звягинцево, Исаковские дворы и Волобуево. В основном это были местные крестьяне. Среди учредителей присутствовали и несколько священников [1, л. 20–20 об.; 3, л. 1].

Особую же роль в создании кооператива сыграли отставной штабс-капитан Василий Дмитриевич Петров и его жена Анна Александровна. Во многом именно благодаря последней и состоялся кооператив.

Это было связано с тем, что в ходе обсуждения вопроса организации деятельности артели выяснилось, что для приобретения оборудования завода потребуется более 500 руб. Достаточно большая сумма испугала крестьян, которые фактически решили отказаться от участия в работе. Здесь на помощь и пришла Анна Александровна. Она предложила артели беспроцентный займ сроком на один год, с условием, что если деятельность окажется неудачной, то в качестве долга будет изъят лишь инвентарь. Кроме того, Петрова выделила под здание завода свой старый дом [4, л. 9 об.].

Устав артели был утвержден 16 февраля 1911 г. [1, л. 24]. Непосредственное же функционирование артели началось в последних числах февраля 1911 г.

27 февраля 1911 г. был отслужен специальный молебен в присутствии почти 100 человек. 28 февраля 1911 г. члены доставили первое молоко. За день было принято 23 ведра. На следующий день – 35 ведер (27 пуд. 4 ф.). 2 марта 1911 г. артельный завод, с целью установления возможной цены, направил «на пробу» первую свою продукцию в г. Киев и в г. Москву [3, л. 15–16].

Как свидетельствует выявленные документы, с самого начала деятельность кооператива была достаточно успешной.

Учредители артели первоначально рассчитывали, что у них будет 30–35 ведер молока в сутки. Именно из расчета на такой объем молока было закуплено оборудование. Но очень быстро количество членов кооператива и масштабы производство масла стали увеличиваться. За март месяц 1911 г. было принято от 110 артельщиков 1 498 пуд. молока. Из него было выработано 68 пуд. масла, проданного на сумму в 1 027 руб. В результате пуд молока обошелся в 69 коп. Хорошая оплата, гарантированный сбыт молока в неограниченном количестве и остающееся для домашнего обихода снятое молоко быстро привлекло новых поставщиков. К концу мая 1911 г. число членов артели возросло до более чем 250 человек, поставлявших ежедневно на завод 150 ведер молока. Данные результаты показали необходимость закупки нового инвентаря (сепараторов и маслобойки), что и было сделано [4, л. 24 об.].

Осуществленные затраты позволили увеличить объемы производства. В итоге, за 10 месяцев работы в 1911 г. было принято от 262 членов артели 11 085 пуд. 23 ф. молока, из которого было получено 470 пуд. 20 ф. масла от продажи которого было выручено 7 222 руб. 26 коп. [1, л. 27 об.; 4, л. 11]. При этом следует отметить, что кооператив вырабатывал только высококачественные сорта масла: парижское и сладко-сливочное.

Кроме масла артель продавала небольшое количество цельного молока и сливки. На продажу так же шло снятое молоко и пахта. В результате, с учетом данной продукции, по итогам 1911 г. было произведено и продано продукции на сумму 7 895 руб. 68 коп. [4, л. 11].

Сбыт масла производился в основном харьковскому торговому дому А. В. Чичкина. Часть продавалась на курском рынке и ряду местных торговцев. Пахта и снятое молоко продавались прямо на заводе.

Согласно параграфу 49 устава артели расчет с членами за сданное молоко осуществлялся ежемесячно [4, л. 22]. Происходило это в следующем порядке. Из вырученной за продукцию суммы вычитались ежемесячные расходы (на производство на заводе, оплата за отправку продукции, труда служащих, по различным обязательствам общества и т. д.). Из размера оставшейся суммы определялась чистая цена пуда молока. С этой цены ежемесячно отчислялись по 1–3 коп. с пуда в оборотный капитал. Оставшаяся сумма распределялась между членами артели соответственно количеству поставленного ими молока. По итогам того же 1911 г. средняя цена пуда молока за 10 месяцев составила 65,1 коп. [4, л. 11].

Важным было и то, что в обществе проводилась борьба с попытками фальсификации молока. Вот как это описывается в документе: «Молоко в завод поставляет каждый член отдельно; здесь его измеряют молоковесом и записывают в книгу поставщика, а также приемную завода; из принятого молока набирают пробирку и ставят на отстой; по истечению суток стаканчики с меньшими слоями отстоя отмечают; на другой день при приемке от этих лиц берут пробу и определяют по удельному весу, а также процентное содержание жира прибором Гербера по методу соль; на следующий проделывают эту же процедуру. Тут, конечно, если будет какая-либо погрешность, то получится большое колебание; о

колебании молока доводят до сведения старосты артели, совета и члена артели. Артельное правление обыкновенно в этих случаях дает члену отпуск на неделю или две. Если у него корова действительно виновна, то приглашают артельного мастера к себе на дойку или же просят старосту зайти и взять молоко из-под коровы для определения качества молока в завод. При подобной постановке дела фальсификация искоренилась даже в начале работы завода и теперь никакой попытки не замечается» [4, л. 10 об.].

Положительно на развитие артели сказалось открытие 1 октября 1912 г. при Курасовском маслодельном заводе крестьянского контрольного союза. Его целью провозглашалось оказание содействия в ведении животноводства, повышение надоев и т. д. [5, л. 3].

В отчете о деятельности союза за период с 1 октября 1912 г. по 1 октября 1913 г. отмечалось: «Возникшая первою маслодельная артель дает своим членам возможность вполне обеспеченного сбыта продуктов скотоводства – молока, а контрольный союз научит их тем приемам ведения скотоводства, по которым можно будет получить наибольшее количество его» [5, л. 7].

К 1914 г. в кооперативе состояло 350 членов: 5 помещиков, 3 священника и 343 крестьянина (преимущественно имевшие по одной корове). Артель собирала и перерабатывала около 1 500 пуд. молока в год.

За 1913 г. артелью было продано 769 пуд. 9,5 ф. масла на сумму 13 427 руб. 36 коп. Кроме того было реализовано остальной молочной продукции на 2 863 руб. 46 коп. [2, 2 об.; 6, л. 17 об.].

С целью получения дополнительных средств артель вступила в члены Курасовского кредитного товарищества. Кроме того, при артели действовала потребительская лавка.

Развитие кооператива продолжилось и в дальнейшем, в том числе и в годы Первой мировой войны.

Так, в ответе на запрос инспектора сельского хозяйства правление артели от 13 мая 1916 г. сообщало, что в 1915 г. в кооперативе состояли 545 членов, от которых было принято 18 711 пуд. 14 ф. молока. Пуд молока обошелся в среднем в 1 руб. 14 коп. При этом на погашение долгов и текущие расходы в среднем с пуда молока отчислялось 10 коп. Пуд же масла продавался в среднем по цене 23 руб. 5 коп. [7, л. 4].

Очень интересен ответ на содержавшийся в анкете вопрос «Как отразилась на ход артельных дел война». Правление сообщало, что «Замечается прибавление членов и приноса молока» [7, л. 1, 4 об.].

Таким образом, можно сделать вывод, что даже в условиях войны артель «крепко стояла на ногах».

В целом же краткое рассмотрение деятельности Курасовской молочной артели свидетельствует о достаточной эффективности подобных объединений. Решая насущные проблемы мелких производителей по сбыту произведенного сырья, позволяя получать им более высокий доход, они способствовали эффективному развитию животноводства в стране.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 8158.
2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8487.
3. ГАКО. Ф. 1504. Оп. 1. Д. 152.
4. ГАКО. Ф. 1504. Оп. 1. Д. 154.
5. ГАКО. Ф. 1504. Оп. 1. Д. 234.

6. ГАКО. Ф. 1504. Оп. 1. Д. 258.
7. ГАКО. Ф. 1504. Оп. 1. Д. 380.
8. Кабанов В.В. Октябрьская революция и кооперация. 1917 – март 1919. М., 1973.
9. Меркулов А.В. Исторический очерк потребительской кооперации в России. М., 1917.
10. Огановский А.П. Аграрный вопрос и кооперация. М., 1917.
11. Файн Л.Е. История разработки В.И. Лениным кооперативного плана. М., 1970.
12. Хейсин М.Л. Исторический очерк кооперации в России. Пг., 1918.

А. Р. Конищев

ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ: ИЗ ИСТОРИИ МАРИИНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ И ШКОЛЫ № 18 ГОРОДА КУРСКА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

На официальном интернет-портале МБОУ «Школа № 18 имени А. С. Серегина» в разделе «История школы» приведена информация о том, что «первые упоминания о школе, найденные в государственном архиве, относятся к ноябрю 1918 года и январю 1919 года». Утверждается, что это некая папка со списками гимназисток, зачисленных в школу при расформировании Курской Мариинской женской гимназии, а также «запись о приобретении каучуковой печати для школы 18» [1]. Вместе с тем, поиск сведений и анализ архивных документов, позволил реконструировать более сложную и специфическую картину работы учебного заведения в первые годы советской власти, а также поставить вопрос о правомерности отождествления некоторых современных школ г. Курска с теми учебными заведениями, которые существовали в дореволюционный и советский довоенный периоды времени.

В 1918 г. был принят Декрет ВЦИК «О Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», согласно которому всем школам, которые находились в ведении Наркомпроса, за исключением высших учебных заведений, присваивалось наименование «Единая Трудовая Школа»; разделение образовательных учреждений на начальные, высшие начальные училища, гимназии, реальные училища и др. – упразднялось [2]. Соответственно, Курская Мариинская женская гимназия была преобразована в Единую Трудовую Школу. Отметим, что выявить сведения о том, что бывшие мариинки были зачислены в образованную школу № 18, не удалось. Вместе с тем, в архивном фонде «Курский губернский отдел народного образования» имеются документы, которые действительно подтверждают связь Мариинской гимназии и школы № 18. В ноябре 1919 г., сразу по прошествии нескольких дней после возвращения большевиками города, отдел народного образования потребовал заполнить школьный совет 18-й школы анкету, в которой указывалось, что «Единая Трудовая Школа I-й ступени № 18» проводила занятия «в 2-х зданиях: научные – в большом доме, во флигеле – мастерские; Адрес: (Флоровская) ул. Радищева, д. 57» [3, л. 42]. Согласно сведениям из документа о перерегистрации домовладений г. Курска, зданию под № 57 по ул. Радищева был присвоен № 33¹ – современный главный

¹ В период с 1918 по 1928 г. в г. Курске проходила перерегистрация государственных и частных домовладений. В Государственном архиве Курской области имеется на хранении дело, в котором содержатся сведения об изменении номеров, с указанием владельца здания. В тексте статьи номера указаны так, как они обозначены в источниках, за исключением случаев, когда необходимо доказать преемственность здания.

корпус Курского государственного университета, который в настоящее время располагается в стенах бывшей Мариинской гимназии [4, л. 122 об.]. Кроме того, в указанной анкете под девятым пунктом ставился вопрос об ущербе, нанесенном школе во время пребывания белых, в ответе школьный совет отмечал, что «за время пребывания белых взято и не возвращено из бывшей тогда Гимназии пианино, в чем имеется роспись при делах школы» [3, л. 44]. В доказательство того, что школу под № 18, существовавшую в первые годы советской власти, можно соотнести с дореволюционным учебным заведением, следует указать и то, что председателем школьного совета была Елена Болеславовна Кукель, которая являлась бывшей начальницей Курской Мариинской женской гимназии [3, л. 46–46 об.]. В сообщении школьного совета отделу народного образования от 9 августа 1920 г. содержалось: «<...> Председатель Школьного Совета 20-ой Сов. шк. I ступ. уведомила школьный Совет 18-ой Сов. шк. I ст., что председатель названной школы Елена Болеславовна Кукель скончалась 18-го июля <...>» [3, л. 40].

Казалось бы, что приведенные факты позволяют с полной уверенностью отождествить МБОУ «Школа № 18 имени А. С. Сергеева» с той, что была образована на месте бывшей Мариинской гимназии. По всей видимости, историческая справка на официальном сайте школы с отсылкой на архивные документы, была написана, руководствуясь такими же соображениями. Вместе с тем, продолжая реконструкцию истории бывшей мариинки в 1920-е гг., удалось выяснить, что историческая действительность была несколько иной.

Известно, что некоторое время здание Мариинской гимназии было занято Штабом Юго-Западного фронта, а также военным госпиталем. Это, в свою очередь, спровоцировало некоторые эксцессы. Так, например, в феврале 1920 г. школьный совет сообщал отделу народного образования, что им поступило заявление заведующего хозяйственной частью политотдела Штаба Юго-Западного фронта Алексева, в котором он просил принять сданную им ранее президиумом 18-й школы мебель бывшей Мариинской женской гимназии [3, л. 5]. Вместе с тем, возвращение мебели не произошло, так как Алексеев заявил, что все вещи он передал представителю 77-го госпиталя, который уже расположился в здании гимназии. Тем не менее, совету необходимо было предоставить опись, которая так и оставалась у Алексева. По этой причине между ними была назначена встреча, на которую явились представители школьного совета: секретарь О. Н. Бахтина и товарищ председателя А. И. Сахарова. Женщины прождали Алексева около 5 часов, но тот так и не явился. На следующий день «по словам дворника» школьному совету стало известно, что «Алексеев выбыл окончательно», а вечером в субботу было вывезено два «воза» мебели, затем в понедельник представителями городского жилищного отдела было вывезено еще несколько «возов» мебели [3, л. 5 об.]. Отметим, что курский губернский отдел народного образования немедленно сообщил об этом инциденте в коммунальный отдел. Тем не менее, в мае 1920 г. проблема еще не была решена, и совет сообщал, что в связи с началом занятий «ощущается острая нужда» в мебели, которая была почти вся вывезена из помещения бывшей Мариинской гимназии [3, л. 21]. Приведенный исторический нарратив, является одним из примеров тех сложностей, с которыми пришлось столкнуться школам г. Курска в условиях Гражданской войны. Кроме того, раскрываются сведения о специфике работы исследуемого учебного заведения – возобновление деятельности в мае 1920 г.

Одновременно с этим, интересно и то, что в зданиях бывшей гимназии, располагалась не только школа № 18, но и школа № 3 II ступени: «<...> Школьный Совет 18-й Советской школы I ст. доводит до сведения отдела Народного образования, что флигель на Золотой улице, принадлежавшей 18-й Сов. школе

I-й ст. и школе № 3 II-й ступени занят Штабом 120-го стрелкового батальона <...>» [3, л. 11]. В октябре 1920 г. оба учебных заведения уже не работали. Это следует из протокола совещания председателей школ, выселенных Штабом Юго-Западного фронта, организованного губернским отделом народного образования [5, л. 2]. Указывалось, что из-за отсутствия здания полностью прекратили свою деятельность школа № 18 I ступени и школа № 3 II ступени. Заслушав доклады, было постановлено, что президиуму губернского отдела народного образования необходимо обратиться с ходатайством в губернский исполнительный комитет и к коменданту Штаба с требованием о возвращении школьного имущества, занятых зданий, а также о прекращении реквизиции. В ноябре 1920 г. на очередном собрании вновь был поднят вопрос о необходимости предоставления помещений: «<...> размещение школ, не имеющих своих помещений, а именно школ <...> № 18 I-й ступени <...> и школ <...> № 3 2-й ступени <...>. Передать в комиссию, составленную из представителей вышеуказанных размещенных школ при участии тов. И. Г. Клобуновского <...>» [5, л. 25]. 27 ноября 1920 г. было принято решение о проведении совместных занятий в школах №№ 18 и 16, во 2-ю смену, в стенах школы № 17 [5, л. 28].

Итак, вышеприведенная информация о том, что в мае 1920 г. школа № 18 «снова» начала работу, вместе со сведениями о том, что в октябре 1920 г. учреждение уже не функционировало, по всей видимости, указывают на непостоянный характер деятельности учебного заведения. Возможно, учитывая, размеры здания бывшей Мариинской гимназии, занятия проводились в нескольких ее кабинетах. Пока школа не была все-таки полностью выселена Штабом и военным госпиталем. Данное предположение подкрепляется еще и тем фактом, что в марте 1920 г. школьный совет обращался с просьбой о возвращении Мариинской гимназии, ввиду «имеющихся слухов о том, что здание не отводится под заданные цели» [3, л. 10].

Дальнейшее изучение документов позволило выяснить, что в 1921 г. школа под № 18 переехала в здание по адресу ул. Ленина, 30: бывшая частная гимназия Зинаиды Александровны Каменевой. Еще в ноябре 1920 г. новый избранный председатель школьного совета О. Н. Бахтина сообщала, что в помещении школы, расположенной в бывшей гимназии Каменевой ведется ремонт, в связи с этим, «богатую и редкую в данное время библиотека» следовало бы оставить на время в здании мариинки [3, л. 45]. В 1921 г. О. Н. Бахтина уже просила разрешение на перенос библиотеки из здания бывшей Мариинской гимназии – «в здание гимназии Каменевой, где теперь помещается школа» [3, л. 85]. В списке школ за 1921 г. школа № 18 I ступени и школа № 3 II ступени уже значились в здании по адресу ул. Ленина, 30 [6, л. 70 об.]. Тогда как по ул. Флоровской, 33 (так в документе) располагались школы № 19 и № 22 [6, л. 70 об.].

Таким образом, следует, что в здании Мариинской женской гимназии, действительно, действовала школа под № 18. Более того, некоторое время, председателем школьного совета учебного заведения была Е. Б. Кукель, которая долгое время работала начальницей дореволюционной гимназии. Однако делать окончательный вывод преждевременно, так как в приведенном ранее списке учебных заведений за 1921 г. раскрывается интересный факт – расположение по ул. Ртищевской, 23 (в 1934 г. присвоено наименование – Советская) двух школ под №№ 25 и 26 [7, с. 153; 6]. Известно, что современная МБОУ «Школа № 18 имени А. С. Сергеева» находится на ул. Советская, 25. Для сведения поясним, что в настоящее время в г. Курске дом под № 23 не значится. Вместе с тем, в 1920-е гг. существовали оба здания, однако домовладение под № 25 принадлежало не отделу

народного образования, а М. В. Дядину (полные имя и отчество в документе не указаны) [4, л. 119].

Возникает вопрос о том, какое из учебных заведений следует ассоциировать с существующей МБОУ «Школа № 18 им. А. С. Сергеева», осложненный тем, что начиная с 1922 г., происходили многочисленные изменения в нумерации школьной сети. В 1922 г., исходя из данных анкеты обследования культурно-просветительных учреждений г. Курска, по ул. Ртищевская, 23 значилась уже школа под № 10 I ступени [8, л. 14]. Школа же под № 18 I ступени располагалась по ул. Старопреображенская, 19 (в 1918 г. присвоено наименование – ул. Софьи Перовской) [7, с. 155; 8, л. 91].

В здании бывшей Мариинской гимназии была организована – «Губсовпартшкола» [8, л. 139]. Школа, которая бы располагалась по ул. Ленина, 30, в данном документе не значится.

Подобного рода анкеты были составлены также и в 1925 г. и имеющиеся в них сведения в контексте настоящей работы являются более информативными. Так, указывалось, что школа № 10 I ступени располагалась также по ул. Ртищевская, 23, была преобразована в 1921 г. из «3-х городских школ, Александровского 2-классного образцового мужского училища, 11-го мужского начального, 4-го женского приходского» [9, л. 122 об. – 123]. Школе принадлежали два здания – «одноэтажное с улицы, трехэтажное со двора, другое – двухэтажное с улица, трехэтажное со двора» [9, л. 122 об. – 123]. Совместно с 10-й школой в здании вели подготовку государственные курсы стенографии [9, л. 122].

Школа под № 18 значилась уже по ул. Максима Горького, 31 и была преобразована в 1924 г. из слияния школ №№ 19 и 21, год постройки здания – 1895 г. (здание было построено специально для школы) [9, л. 138 об.].

В бывшем здании гимназии по ул. Радищева все также находилась Курская губернская Советско-партийная школа I и II ступеней, преобразованная в 1921 г. из Рабоче-Крестьянского университета [9, л. 6].

Стоит отметить также учетную карточку еще одного учебного заведения – школы-комбинат № 15 I ступени, которая располагалась в трех зданиях, сразу по трем адресам: ул. Золотаревская, 26 (в 1965 г. присвоено наименование – ул. Гайдара) [7, с. 62]; ул. Троцкого, 66 (в 1928 г. присвоено наименование – ул. Дзержинского) [7, с. 70]; ул. Старопреображенская, 19 [7, с. 155; 9, л. 132]. В строке, в которой вносились сведения об основании учреждения значилось: «<...> Школа-комбинат № 15 составлена из 3-х школ церковно-приходских. Числившихся до 1924 г. под № 17, 18, 15. С 1-го октября 1924 г. все школы слиты в одну под общим № 15 <...>» [9, л. 132]. Действительно, приведенные адреса соответствуют трем церквям г. Курска: Спасо-Преображенской (ул. Старопреображенская), Георгиевской (ул. Троцкого), Троицкой (ул. Золотаревская) [4, л. 34, 45 об., 183].

Стоит также отметить, что ни в одной учетной карточке не значится, что какое-либо учебное учреждение было преобразовано из бывшей Мариинской женской гимназии.

Учитывая путаницу, которая присутствует в документах из-за проводившейся в 1920-е гг. перенумерации школ, приведенные в статье сведения были проанализированы и обобщены в виде таблицы (Приложение № 1), данные которой позволяют сделать несколько выводов.

Во-первых, очевидно, что в 1919, 1921–1922, 1925 гг. в г. Курске существовало несколько школ, которые в разное время носили № 18. Скорее всего, это и стало причиной ошибки автора исторической справки, составленной для МБОУ «Школа № 18 имени А. С. Сергеева». Действительно, множество фактов из источников свидетельствуют о том, что вместо Мариинской гимназии была образована Единая

Трудовая Школа № 18 I ступени. Однако в 1921 г. данное учебное заведение переехало в здание бывшей гимназии Каменевой по ул. Ленина, 30. Тогда как в помещениях на ул. Радищева в сентябре этого же года была открыта Советско-партийная школа. Судя по всему, к 1922 г. школа по ул. Ленина и вовсе была ликвидирована, так как в более поздних документах сведения об учебном заведении по этому адресу отсутствуют.

Во-вторых, в период с 1922 по 1925 г., как минимум два раза была пересмотрена нумерация существовавшей школьной сети. Исследования этого факта не было конечной целью нашей работы, в связи с чем подробно мы его не изучали. Однако, проследив изменение нумерации школ, которым в разное время был присвоен № 18, мы исключили их преемственность к школе, которая была образована вследствие преобразования Мариинской женской гимназии.

В-третьих, наиболее подходящим «кандидатом» на роль школы, с которой можно отождествить современную МБОУ «Школа № 18 им. А. С. Сергеева», является учебное заведение, которое располагалось по ул. Ртищевской, 23.

Проведенное исследование является не только примером того, насколько проблемной является реконструкция истории современных школьных учреждений и их отождествления с более ранними, но и в принципе ставит вопрос о возможности подобного соотношения, так как возникает необходимость выработки четких критериев, которые в совокупности позволили бы сделать однозначный вывод. Вместе с тем, отсутствие таковых приводит в заблуждение и аккумулирует исторические мифы, которые фиксируются, в том числе на официальных интернет-порталах, а затем нередко появляются и в научно-популярной краеведческой литературе. Отметим, что это относится не только к МБОУ «Школа № 18 имени А. С. Сергеева», но и к некоторым другим, которые ссылаясь лишь на то, что в архивном документе фигурирует номер их школы, делают вывод о своем «старейшем» происхождении (например, МБОУ «Средняя школа № 5 имени И. П. Волка») [11]. Настоящая статья показывает, что данный подход является в корне неверным. Кроме того, известно, что многие учебные заведения сильно пострадали или же были полностью разрушены во время Великой Отечественной войны. Это, в частности, относится и к зданию школы № 18, в связи с чем на ее территории были осуществлены строительные работы, оконченные в 1951 г. [10, л. 398]. Соответственно, возникает вопрос о тождестве современного здания и того, что располагалось по ул. Ртищевская, 23.

Приложение 1

Таблица изменения нумерации и расположения школ г. Курска¹
(1919, 1921, 1922, 1925 гг.)

№ и адрес учебного заведения				
по данным на 1919 г.	по списку учебных заведений г. Курска за 1921 г.	по Анкете учебно-просветительских учреждений за 1922 г.	по Анкете учебно-просветительских учреждений 1925 г.	по Анкете учебно-просветительских учреждений за 1925 г.
Школа № 18 I ступени ул. Флоровская, 57 быв. Мариинская гим.	Школа № 18 I-й ступени ул. Ленина, 30 быв. гим. Каменевой	сведения отсутствуют	сведения отсутствуют	сведения отсутствуют
сведения	Школа № 14	сведения	Школа № 18	Из слияния

¹ Сведения составлены по: ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 3. Д. 7. Л. 70 об. – 71; Оп. 8. Д. 62. Л. 122 об. – 123, 132, 138 об.; Оп. 13. Д. 4; Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 294. Л. 14, 91, 139.

отсутствуют	I ступени ул. Максима Горького, 31	отсутствуют	I ступени ул. Максима Горького, 31	двух школ № 19 и № 21
сведения отсутствуют	Школа № 29 I ступени ул. Старопре ображенская, 19	Школа № 18 I ступени ул. Старопреобра женская, 19	Школа № 15 I ступени ул. Старопреобра женская, 19	быв. церковно- приходская школа
сведения отсутствуют	Школы №№ 25, 26 I ступени ул. Ртищевская, 23	Школа № 10 I ступени ул. Ртищевская, 23	Школа № 10 I ступени ул., Ртищевская, 23	Александровского 2-классного образцового мужского училища; 11-го мужского начального; № 4-го – женского приходского

Источники и литература

1. Раздел «История школы № 18 им. А. С. Сергеева» // Официальный интернет-портал МБОУ «Школы № 18 имени А. С. Сергеева» [Электронный ресурс] // URL: <https://kursk-school18.gosuslugi.ru/34ashi-shkola/o-shkole/> (дата обращения: 14.05.2025).
2. Собрание узаконения и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. 1918 г. № 74. Ст. 812.
3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-309. Оп. 13. Д. 43.
4. ГАКО. Ф. Р-866. Оп. 1. Д. 266.
5. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 2. Д. 69.
6. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 3. Д. 7.
7. Административно-территориальное деление и улицы города Курска: Справочное издание / ред. кол.: В. Л. Богданов (гл. ред) и др. Курск, 2018.
8. ГАКО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 294.
9. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 8. Д. 62.
10. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 188.
11. Раздел «История школы» // Официальный интернет-портал МБОУ «Средняя школа № 5 им. И. П. Волка» [Электронный ресурс] // URL: <https://kursk-ssh5.gosuslugi.ru/nasha-shkola/o-shkole/> (дата обращения: 14.10.2025).

А. В. Тилинин

К ВОПРОСУ ОБ УСТРОЙСТВЕ СПОРТИВНЫХ СООРУЖЕНИЙ НА ПЛОЩАДИ 1-ГО МАЯ В КУРСКЕ В 1919 ГОДУ

Приход к власти большевиков породил насущную потребность в вооруженных силах, призванных обеспечить безопасность государства и защитить революционные завоевания. Существенный вклад в строительство этих сил внес декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 года «Об обязательном обучении военному искусству», предусматривавший создание системы подготовки резервов для Красной Армии. Все мероприятия по организации всеобщего военного обучения должны были проводиться в жизнь на местах через окружные, губернские, уездные и волостные отделы обучения комиссариатов по военным делам [1, с. 151–153].

Одной из задач всеобщего была интеграция физической культуры и массового спорта в систему военной подготовки, ориентированная в первую очередь на

допризывников. В ответ на вызовы военного времени, советское правительство сделало ставку на физическую подготовку как на метод укрепления боевой мощи армии. Это привело к тому, что военно-физическое воспитание населения стало на некоторый период доминирующей формой государственной политики в области физкультуры [2, с. 58].

На протяжении 1918–1919 гг. местными органами военного управления Курской губернии проводилась большая работа по организации и проведению военно-допризывной и спортивной подготовки. Тем не менее, данное направление деятельности военных комиссариатов сталкивалось с определенными трудностями. Сказывались социально-экономические и военно-политические причины. Кроме того, спорт для населения являлся «делом совершенно новым», что вело к трудностям по привлечению к данному делу компетентных местных сил не только в вопросе агитации и пропаганды, но и к самой организации спорта и допризывной подготовки молодежи в целом [3, л. 471].

Одним из направлений деятельности отделов всеобщего по организации спортивной и допризывной подготовки в Курской губернии являлось сооружение спортивных городков или спортивных площадок. 22 марта 1919 г. на основании приказа Орловского окружного военного комиссариата от 25 января 1919 года за № 134 Курский губотдел всеобщего обратился в горисполком с просьбой выделить под стадион площадь 1-го мая (Бородино поле). В своем ходатайстве отдел подчеркивал срочность вопроса, указывая на необходимость немедленно начать работы по благоустройству и ограждению территории. Агрономический отдел горисполкома со своей стороны сообщил, что не имеет возражений, за исключением нескольких сараев, которые оставались в его ведении [3, л. 18].

Получив соответствующие разрешения, губотдел всеобщего военного обучения начал работу по планировке будущего стадиона. Одним из первых затруднений являлось то, что в зимний период через поле прокладывалась дорога, в связи с чем оно приходило в негодное состояние. Чтобы предотвратить подобное в дальнейшем, губотдел обратился к начальнику милиции 2-го района г. Курска с просьбой поставить оградки с запрещающими проезд через площадь надписями, а на углу Гоголевской и Мясницкой улиц города выставить караульный пост [3, л. 56].

Для руководства работами была образована «комиссия по оборудованию на Бородино поле спортивного городка» в составе главного наблюдающего по физическому развитию в Курской губернии Карла Францовича Баухала, товарища председателя Гимнастического общества «Сокол» в г. Курска Николая Спиридоновича Башкирева и сотенных инструкторов по спорту Костюка и Гущина [3, л. 93а, 271]. На заседании комиссии от 16 апреля 1919 г. были приняты следующие решения:

- временно прикомандировать к губотделу всеобщего одного техника руководителя технической частью работ по устройству спортивного городка в связи с отсутствием в комиссии соответствующего специалиста-техника;

- командировать в г. Харьков после праздника Пасхи К. Ф. Баухала для закупки спортивных принадлежностей [3, л. 93а–93а об.].

Параллельно, губотдел всеобщего военного обучения обращался в губернский совет народного хозяйства за получением строительных материалов для сооружения забора вокруг поля, в частности 2000 штук теса и 450 штук дубовых бревен [3, л. 99, 100]. Однако 26 апреля губсовнархоз телеграфировал об отсутствии на складах соответствующего количества запрашиваемого материала и его выдача возможна приблизительно 10 мая [3, л. 104].

Для проведения мероприятий по устройству забора вокруг Бородино поля 30 мая 1919 года в губернский отдел всеобщего военного обучения было подано заявление от инженеров Беккера Игоря Александровича и Данилова Никиты Константиновича о предоставлении своих услуг для проведения вышеуказанных работ и соответствующий проект. Согласно заявлению в услуги по производству работ входило следующее:

- сооружение вокруг поля не струганного забора с устройством ворот и калиток на готовом материале на сумму 54 тыс. руб.;
- снятие земляного вала и развоз земли на более низкие места поля на сумму 90 тыс. руб.;
- спланировать, вспахать, заборонить и укатать катком поле на сумму 36 тыс. руб. (в случае, если поверхность окажется бетонная, цементная или асфальтовая, то разницу в цене устанавливалась на месте) [3, л. 264].

Проект инженеров сочли достаточно удачным, а планировку будущего спортивного городка оценили как «соответствующую всем спортивным требованиям и практически выполнимой». Острым вопросом оставалось финансирование: планировалось, что итоговая сумма не превысит запланированных на строительные работы 150 тыс. руб. [3, л. 488].

Несмотря на имеющиеся недочеты, заключение договора между губерnskим отделом всеобщего военного обучения и инженерами состоялось 23 июня 1919 г. [3, л. 348]. Со стороны Курского губотдела в подписании документа принимал участие начальник отдела Попов [3, л. 489]. Следуя п. 6 договора, губернский отдел телеграфировал в хозяйственную часть губвоенкомата с прошением о выдаче 100 тыс. руб. для выплаты аванса инженерам [3, л. 287]. Также комиссия по оборудованию спортивного городка обращалась в губсовнархоз с требованием о выдаче необходимого материала для устройства забора не позднее 8 июля, так как любые задержки тормозили выполнение строительных мероприятий [3, л. 299].

Параллельно шла работа по дальнейшему планированию будущего спортивного городка. Так, еще в июне месяце отмечалось, что на Бородино поле невозможно заниматься никакими видами спорта кроме футбола в виду отсутствия спортивных площадок и соответствующих приспособлений, в связи с чем планировалась постройка площадок и дорожек для занятий по легкой атлетике, а также возведение сараев и раздевалок для хранения спортивного инвентаря. По плану, расход на вышеуказанные работы должен был составить 50 тыс. руб. [3, л. 301–301 об.]. Кроме того, оговаривалось, что сумма работ по устройству забора, площадки и павильона на Бородино поле не должна была быть больше 200 тыс. руб. [3, л. 494].

Однако заключенный договор в дальнейшем был пересмотрен. В начале июля Окружной военный комиссариат оповестил губвоенкомат о необходимости пересмотра заключенного соглашения. Отмечалось, что договор был заключен в отсутствии представителя окружного контроля, а также в связи с тем, что работы были сданы без торгов, что «не дало возможности устроить соревнования в ценах на работы» [3, л. 491]. Более того, о необходимости пересмотра заключенного договора и назначении новой комиссии уведомило губвоенкомат 15 июля Курское отделение Народного комиссариата государственного контроля [3, л. 497]. Таким образом, согласно § 3 приказа по губерньскому военному комиссариату № 193 от 17 июля 1919 г. была образована соответствующая комиссия для пересмотра договора, заключенного с инженерами Беккером Игорем Александровичем и Даниловым Никитой Константиновичем. В комиссию помимо представителей от губвоенкомата были приглашены представители от Курского отдела государственного контроля и квартирной части губернского военкомата [3, л. 348].

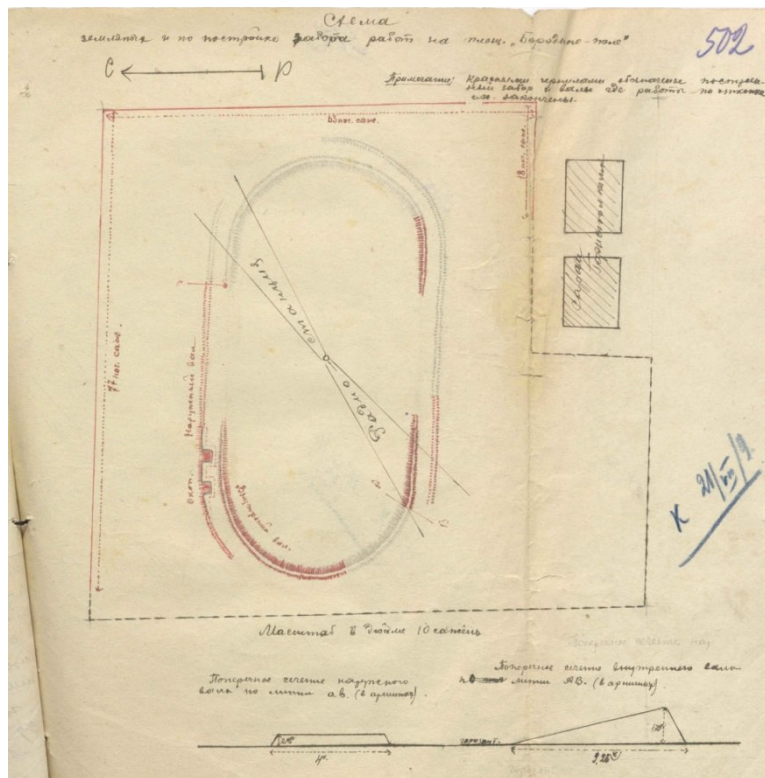
По получении соответствующих распоряжений, началась подготовка по заключению нового договора. Губотдел всеобщего военного обучения обращался в редакцию газеты «Волна» с прошением о размещении объявления следующего содержания: «12 июля в 12 часов дня в помещении губвоенкомата в комнате № 6 состоятся торги на сдачу с поряда работ по постройке спортивного городка на Площади 1-го мая» [3, л. 492–492 об.]. Назначенные торги так и не были осуществлены «за отсутствием желающих торговаться» [3, л. 495].

Тем не менее, 18 июля 1919 г. в 12 часов дня в помещении губвоенкомата в комнате № 6 состоялось собрание комиссии по пересмотру заключенного 23 июня 1919 г. договора [3, л. 348]. Главным пунктом пересмотра стал денежный вопрос. В заключительном акте комиссии подчеркивалось, что расчет по проведению запланированных работ на Бородино поле должен был производиться по ценам установленных комиссией или по минимальным ценам торгов [3, л. 498–500].

Новый договор был подписан 23 июля. Помимо И. А. Беккера и Н. К. Данилова договор подписали: со стороны комиссии – Попов (председатель), Костюк, Мовчанюк и Керн; со стороны представителя от квартирной части Курского уездного военкомата – Радкевич; со стороны Курского отдела государственного контроля – Нечаев. Документ включал в себя следующие пункты:

- срыть земляной вал и бугры в количестве 90 кубических сажень по цене 1500 руб. на одну кубическую сажень;
- спланировать, вспахать, заборонить и укатать местность по цене 25 руб. за одну квадратную сажень;
- построить вокруг поля забор высотой 3 аршин в размере 350 погонных сажень по цене 150 рублей за каждую погонную сажень;
- вес работы должны быть закончены не позже 30 августа 1919 года;
- уплата денег за работу должна производиться отделом всеобщего военного

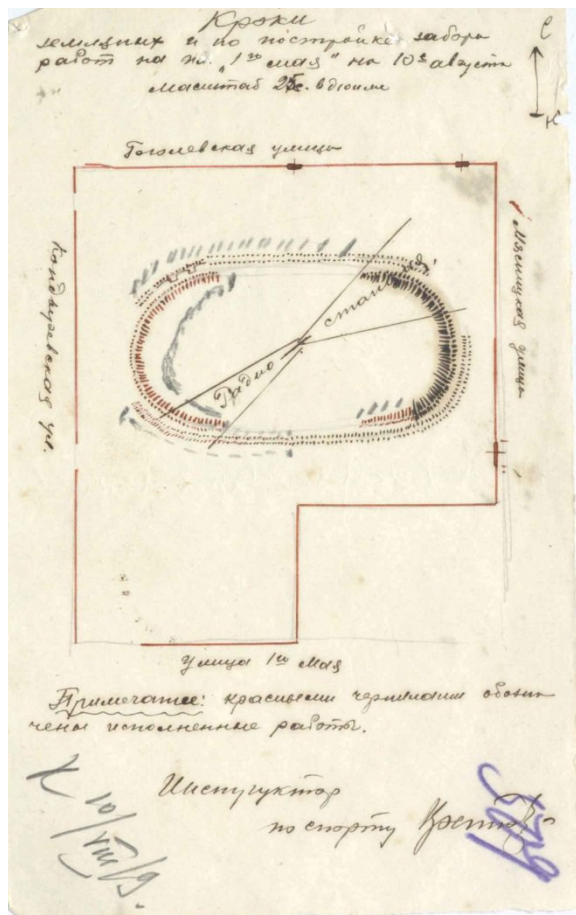
обучения губвоенкомата каждый раз выдачей аванса в размере от 50 тыс. до 100 тыс. рублей [3, л. 501].

Изображение № 1. Схематическое изображение работ по возведению забора на площади 1-го мая. 21 августа 1919 г.

После заключения нового договора, работы по сооружению спортивного городка на Бородино поле возобновились. Для работ также привлекались другие граждане, которые после утверждения их кандидатур, получали освобождение от мобилизации до окончания строительных мероприятий [3, л. 425–432].

Из запланированных работ к 10 августа были выполнены следующие: открыто 52 кубов земли; построен забор в размере 314 погонных сажень; возведены одни ворота и три калитки, одна из которых были навешены на петли (изображение № № 1, 2) [3, л. 502, 508, 509].

Изображение № 2. Сроки работ по возведению забора на площади 1-го мая, выполненных к 10 августа 1919 г.

похоронены 32 жертвы белогвардейского террора. По мере возобновления деятельности губернского отдела всеобщего военного обучения, рассматривалась идея о возобновлении работ по устройству спортивного стадиона, о чем губотдел сообщал в губревком. Отмечалось, что на тот момент в городе не имелось площади таких размеров. Более того, полагалось, что «на месте похорон славно павших товарищей будет развиваться молодое поколение и все трудящиеся, помня о заслугах павших и с большим рвением, стремиться в физическом самоусовершенствовании, дабы с большей стойкостью защищать завоеванную свободу» [4, л. 141 – 141 об.]. В свою очередь губернский революционный комитет сообщал, что обязанность в перезахоронении тел ложилась на коменданта г. Курска [4, л. 140].

Тем не менее, последующие события покажут, что фокус властей сместился со спортивного проекта на задачи восстановления советской власти в городе и инфраструктуры, что и предопределило отказ от его реализации.

Источники и литература

1. Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959.
2. Парфенов Р.А. Военно-физкультурное движение в Нижнем Новгороде в 1918–1923 годах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 118. С. 58–63.
3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 226.
4. ГАКО. Ф. Р-2530. Оп. 1. Д. 26.

Однако по мере проведения строительных мероприятий возникали определенные затруднения. В частности, имелись случаи «исчезновения» ворот и калиток, о чем в своем заявлении от 27 августа писали И. А. Беккер и Н. К. Данилов, что не давало возможности выполнить в срок запланированные работы [3, л. 453–454]. Кроме того, фиксировалась неявка на строительные работы привлеченных граждан после получения ими удостоверения об освобождении от мобилизации [3, л. 520].

В дальнейшем, на устройство спортивного городка на Бородино поле повлияли изменения военно-политической ситуации в Курской губернии. Уже в месяце без ведома губернского отдела всеобщего военного обучения уже забором площади были похоронены павшие в боях три красногвардейца. Во время пребывания в Курске белогвардейцев, весь забор был разобран жителями на топливо [4, л. 141].

После освобождения Курска войсками Красной армии, 7 декабря 1919 г. на площади 1-го мая были

**ЗАНЯТИЯ ЖИТЕЛЕЙ «ЕВРЕЙСКОГО КВАРТАЛА»
ГОРОДА КУРСКА В 1920-е гг.**

1920-е гг. – переломная эпоха в истории России. Это время социальных экспериментов и масштабных преобразований, затронувших все сферы жизни общества. Период новой экономической политики с её противоречиями и возможностями оказал существенное влияние на жизнь городов и их жителей.

Данное исследование посвящено изучению социально-экономического ландшафта одного из кварталов г. Курска, ограниченного улицами Дзержинского, Советской, Суворовской, Щепкина, Ломоносова, Карла Либкнехта и Верхней Луговой, который в народе часто именовался «еврейским». На основе анализа профессий и занятий жителей квартала мы постараемся воссоздать картину их повседневной жизни, определить основные источники дохода, выявить социальные группы и оценить влияние экономических и политических процессов на их судьбы.

Безусловно, ключевым работодателем для жителей квартала являлась железная дорога. Курск был важным железнодорожным узлом, и многие куряне находили работу на различных станциях и предприятиях, связанных с железнодорожным сообщением. Ключевым элементом транспортной структуры годы была Московско-Киево-Воронежская железная дорога (далее – МКВ ж. д.). Большая часть ее отделов располагалась по ул. Авраамовской (сегодня – ул. Добролюбова). Значительная часть жителей квартала была занята в различных структурах железной дороги: финансовом отделе (Горчаков Николай Николаевич – помощник начальника) [28, л. 11], службах эксплуатации и охраны (Жиляев Федор Григорьевич – заведующий управлением) [2, л. 2], отделе сборов (Бакань Лидия Витальевна – конторщица) [21, л. 119], юридическом отделе (Шиц Адольф Августович – юрисконсульт) [34, л. 145] и т. д.

Работа на железной дороге обеспечивала стабильный доход и являлась важным фактором экономического развития города. Станция Курск (расположенная неподалеку от рассматриваемого квартала) обеспечивала рабочими местами множество людей: от путейцев и стрелочников до машинистов и кондукторов. Например, Чалов Александр Гаврилович был стрелочником [12, л. 81], Смоленский Василий Витальевич [7, л. 155] работал кондуктором товарных поездов. Этот факт подчеркивает важность железной дороги не только как транспортной артерии, но и в качестве крупного работодателя, обеспечивающего занятость населения и формирующий социальную структуру города. Разнообразие профессий на железной дороге, от рабочих до управленцев, создавало сложную социальную иерархию и способствовало формированию различных профессиональных сообществ.

Также здесь существовали частные предприятия, связанные с организациями местных перевозок. Например, контора «Транспорт», служащим которой был агент Абросимов Константин Васильевич [13, л. 77]. Или «Моспогруз», где заведующим работал Гоман Роман Ефимович [36, л. 17]. Наличие частных транспортных предприятий, наряду с государственными, свидетельствует о существовании определенной конкуренции в транспортной сфере города.

Следует признать, что в 1920-е гг. жители квартала, активно участвовали в работе железнодорожного транспорта, обеспечивая его функционирование на административном, операционном и статистическом уровнях. Этот район был важным центром транспортной инфраструктуры Курска, что отражалось в профессиональной занятости его жителей.

Несмотря на то, что в Курск не был крупным промышленным центром, здесь существовало значительное количество мелких промпредприятий, которые обеспечивали работой жителей исследуемого квартала. В основном это были предприятия, относившиеся к легкой и пищевой промышленности (спиртзавод, городские мельницы, хлебпродзавод и т. д.). Среди профессий из жителей квартала на этих предприятиях выделяются преимущественно бухгалтеры [3, л. 29] и рабочие [33, л. 88]. Этот факт подчеркивает важность пищевой промышленности для города и ее влияние на структуру занятости населения. Наличие рабочих и управленческого персонала на одних и тех же предприятиях способствовало социальной мобильности и формированию новых социальных связей.

Важной отраслью промышленности в Курске являлась кожевенная. Действовали 1-й, 2-й, 3-й Государственные кожевенные заводы, кустарный кожевенный завод «Восход». Работа на этих предприятиях предполагала различные профессии: от обычных рабочих (накатчики [38, л. 11], сортировщики [20, л. 129], столяры [11, л. 84]) до бухгалтеров [13, л. 204], счетоводов [30, л. 27], конторщиков [29, л. 3] и пр.

Особое значение имела табачная фабрика «Профинтерн», на которой работала часть населения квартала. Управляющим ее являлся Гаровец Самуил Яковлевич, проживающий на ул. Ртищевской (сегодня – ул. Советская) [18, л. 6]. На фабрике работали, по большей части, рядовые рабочие. Тем не менее, были «интересные профессии»: Кутепова Зинаида Захарьевна занимала должность коробочницы [20, л. 86], Каштанская Летиция Захаровна – табачница [20, л. 86], Бурдыкина Мария Алексеевна – чулочница [11, л. 91] и т. д. Остальную часть составляли механики, электрики и т. д.

Факт того, что руководитель фабрики проживал непосредственно в квартале, свидетельствует о тесной связи предприятия и местной общины. Наличие специфических профессий, таких как табачница или коробочница, говорит об уникальном характере производства и формировании локальной профессиональной культуры. Следовательно, фабрика «Профинтерн» не только обеспечивала работой жителей квартала, но и формировала их социальную идентичность и профессиональные навыки.

В пищевой промышленности главную роль играл Сахаротрест, располагавшийся по ул. Авраамовской. На данном предприятии служило большое количество людей, проживавших в рассматриваемом квартале и занимавших разные должности: от инженера технолога (Турчинович Александр Степанович) [19, л. 9] до конюха (Яков Клевцов) [10, л. 299]. Такое разнообразие профессий, представленных на одном предприятии, отражает сложность производственного процесса и необходимость в специалистах разного профиля. Кроме того, это создавало предпосылки для обмена знаниями и опытом между представителями разных социальных групп.

В текстильной промышленности важное место занимал Куршвейпром. В городе располагалось два предприятия на двух улицах (ул. Театральная (сегодня – ул. Щепкина) и ул. Ломоносовская (сегодня – ул. Ломоносова). Здесь ключевой профессией, естественно, являлся портной. Иногда встречаются шляпницы [10, л. 292]. Из профессий, которые не относятся напрямую к швейной отрасли, выделяются столяры [34, л. 75], уборщики [37, л. 3], дворники [30, л. 38], счетоводы [30, л. 80]. Развитие швейной промышленности способствовало повышению уровня жизни женщин, так как именно они составляли основную часть работников этой отрасли.

На ул. Троцкого (сегодня – ул. Дзержинского) располагалась 1-я Государственная обувная фабрика [1, л. 7]. На ней также работали жители

«еврейского квартала», но в основном занимали рядовые, рабочие должности. Этот факт свидетельствует о тесной связи между местом жительства и местом работы. Такая ситуация могла приводить к формированию сильных социальных связей и коллективной идентичности среди рабочих.

В 1920-е гг. в г. Курске были распространены полиграфические производственные предприятия (Типография № 1 им. Карла Маркса, 2-я типография, типография «Профинтерн», типография коллектива печатников). На них работали переплетчики, наборщики, машинисты, корректоры. Из интересных профессий: Пахомов Георгий Титович занимал должность калькулятора-корректора [22, л. 3], а Мушкин Александр Васильевич – накладчика [22, л. 3]. Развитие полиграфической промышленности играло важную роль в распространении знаний и пропаганды. Работа в типографии требовала определенной грамотности и квалификации, что, в свою очередь, стимулировало развитие образования и культуры. Наличие таких профессий, как калькулятор-корректор, свидетельствует о повышении требований к точности и качеству печатной продукции.

В изученных документах имеются сведения о работе жителей на 1-м Госмашзаводе им. Калинина. Среди профессий преобладают столяры [40, л. 59], слесари [40, л. 59], литейщики [20, л. 18]. Развитие машиностроения, пусть и в небольшом масштабе, являлось важным фактором индустриализации и модернизации города. Работа на машиностроительном заводе требовала технических знаний и навыков, что также стимулировало развитие профессионального образования.

Еще одной важной отраслью промышленности в нашем городе являлась электроэнергетика. В г. Курске располагалась электростанция «Водосвет», на которой работала значительная часть жителей квартала. В основном это были монтеры [20, л. 18], слесари [20, л. 46], водопроводчики [15, л. 129].

Таким образом, занятость населения исследуемого квартала в сфере промышленности была представлена широким спектром профессий, включающих как рабочие специальности, так и учетно-административный персонал, что отражает многообразие производственных процессов и организационную структуру предприятий города.

Отдельно следует указать, что эпоха НЭПа оживила торговлю и сферу услуг. В городе можно было найти как государственные магазины, например, ГУМ и магазины спиртодрожжевого треста, так и частные торговые предприятия и кооперативные лавки. Центральный базар, расположенный неподалеку, обеспечивал работой торговцев (например, Диннерштейн Самуил Яковлевич [24, л. 85], Голиков Николай Михайлович [24, л. 93] и др.).

На ул. Ленина были расположены многочисленные магазины и мастерские. Например, колбасная мастерская, где трудились Зикеев Алексей Иванович [6, л. 32] и Таракинский Самуил Вениаминович [33, л. 55]. По ул. Ленина, 1 располагался магазин Губпродукт, заведующим которого был Шкляр Израиль Борисович, проживавший на улице Ртищевской [17, л. 146].

Не менее активная торговля продуктами осуществлялась по ул. Троцкого. Например, Волозин Савелий Соломонович занимался личным промысловым занятием, связанным с торговлей [14, л. 160]. На этой же улице находился магазин М. А. Богаченко, где работал Строганов Илья Дмитриевич [23, л. 146]. В целом же следует признать, что развитие частной торговли и мелкого предпринимательства, характерное для эпохи НЭПа, привело к появлению новых рабочих мест и увеличению доходов жителей исследуемого квартала.

Помимо продуктов питания, в Курске активно велась торговля промышленными товарами. В центральной части города располагались

мануфактурные и галантерейные магазины. Так, на улице Ленина находился магазин белья, где трудилась Шифрина Лия Соломоновна [5, л. 18].

Общественное питание также играло важную роль в занятости жителей квартала. На улице Ленина располагалась столовая ЦРК, где работал кассиром Лазовенко Прокоп Давидович [39, л. 16]. Там же находилась булочная, где трудился Маренков Петр Афанасьевич [10, л. 318]. Развитие сети общественного питания (особенно при предприятиях) способствовало облегчению быта работающих граждан и увеличению свободного времени.

Также в Курске существовало значительное число предприятий бытового обслуживания. Местные жители занимались ремонтом часов (мастерская на Троцкого, 7) [14, л. 114], обуви (сапожная мастерская на дому на Ртищевской, 19) [14, л. 160] и т. д. По ул. Троцкого располагалась слесарная мастерская, где работал Горновский Борис Ипполитович [8, л. 88]. На этой же улице находилась парикмахерская, где трудился Ефимов Иван Иванович [6, л. 87].

Влияние НЭПа на торговую жизнь квартала было неоднозначным. С одной стороны, возрождение торговли и сферы услуг привело к увеличению доходов населения и расширению возможностей для проведения досуга. С другой стороны, НЭП породил новые социальные проблемы, такие как безработица и социальное неравенство, которые также отражались на культурной жизни города.

Развитию образования и культуры в советском государстве придавалось большое значение. Наличие школ было необходимостью для растущего города. В них работало большое количество учителей, проживающих в квартале. Например, Бондарцева Вильгельмина Васильевна работала учительницей немецкого языка в школе № 47 [36, л. 12], Коняев Алексей Михайлович – учитель физкультуры в школе № 8 [25, л. 52]. Помимо общеобразовательных школ, существовали и губпартшкола, заведующей которой была Шестакова Павлина Ивановна [24, л. 90], школа глухонемых на ул. Чумаковской, в которой отсутствовали должности учителей, но там трудились воспитатели и инструкторы [18, л. 94]. Наличие специализированных учебных заведений, таких как губпартшкола, свидетельствует о стремлении советской власти к подготовке политических кадров и к созданию равных возможностей для всех граждан, в том числе для людей с ограниченными возможностями.

В образовательных учреждениях, кроме различных школ, жители квартала работали в техникумах и преподавали на курсах. Например, в Курском землеустроительном техникуме [9, л. 51], или на курсах стенографии [34, л. 98]. Развитие профессионального образования было необходимо для обеспечения квалифицированными кадрами растущей промышленности и сфере услуг. Так, курсы стенографии были востребованы в административных учреждениях и на предприятиях.

Действовали и кружки по интересам. В Рабочем дворце Кочергина Мария Федоровна проводила курсы по кройке и шитью [35, л. 94]. Кружки по интересам играли важную роль в организации досуга населения и в развитии творческих способностей. Курсы кройки и шитья, например, пользовались популярностью среди женщин, позволяя им приобретать полезные навыки и улучшать свой быт.

Также в городе действовала крупная библиотека по ул. Скорняковской, заведующим которой был Толмачев Всеволод Борисович, проживавший по Верхней Луговой улице [10, л. 277]. Там же работало значительное число жителей квартала, которые занимались в основном письмоводством [13, л. 208].

Культурную жизнь города составляли, преимущественно, театры и кинотеатры, множество курян работали на этих предприятиях. На ул. Ленина, д. 2/3, располагался Театр «Чары», где работал механик Бобров Михаил Григорьевич [30,

л. 9]. На ул. Троцкого, д. 65, находился Зимний театр, где работали артисты, такие как Терский Павел Александрович [17, л. 270] и Токке Вера Алексеевна [14, л. 151]. По ул. Троцкого располагался кинотеатр «Молот», служащей которого была Шарина Мария Николаевна [21, л. 120]. На ул. Чистой располагалось 3-е Совкино [36, л. 57].

В целом, театры и кинотеатры были популярными местами проведения досуга и играли важную роль в культурной жизни города. Кино, как «важнейшее из искусств», использовалось советской властью для пропаганды и агитации.

До революции и в первые годы советской власти на территории города продолжали действовать церкви. В Покровской церкви служил священник Буцинский Виссарион Андреевич, проживавший по ул. Рошаля (сегодня – ул. Суворовская) [13, л. 191], в Вознесенской церкви служил псаломщиком Старосельский Александр Григорьевич с ул. Рошаля [13, л. 286]. В 1920-е гг. советская власть проводила политику секуляризации, направленную на ограничение влияния церкви и на распространение атеизма. Многие церкви были закрыты или перепрофилированы, а священнослужители подвергались преследованиям.

После революции 1917 г. произошла коренная перестройка системы государственного управления. Создавались новые ведомства, реорганизовывались старые, формировался аппарат советской власти на всех уровнях. Этот процесс требовал привлечения большого количества работников, и жители квартала активно участвовали в этой работе. В г. Курске, как в губернском центре, располагались различные губернские органы власти, такие как губернский исполнительный комитет (губисполком), губернский комитет партии (губком), ЦРК (центральный рабочий комитет). В этих учреждениях работали специалисты разных профилей: от канцелярских служащих до руководителей отделов.

В городе также действовали различные губернские отделы: здравоохранения, финансовый, соцобеспечения и др. Этот широкий спектр учреждений говорит о разветвленной системе управления, охватывающей все сферы жизни губернии.

Важно отметить, что работа в этих учреждениях была не только источником дохода, но и способом участия в политической жизни и реализации идеологических установок новой власти.

В городе работали суды, прокуратура, милиция и другие правоохранительные органы. Эти органы отвечали за обеспечение законности и правопорядка, борьбу с преступностью и защиту прав граждан. В этих структурах работали люди, также проживающие в рассматриваемом квартале: милиционеры [18, л. 80], делопроизводители [14, л. 220], секретари [14, л. 127], адвокаты [29, л. 86], члены коллегии защитников [27, л. 15], заместители прокурора [17, л. 199] и т. д. Формирование советской системы правоохранительных органов было сложным процессом, требовавшим преодоления сопротивления старых кадров и привлечения новых, идеологически подготовленных сотрудников.

Также в городе действовали отделения Государственного банка (Всекобанк), сберкассы и другие финансовые учреждения. Всекобанк располагался по ул. Троцкого. В нем служило значительное число жителей исследуемого квартала: от заведующего банком Ужвиева до завхоза Левицкого [5, л. 3].

Что касается финансовых учреждений, то их было значительное количество: Госфинконтроль по ул. Золотаревской, где служили контролерами Ермолаев [25, л. 61], Зашегринский [20, л. 74], Григорьев [23, л. 84]. Что примечательно, все трое проживали на одной улице (Советской).

По ул. Ртищевской располагался Губфинотдел, где работали многие жители квартала. Они занимали должности бухгалтеров [14, л. 261], счетоводов [18, л. 94], машинистов [16, л. 53], фининспекторов [33, л. 89]. Эти учреждения отвечали за

финансовое обеспечение деятельности государственных предприятий и организаций, а также за обслуживание населения.

В квартале проживало много людей, занятых в сфере здравоохранения, например, Пашкова Мария Алексеевна – фельдшер [13, л. 233], Хайкина Рахиль Абрамовна – зубной врач [34, л. 10], Францева Софья Дмитриевна – сестра милосердия [32, л. 65]. В Курске, помимо прочего, было много аптек. Служили в них, преимущественно, фармацевты, аптекари и просто рабочие.

Среди государственных учреждений, в которых были заняты жители квартала, можно выделить тюрьму за Херсонскими воротами. Так, например, Кочерга Петр Платонович служил стрелочником [33, л. 194], а Девянин Петр Сергеевич – младшим наблюдателем [31, л. 32] и т. д.

В условиях Гражданской войны и после ее окончания военное дело имело особое значение для советской власти. Необходимо было укреплять обороноспособность страны, формировать и обучать армию, обеспечивать ее всем необходимым. Жители квартала активно участвовали в решении этих задач.

В городе квартировался 16-й стрелковый полк, в котором служили командиры взвода [19, л. 16], красноармейцы [18, л. 17], машинистки [18, л. 176], фуражиры [40, л. 81] и даже музыканты [4, л. 17]. Также действовал военкомат, где служил приказчик Гриневиц Александр Аппалонович [33, л. 210] и др. Армия в 1920-е гг. была не только инструментом защиты от внешних врагов, но и школой для подготовки кадров, а также важным элементом идеологической работы.

НЭП временно реанимировал мелкое частное предпринимательство. Кустари, такие как сапожник Щеголев Михаил Николаевич [20, л. 87] и часовщик Польшняков Янкель Гершович [18, л. 208], пытались выжить в новых условиях. Однако их доходы оставались нестабильными. Работа сапожника или извозчика давала определенную свободу, но зависела от спроса и конкуренции.

Кооперативы играли важную роль. Так, Шпильков Михаил Александрович и Шпилькова Пелагея Петровна состояли в промысловой артели «УНИОН» [25, л. 79].

Но далеко не все кустари могли войти в такие объединения. Например, Головей Эберт Абрамович занимался ремонтом вещей в одиночку [25, л. 28], а Голикова Клавдия Платоновна торговала старым железом [14, л. 248], что едва позволяло ей сводить концы с концами.

Стоит выделить людей, которые оказались на иждивении своих родственников, так как это была частая ситуация в то время. Послевоенная разруха и экономическая нестабильность привели к тому, что многие жители квартала зависели от поддержки родственников. Например, Горовец Паулина Моисеевна изначально находилась на содержании мужа [17, л. 152], но позже сама стала кассиршей [24, л. 1]. Подобные случаи отражали переход от пассивного иждивенчества к поиску работы в условиях НЭПа.

Женщины часто оказывались в уязвимом положении. Цибейчена Мина Абрамовна, жила за счет брата [15, л. 60], а Щербакова Февронья Стефановна – мужа, работавшего машинистом МКВ ж. д. [17, л. 152]. Многодетные семьи полностью зависели от заработка мужей [19, л. 3].

Интересен случай Бугаевой Анастасии Павловны, которая работала прислугой, но после потери работы перешла на иждивение родственников [24, л. 22]. Это подчеркивает хрупкость социального статуса в условиях кризиса.

Тем не менее, те, кого мы считаем «чернорабочими», составляли значительную часть населения квартала. Их труд был физически тяжелым, низкооплачиваемым и непостоянным. Например, Цыцулин Михаил

Яковлевич и Цыцурина Татьяна Андреевна с Советской улицы занимались «поденными работами» [18, л. 6], как и десятки других жителей.

Многие женщины, например, Галина Анна Васильевна, числились чернорабочими [30, л. 261], что отражало гендерное неравенство в доступе к квалифицированному труду. Поденщики часто работали на железной дороге: грузчик Окунев Димитрий Филиппович и рабочий МКВ ж. д., Иванов Иван Давидович обеспечивали функционирование ключевого предприятия региона [26, л. 39]. Работа чернорабочим была одним из немногих доступных вариантов для неквалифицированных работников, часто женщин, но не обеспечивала достойного уровня жизни.

Несколько слов стоит сказать о пенсионерах. Социальная поддержка пенсионеров была слабой, многие жили на скудные пособия. На Ртищевской улице Мартынов Владимир Андреевич получал пенсию как ветеран [30, л. 151], а Кутепова Феодосья Ивановна – как домохозяйка [20, л. 86]. На ул. Щепкина пенсионер Четвериков Николай Александрович существовал на средства от государства [29, л. 42], как и инвалид войны Голиков Петр Михайлович [17, л. 248]. Недостаточная социальная поддержка пенсионеров и инвалидов подчеркивала слабость системы социального обеспечения в этот период.

Безработица была бичом 1920-х гг. Многие жители, такие как Арановский Борис Григорьевич, сменили несколько занятий (от торговли до ремонта вещей, прежде чем уехать на временные заработки в Москву) [20, л. 95; 24, л. 85]. Другие, такие как Пронина Агриппина Александровна, занимались стиркой белья [17, л. 77], что не требовало специальных навыков, но и не давало стабильности. Часть жителей состояла на бирже труда и получала небольшое пособие по безработице. Высокий уровень безработицы вынуждал людей искать любую возможность заработка, часто меняя профессии и переезжая в поисках лучшей доли.

Таким образом, анализ профессий и занятий жителей отдельного квартала Курска в 1920-е гг. позволяет увидеть многогранную картину жизни провинциального города в эпоху перемен. От рабочих заводов и железнодорожников, обеспечивающих функционирование промышленности и транспорта, до частных предпринимателей, пытающихся выжить в условиях НЭПа, и представителей интеллигенции, занятых в сфере образования и культуры, все они вносили свой вклад в развитие города.

Однако за фасадом экономического оживления и культурного подъема скрывались серьезные проблемы: безработица, социальное неравенство и нестабильность.

Изучение этих проблем, отраженных в биографиях конкретных людей, позволяет глубже понять сложности и противоречия эпохи, а также оценить адаптивность и стойкость жителей г. Курска в период масштабных социально-экономических трансформаций. Дальнейшие исследования архивных документов и местных краеведческих материалов позволят нам еще более детально воссоздать социально-экономический портрет исследуемого квартала и его обитателей в это непростое, но важное для отечественной истории десятилетие.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-602. Оп. 3. Д. 18.
2. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 28.
3. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 282.
4. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 612.
5. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 613.

6. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 614.
7. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 615.
8. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 617.
9. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 621.
10. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 680.
11. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 694.
12. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 705.
13. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 757.
14. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 758.
15. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 759.
16. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 760.
17. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 761.
18. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 762.
19. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 767.
20. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 768.
21. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 771.
22. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 772.
23. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 773.
24. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 774.
25. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 782.
26. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 784.
27. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 793.
28. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 798.
29. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 809.
30. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 810.
31. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 811.
32. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 812.
33. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 813.
34. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 815.
35. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 819.
36. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 821.
37. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 822.
38. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 934.
39. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 935.
40. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 1071.

Н. Г. Кононов

**IV ПЛЕНУМ КУРСКОГО ОБКОМА ВКП(б)
ОБ ОРГАНИЗАЦИОННО-ХОЗЯЙСТВЕННОМ
УКРЕПЛЕНИИ КОЛХОЗОВ**

IV пленум Курского обкома ВКП(б) состоялся 7 декабря 1934 г. В его работе, наряду с членами и кандидатами в члены обкома, участвовали секретари райкомов партии и представители политотделов МТС.

В основу работы пленума обкома партии были положены решения ноябрьского (1934 г.) пленума ЦК ВКП(б), на котором, наряду с основными вопросами – «Об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам» и «О политотделах в сельском хозяйстве» – были рассмотрены и текущие вопросы: а) о развитии животноводства, б) о примерном Уставе

сельскохозяйственной артели, в) о финансовом положении и о задолженности колхозов, г) об индивидуальном крестьянском хозяйстве и отсталых колхозах, д) о комбайнах и комбайнерах [1, с. 194–204].

Несмотря на актуальность вопроса «Об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам», все остальные вопросы ноябрьского (1934 г.) пленума ЦК ВКП(б) по существу были посвящены организационно-хозяйственному укреплению колхозов.

С докладом «Об итогах ноябрьского (1934 г.) пленума ЦК партии и очередных задачах областной партийной организации» выступил Иванов Иван Ульянович, первый секретарь обкома партии [2, л. 11–54; 5]. В соответствии с решением пленума ЦК ВКП(б) докладчик объяснил причины введения в конце 1928 г. карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам. Они были связаны с началом индустриализации, ростом городов и новых промышленных центров и, как следствие этого, ростом городского населения и увеличением спроса на продовольствие. Между тем, отмечал И. У. Иванов, в тот период колхозов и совхозов было мало. Преобладавшее тогда мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство не могло удовлетворить в продуктах питания растущего спроса городов, промышленных районов и районов технических культур. В этих условиях введение карточной системы по хлебу и др. продуктам было не только необходимым, но и важным условием улучшения снабжения рабочих и сдатчиков сельскохозяйственного сырья.

С проведением коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств в земледелии утвердилось крупное механизированное производство, произошло в значительной степени организационно-хозяйственное укрепление колхозов, что привело к успехам заготовок в 1934 г., особенно к успехам хлебозакупок. У государства появилась возможность полностью обеспечить снабжение населения без карточной системы, путём повсеместного развертывания широкой торговли хлебом. Исходя из вышесказанного, пленум ЦК ВКП(б) признал необходимым отменить с 1 января 1935 г. карточную систему снабжения хлебом, мукой и крупой и установить повсеместно широкую продажу хлеба и др. продуктов населению через сеть государственных и кооперативных магазинов.

Широкая продажа хлеба и др. продуктов населению потребовала немедленно приступить к расширению государственной и кооперативной сети магазинов, лавок и палаток для торговли хлебом, к 20 декабря 1934 г. подготовить расширенные базы хлебопечения в городах и районных центрах, на предприятиях в совхозах, обеспечивая ежедневную выпечку 45 450 пудов хлеба. Следовало позаботиться о строительстве хлебопекарен, о работе мельниц, о транспорте для доставки хлебопекарням топлива и развоза хлеба, о подготовке кадров пекарей, о повышении культуры продавцов [1, с. 194–198; 2, л. 6–19].

В докладе первого секретаря Курского обкома партии также было рассмотрено и постановление пленума ЦК ВКП(б) «О политотделах в сельском хозяйстве» [1, с. 198–204; 2, л. 20–31]. Говоря о политотделах МТС и совхозов, следует напомнить, что они были созданы в соответствии с решением январского (1933 г.) объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) [1, с. 80–81] и призваны были устранить крупнейшие политические, организационные и хозяйственные недостатки работы в деревне, допущенные партией в ходе коллективизации, повысить политическую роль и влияния МТС и совхозов на селе и решительно улучшить политическую и хозяйственную работу партийных ячеек в колхозах и совхозах. Благодаря работе политотделов МТС и совхозов вокруг партии сплотился многочисленный беспартийный актив колхозников. Колхозы стали прочной непобедимой силой, объединивших $\frac{3}{4}$ крестьянских хозяйств и 90 % посевных площадей. На момент

образования Курская область имела 6 000 тракторов, 900 грузовых автомобилей, 136 зерновых комбайнов, 106 МТС и около 50 МТМ [3, л. 17].

В большинстве колхозов и совхозов улучшилось использование сельскохозяйственной техники. По стране в целом и по области в частности успешно проведены весенний сев 1934 г., уборочные кампании 1933 и 1934 гг. Собран урожай в 1934 г. не меньше прошлогоднего. Лучшее 1933 г. прошла и хлебозаготовительная кампания 1934 г. В сознание миллионов колхозников внедрялось понимание первоочередности выполнения своих обязательств перед государством.

В результате реализации постановления ЦК ВКП(б) от 15 июня 1933 г. «О работе политотделов МТС, о колхозной ячейке и о взаимоотношениях политотделов и райкомов» значительно окрепли перестроенные по производственному признаку первичные колхозные партийные организации. Повысилась их революционная бдительность и большевистская идейная вооруженность. Учитывая, что политотделы добились серьезных успехов в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства, укрепления колхозов, сплочения колхозного актива и создания прочной основы партийной организации на селе, улучшения работы райкомов партии, ноябрьский (1934 г.) пленум ЦК ВКП(б) принял решение о преобразовании политотделов МТС в обычные партийные органы. Предлагалось слить политотделы с существующими районными комитетами партии, большие районы разбить на несколько новых районов, влив туда соответствующие политотделы. Отныне руководство всеми первичными партийными организациями в районе возлагалось на районные комитеты партии. В крупных сельскохозяйственных районах, кроме должности первого секретаря, устанавливалась должность второго секретаря райкома. В аппарате райкома создавались сельхозотделы во главе с первым или вторым секретарем райкома партии. Все наличные работники политотделов оставались на работе в районах в качестве первых или вторых секретарей райкомов партии, заведующих сельхозотделами райкомов партии, в качестве заместителей директоров МТС по политической части, работников аппарата новых райкомов партии и райкомов комсомола [1, с. 201–202].

В то же время пленум ЦК ВКП(б) подчеркнул, что указания январского пленума ЦК (1933 г.) о том, что «борьба за дальнейший подъём сельского хозяйства и завершение его социалистического переустройства является в настоящее время важнейшей задачей партии» [1, с. 78, 203].

Что касалось разукрупнения районов Курской области, то по предварительному плану предполагалось из 60 районов организовать 83 района. При организации новых районов следовало учитывать наличие МТС, семилетней школы, больницы, связи, посевной площади в размере 35–40 тыс. га, количество населения в пределах 35–40 тыс. человек.

Далее И. У. Иванов остановился на других вопросах, связанных с решениями ноябрьского (1934 г.) пленума ЦК ВКП(б) применительно к задачам Курской области. В первую очередь это касалось предстоящей весенней посевной кампании. Необходимо было позаботиться о засыпке семян. Следует сказать, что далеко не все районы успешно справлялись с этой задачей. И если Глушковский район засыпал семян на 103 % к плановому заданию, Суджанский – на 101 %, Хомутовский и Кореневский районы – на 95 %, то Солнцевский район заготовил 41 % семян, Скороднянский – 38 %, Советский и Медвенский – по 36 % каждый, Касторенский – только 26 %.

Секретарь обкома ВКП(б) потребовал от секретарей райкомов и председателей колхозов полностью засыпать семена к 25 декабря, очистить их, дважды проверить на всходы.

Важное значение в получении хорошего урожая придавалось снегозадержанию. Поэтому секретарь ОК ВКП(б) потребовал от секретарей райкомов партии выполнить установленные для районов планы снегозадержания, добиться получения урожая зерновых в пределах 12–13 ц вместо 8,5 ц, полученных в 1934 г. Следовало подготовиться к успешному проведению весенней посевной кампании 1935 г. Деревенским партийным организациям предстояло усилить колхозный актив, мобилизовать его на работу на выполнение этой важной задачи. Эту задачу невозможно было решить без хорошо подготовленных кадров. Проблема с кадрами в колхозах области продолжала оставаться острой. Речь шла не столько о квалификации кадров, хотя и это проблема оставалась далеко не решенной, сколько о большой их текучести. В ряде колхозов (Щигровский район) сменилось в год по 3–5 председателей колхозов, бригадиры сменялись по 5–7–10 и даже 12 раз. При такой колоссальной текучести кадров не могло быть и речи о руководстве колхозами, а, следовательно, и об успешном развитии колхозного производства. Не меньшая текучка кадров была и на колхозных животноводческих фермах.

Необходимо было укрепить колхозные кадры, подобрать добросовестных людей, способных руководить сельскохозяйственным производством. Рекомендовалось в течение зимы пересмотреть все колхозные кадры и в первую очередь председателей, бригадиров полеводческих бригад и животноводческих ферм. Следовало подобрать свиначков, конюхов, счетоводов. Их надо не только подобрать, но закрепить сроком на 5–7 лет, а не менять 7 раз в году. «Надо всем понять, – отмечал И. У. Иванов, – что председателя колхоза никто не может снять без разрешения облЗУ, бригадира – без разрешения председателя райисполкома (РИКа). У нас же бригадиров снимают все, кому не лень. Надо решительно покончить с этой чехардой в отношении колхозных кадров» [2, л. 32–36, 41].

Масса недостатков наблюдалась и в руководстве колхозами. Вместо того, отмечал в прениях по докладу Иванова заведующий сельскохозяйственным отделом обкома партии Николай Георгиевич Гусев, чтобы поднимать производительность труда в колхозах, укреплять трудовую дисциплину на основе развертывания партийно-массовой воспитательной работы, показа лучших передовых методов хозяйствования, подъема производства в колхозах, укрепление дисциплины труда подменялось методами администрирования, методами массового штрафования колхозников. Встречались такие колхозы, в которых было оштрафовано 80 % колхозников. В Хомутовском районе все колхозники, кроме председателя колхоза, были оштрафованы [2, л. 112].

Огромные штрафы налагались на председателей колхозов, бригадиров, председателей сельсоветов. Единоличники при этом смотрели на этот произвол в отношении колхозников, сочувствовали им и не желали вступать в колхоз. Штрафовали за неявку на собрания и даже без причин. И это несмотря на то, что обком партии уже принял решение по этому вопросу. Райкомам ВКП(б), рекомендовал И. У. Иванов, следует проверить каждый колхоз, как это решение обкома партии выполняется. Райком должен знать жизнь каждого колхоза, в каждом колхозе надо усилить массово-политическую работу. Кстати, эта работа велась слабо, без вовлечения колхозного актива в эту работу. В качестве агитаторов предстояло привлечь лучших производителей, работу которых следовало связать с производством [2, л. 37–38].

Особо важную роль в успешном проведении весенней посевной кампании призваны были сыграть МТС. Для этого следовало укрепить их финансовое состояние. Хозяйство же МТС было чрезвычайно развалено. Этому способствовали руководители области, районов и директора МТС своими незаконными действиями. Незаконно, безалаберно израсходовано 15 млн рублей. Их тратили, на что попало,

куда попало. В МТС наблюдалось огромное бесплановое строительство клубов, электростанций и т. п. Все это подорвало работу МТС и довело до того, что керосин выкупить было не за что. Без укрепления финансового положения МТС невозможно было своевременно и качественно отремонтировать тракторы и др. сельхозинвентарь, успешно подготовиться к проведению посевной кампании.

Весьма плохо использовалась сельскохозяйственная техника МТС и колхозов. Тракторы использовались на 50 % их производственной мощности, комбайны – на 1/3, сложные и полусложные машины – менее чем на 1/3. Причина этого заключалась в неумелом обращении с машинами в связи с низкой квалификацией кадров трактористов, комбайнёров, шофёров и т. п. Следовательно, чтобы на полную мощность использовать сельскохозяйственную технику, надо было серьезно заняться подготовкой и переподготовкой механизаторских кадров. И эту задачу предстояло решить к весне 1935 г. [2, л. 37–39].

Весьма острой задачей оставалась задача по укреплению слабых колхозов. В области таковых оставалось 17 %. Это 1 300 хозяйств из 8 360. Слабые колхозы не могли обеспечить себя даже хлебом и другими продуктами. Из таких колхозов люди, в первую очередь мужчины, бежали на другую работу в города. И. У. Иванов потребовал этому явлению положить конец. Без укрепления слабых колхозов многие из них могли быть разрушены. Рекомендовалось в такие колхозы подобрать хороших председателей, бригадиров. Слабым колхозам помогли вспахать зябь. Следовало помочь успешно провести весеннюю посевную кампанию. И каждому району надо серьезно взяться за это важное дело.

Оставался дискуссионным вопрос о размере колхоза. Как отмечал И. У. Иванов, в течение зимней коллективизации 1933–1934 г. было коллективизировано до 90 % крестьянских дворов. Созданы колхозы по 200–300–500–700 хозяйств и, как правило, эти крупные хозяйства являлись слабыми. Очевидно, что до руководства этими хозяйствами люди еще не доросли. Иногда колхозники сами просили разукрупнить колхоз. И им следует пойти навстречу, надо учитывать мнения крестьян. И. У. Иванов советовал создавать колхозы в количестве 80–100–120 хозяйств. Но к этому вопросу в каждом случае надо подходить сугубо индивидуально, без всякого насилия.

В области немало было колхозов, разбросанных по отрубам и хуторам на расстоянии до 7 км и более. Иванов считал, что такие колхозы пока следует оставить такими, какими они являлись. Другое дело, если в крупном селе имеются малые колхозы и много единоличников, то их, желательно, сливать в более крупные хозяйства. Так, в Щигровском районе в колхозе им. Сталина насчитывалось 507 хозяйств. Успехи его были ниже средних показателей. Его пришлось разукрупнить на 5 хозяйств, и все хозяйства в течение года – полутора стали крупными колхозами [2, л. 42–43, 133–135].

Нередко малочисленные колхозы были по существу семейными. Это не колхозы, а патриархальные семьи, отмечал бывший начальник Малоархангельской МТС Кошелев. В массиве обслуживания МТС имелся 101 колхоз. По числу дворов они разделялись: от 10 до 20 дворов – 18 колхозов, от 20 до 30 – 16, до 40 дворов – 35 колхозов. Всего же имелось 70 колхозов, имевших до 40 дворов. В малых колхозах невозможно было развивать животноводство, создавать животноводческие фермы [2, л. 90–91]. Но были и крупные колхозы, не имевшие тягловой силы, не способные обработать земельную площадь и переходили в число слабых колхозов. Поэтому вопрос об укрупнении колхозов пока оставался дискуссионным.

Был поднят вопрос и о предстоящей уборочной кампании, о своевременном ремонте комбайнов, как лучшей уборочной машине. Однако использование комбайнов в уборочной кампании производилось весьма плохо. Ими управляли

неумелые люди. А это создавало негативное отношение к использованию комбайнов на уборке. Следовало убедить людей в выгоде использования комбайнов.

Для того чтобы комбайн вырабатывал установленную для него норму, отмечал Иванов, надо позаботиться о создании условий для работы комбайнера, о хранении комбайнов в закрытом помещении и т. п. В области вся техника стояла под открытым небом, все ломалось, портилось от непогоды. Новую технику просто выбрасывали. Имели место и хищения запчастей. Даже директора МТС смотрели на технику, как на казенное добро, не проявляли заботы о нем. И. У. Иванов потребовал от директоров МТС, совхозов, председателей колхозов убрать технику и инвентарь в закрытые помещения и установить строгий контроль по ее охране.

ЦК ВКП(б) решил вопрос о кадрах комбайнеров, превратить комбайнера в постоянного работника, занятого на работе круглый год не только в качестве комбайнера, но и в качестве токаря, слесаря, механика. В соответствии с этим ему устанавливалась среднегодовая зарплата в месяц для первой категории 250 рублей, для 2-й категории – 200 рублей. На эту зарплату пойдет и рабочий из города [2, л. 44–45].

Острым оставался вопрос о финансовом положении колхозов. Партия и правительство приняли ряд мер по их финансовому оздоровлению. С колхозов снималась вся задолженность по состоянию на 1 января 1935 г. по сельскохозяйственным ссудам, которые образовались в результате реорганизации на колхозы ссуд бывших единоличных хозяйств, сельхозкооперативов и др. организаций. Снималась и старая задолженность по сельхозссудам, образовавшаяся вследствие перекредитования сельхозкоммун и колхозов, организованных в первые годы сплошной коллективизации. Она составляла 500 млн рублей. На 500 млн рублей списывалась с колхозов задолженность, в первую очередь со слабых колхозов, так как сильные колхозы эту задолженность уже уплатили.

Одна из причин финансовой слабости колхозов заключалась и в том, что многие колхозы не распоряжались своими средствами. Этими средствами распоряжались сельсоветы для народного образования, отделы здравоохранения, райсобесы, райисполкомы и райкомы партии, директора МТС и даже банк – все были хозяевами, кроме колхозов, а ведь средства были колхозными. Наблюдалась значительная задолженность колхозам. Никто не хотел им платить за лошадь, телку, овцу, корову и т. п. Брели продукты, а деньги не платили, в том числе и хозяйственные организации.

Секретарь обкома ВКП(б) потребовал от всех должников в течение первого квартала 1935 г. погасить колхозам задолженность за полученную продукцию как в порядке госпоставок, так и в порядке контрактации, а также за произведенные работы и в дальнейшем не допускать задолженность. Расплачиваться с колхозами надо немедленно за полученную от них продукцию или после произведенной ими работы.

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) постановил, что средствами колхозов распоряжаются только сами колхозы и никто больше. Филиалам Госбанка и сберкасс запрещалось списывать средства с текущих счетов колхозов по чему бы то не было требованию. Кроме того, пленум ЦК принял решение, что 30 % средств колхозов остаются неприкосновенными и шли только самому колхозу, даже если он не погасил ссуды Госбанку и должен др. предприятиям и организациям. Колхозное строительство могло начинаться только с разрешения колхозного собрания [2, л. 45–48].

Устав сельхозартели не обсуждался, поскольку его планировали обсудить на II Всесоюзном съезде колхозников.

Пленум ЦК ВКП(б) утвердил и план по развитию животноводства на 1935 г. как по Союзу, так и по областям. По Курской области планировалось выращивание молодняка КРС в совхозах, в колхозных товарных фермах, у колхозников и единоличников в количестве 299 600 голов, овец и коз – в 238 400 голов, лошадей – в 70 200 голов, свиней – в 383 700 голов. Областной план по наращиванию животноводства был в 1,5 раза выше, и его предстояло скорректировать. Во всех колхозах предстояло создать товарные фермы (некоторые колхозы имели по 4 фермы, другие – ни одной). Особое внимание обращалось на предстоящую зимовку скота (корма, утепление помещений, уход за скотом и т. п.), на подготовку животноводческих кадров. Был установлен и план контрактации телок у колхозников для товарных колхозных ферм в количестве 10 000 голов, план продажи поросят из колхозов колхозным товарным фермам – тоже в количестве 10 000 голов. поголовье волов планировалось довести также до 10 000 голов. Кстати, это поголовье волов уже работало. И задача на 1935 г. ставилась довести поголовье волов до 40–45 тыс. Пленум ЦК постановил продать бескоровным колхозам из колхозных товарных ферм в 1935 г. 10 000 телят, 50 000 поросят, 12 000 ягнят; из совхозов – продать 2 200 голов телят и 25 500 голов поросят. Уделялось внимание развитию птицеводства и в частности – гусеводства. План инкубации намечался в количестве 530 000 цыплят, из них для продажи колхозникам – 200 000 цыплят.

Пленум ЦК ВКП(б) обратил также внимание на улучшение беспородного скота путем метизации по следующим основным породам: по КРС – с симментальской породой, по лошадям – с Орловским рысаком и першероном, по овцам – с Кочугуровской и Михновской породой, по свиньям – с английской белой и Ливенской племенной породой. Утверждена организация Малоархангельского государственного племенного рассадника рысистых лошадей, Болховского государственного племенного рассадника симментальского скота, Курского областного племенного рассадника ливенской свиньи, Курского областного племенного рассадника Кочугуровской овцы.

Области было предложено создать к 1 января 1936 г. 60 племенных ферм КРС с поголовьем 3 400 голов, 60 свиноводческих ферм с поголовьем 4 800 голов, 33 овцеводческих племенных фермы с поголовьем 2 800 голов. Вместе с тем, пленум ЦК ВКП(б) предложил области в 1935 г. довести количество пчелиных семей до 550 тыс. Область могла превысить эту цифру, поскольку уже имела 460 тыс. пчелиных семей. Пленум ЦК рекомендовал области довести в 1935 г. количество зоотехнических участков до 190, ветеринарных участков – до 100, ветеринарных пунктов – до 170 единиц, построить 3 новых и дооборудовать 2 ветлечебницы.

В 1935 г. предписывалось подготовить 7 800 заведующих фермами и бригадиров-животноводов и 4 100 колхозных ветфельдшеров, организовать в Ливнах зооветтехникум для обеспечения области зооветкадрами средней квалификации.

Утвержден и план подготовки кормов на 1935 г. в 390 тыс. га, из них: трав однолетних – 197 тыс. га, трав многолетних – 109 тыс. га, в т. ч.: клевера – 82 тыс. га; корнеплодов – 60 500 га, силовых культур – 23 500 га, площадь естественного сенокоса – 405 тыс. га, план силосования – 580 тыс. т, улучшенных лугов и пастбищ – 380 тыс. га. Предстояла большая работа по улучшению лугов и пастбищ. ЦК предложил широко использовать для откорма животных отходы пищевой промышленности – жом, патоку, барду, картофельную мезгу. Отходы пищевой промышленности должны быть преобразованы в мясо и молоко. План оставленных семенников трав на 1935 г. в совхозах определялся в 5 500 га, в колхозах – 23 400 га,

из них 20 000 га клевера. Предложено сосредоточить семеноводство в старых районах клеверного семеноводства: в Рыльском, Льговском, Суджанском, Прохоровском, Дмитриевском.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР требовали от Курской областной партийной и советской организаций обеспечить в 1935 г. рост поголовья по всем видам скота, особенно свиней. Эти задачи, отмечал И. У. Иванов в заключении своего доклада, должны быть выполнены в каждом совхозе, в каждом колхозе, в каждом сельсовете [2, л. 48–54].

Н. Г. Гусев в своем выступлении обратил внимания партийной организации области на завершение сплошной коллективизации. В целом коммунисты неплохо поработали по привлечению единоличников в колхозы в период уборочной и заготовительной кампаний. Но с ноября 1934 г. эта работа начала затихать. А ведь в ряде районов коллективизация еще не была завершена. Так, в Обоянском, Тимском районах даже в крупных селах процент коллективизации определялся в 40–50 %. Отныне центр работы в деле коллективизации следовало перенести на усиление работы с единоличниками, на дальнейшую работу по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Мы организовали десятки новых колхозов, отмечал в выступлении Гусев, но дальше дело не пошло, мы бросили их на произвол судьбы. Партийной организации области следует провести большую организационную работу, надо организовать людей, надо помочь колхозу организовать правильный труд, чтобы не было в колхозе обезлички, уравниловки. Наконец, надо помочь людям с первых шагов правильно построить свою работу, организовать правильный севооборот, заложить основы для дальнейшего развития сельского хозяйства [2, л. 110–111].

В деле дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов следовало позаботиться о классовой бдительности колхозников, об изгнании оставшихся кулаков из колхозов, об укреплении колхозов кадрами. Острым оставался и вопрос культуры. Она находилась на низком уровне. Не был решен вопрос о борьбе с пережитками капитализма в экономике и в сознании людей. Все это мешало делу социалистического строительства. Не был разрешен вопрос и о жилищах колхозников. Ведь мы, отмечал Иванов в своем докладе, создаем хозяйство новое, колхозное, социалистическое, а жилище у колхозников остается старое, с блохами, вшами, клопами. Надо серьезно взяться за изменение жилищных условий колхозников, за приведение их в надлежащее состояние, в культурный вид [2, л. 38].

В заключение своей работы IV пленум Курского обкома партии принял резолюцию «Об итогах ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) и очередных задачах областной партийной организации», в которой одобрил решения пленума ЦК и потребовал от всех партийных, советских и профсоюзных организаций области усиления внимания и руководства торгующими организациями, оказания им необходимой практической помощи по реализации решений ноябрьского пленума ЦК. Пленум обкома партии отметил огромную работу, проделанную созданными по инициативе И. Сталина политотделами в деле политического укрепления МТС и совхозов, повышения политической и хозяйственной работы сельских партийных организаций, дальнейшего приближения партийного руководства к колхозам, к селу, большей увязки партийной и политической работы с производством, улучшения работы райкомов партии на основе практики и методов работы политотделов. Одобряя решение пленума ЦК ВКП(б) о политотделах в сельском хозяйстве, пленум обкома партии поручил бюро ОК ВКП(б) в соответствии с решением ноябрьского пленума ЦК в кратчайший срок разработать конкретные

мероприятия, связанные с перестройкой партийных организаций на селе, по разукрупнению районов и использованию работников политотделов МТС.

Пленум обкома партии также поручил бюро обкома ВКП(б) в соответствии с решением ноябрьского пленума ЦК о государственном плане развития животноводства, о комбайнах и комбайнерах, о состоянии финансового хозяйства и отчетности в колхозах разработать конкретные мероприятия по реализации этих решений [2, л. 110–111], что и было сделано на заседаниях бюро Курского обкома партии от 29 ноября, 2, 9, 19 декабря 1934 г. и др. [4, л. 2, 93. 241, 314–315, 316–321].

Источники и литература

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. Изд. 8-е, доп. и исправленное. М., 1971.
2. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 9.
3. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2.
4. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 22.
5. Курская правда. 1934. 15 дек.

Е. В. Холодова

ДВОРЕЦ УРОЧИЩА СОЛЯНКА

На живописном берегу реки Сейм, у южной окраины города Курска в урочище Солянка возвышается, построенное в 1940 г., кирпичное здание дворцовой архитектуры, больше известное курянам как «Детский санаторий Гайдаровец».

Документы и материалы подтверждают следующие исторические этапы строительства и работы в здании значимых учреждений различных функций – отдыха, учебной, оздоровительной: 1940–1947 гг. – дома отдыха партактива; 1948–1963 гг. – сельскохозяйственная школа, затем сельскохозяйственный техникум; 1963–2020 гг. – детский санаторий; с сентября 2020 г. – детская клиническая больница.

Дворец. Вид с юга. Фото Е. В. Холодовой, октябрь 2021 г.

Осенью 1937 г. ЦК ВКП(б) принял решение об отпуске средств на строительство Дома отдыха партийного актива Курской области, и в 1938 г. было определено место его строительства в урочище Солянка [1, л. 78; 2, л. 2].

Проектирование велось в 1938 г., а строительство осуществлено за два года, с сентября 1938 г. по 1940 г. [3, л. 97–98]. Пока новый дом отдыха только проектировался, в его качестве временно использовались здания бывшей архиерейской дачи «Знаменская роща» в г. Курске, куда было прикреплено партийное руководство обкома [4, л. 48, 188].

Бывший Дома отдыха партактива – сельхозтехникум. Открытка 1957 г.

Здание Дома отдыха партийного актива Курского областного комитета ВКП(б) было построено в 1940 г. по проекту архитектора Курскоблпроекта, члена Союза архитекторов СССР Павла Ивановича Лазаренко (1909–?), который являлся автором ряда новаторских проектов жилых и

общественных зданий середины 1930-х – начала 1940-х гг., имеющих важное значение в формировании архитектурно-градостроительного пространства центра г. Курска, например: здание госцирка на Красной площади, жилой дом на ул. Урицкого/Радищева, здание пожарной части на ул. Можаяевской, административное здание на Красной площади, 6. Автор ряда вариантов Дома Советов на Красной площади и др. [5, с. 118–120].

Здание дома отдыха свободно и живописно читалась на прибрежном участке в панораме лесопарковой зоны и реки Сейм.

Архитектор Лазаренко при проектировании не стал расчленять дом отдыха на несколько отдельных корпусов, объединив жилые площади со столовой, кинозалом, физкультурным залом, библиотекой и другими помещениями общественного назначения, что шло в небольшое противоречие с принятыми в советском санаторно-курортном строительстве второй половины 1930-х гг. планировочными решениями. Однако выбранное архитектором объемно-планировочное решение здания позвонило сократить смету и объемы строительных работ.

Сведения о датировке и авторстве также были указаны в подписи к фотографии «Здание в Солянке. 1940 г. Архитектор П. И. Лазаренко» в монографии В. Ф. Габеля и И. Н. Гулина «Курск» 1951 г. [6, с. 83]. Приведенный там фотоснимок является хронологически третьим из найденных изображений дома отдыха.

Самый ранний фотоснимок, где запечатлен дом отдыха партактива в Солянке датируется 1940 г.. Здесь на фоне дома отдыха были сфотографированы первый секретарь Курских обкома (в 1938–1946 гг.) и горкома (в 1939–1946 гг.) ВКП(б) П. И. Доронин; секретарь обкома ВКП(б) по кадрам (в 1939–1940 гг.), председатель исполкома облсовета депутатов трудящихся (в 1940–1950 гг.) В. В. Волчков с коллегами.

Данная фотография была впервые опубликована в 2012 г. в научно-справочном издании «Власть и дело» Ю. А. Бугрова и А. Н. Пахомовой, посвященном истории власти в Курском крае в XI–XXI вв. [7, с. 98].

Следующие из найденных изображений здания дома отдыха с виднеющейся за ним водонапорной башней были сделаны во время оккупации. На фоне здания летом 1942 г. был сфотографирован венгерский солдат [8].

Во время оккупации здание не пострадало. После освобождения Курска в феврале 1943 г. в бывшем доме отдыха в Солянке разместили госпиталь Центрального фронта [9, л. 43].

В январе – марте 1947 г. по заказу облздравотдела архитектурно-проектной мастерской при управлении главного архитектора г. Курска был выполнен проект планировки санатория «Солянка» [10, л. 119].

Важно, что к концу 1947 г. в Курской области были полностью восстановлены и вернулись к работе пригородные дома отдыха и санатории «Солянка», «Моква» и «Лебяжье» [11, л. 108]. Проекты восстановления и реконструкции выполнялись архитектором М. А. Ивановым и инженерами-конструкторами Н. М. Клевенским, В. А. Лысовым [10, л. 121].

С 1 февраля 1948 г. в здании действовала Курская государственная двухгодичная школа по подготовке руководящих кадров колхозов Курского областного управления сельского хозяйства. Школе было передано 35 га пахотной земли города Курска, учитывая отсутствие свободных городских земель, а также земель Госземфонда в районах, прилегающих к городу Курску. В марта 1949 г. был передан школе колхозный земельный участок площадью 99 га (пахотной – 78,43 га, сенокосной – 19,82 га и неудобной 0,69 га) [12, л. 4].

С 31 марта 1951 г. здесь были организованы: Курская сельскохозяйственная школа по подготовке председателей колхозов Министерства сельского хозяйства РСФСР, с мая 1953 г. – Курская средняя сельскохозяйственная школа по подготовке председателей колхозов Министерства сельского хозяйства и заготовок РСФСР, с декабря 1953 г. – Курская средняя сельскохозяйственная школа по подготовке председателей колхозов Министерства сельского хозяйства РСФСР.

Учебное помещение главного корпуса. Курсанты одногодичных курсов сельскохозяйственной школы председателей колхозов на уроке по растениеводству. Фото около 1951–1952 гг.

В 1951 г. западнее учебного корпуса было выстроено 2 жилых кирпичных 4-квартирных дома для преподавателей. Данные дома были построены по типовому проекту, разработанному архитектором С. А. Маслихом из архитектурно-проектной мастерской № 1 Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР (АМВ) братьев Весниных (снесены в 2023 г.).

13 июня 1952 г. Курский лесхоз Курского областного управления лесного хозяйства передал школе лесной участок площадью 12,3 га. К акту передачи прилагался «План землепользования Курской средней с.х. школы по подготовке председателей колхозов» в масштабе 1:5000, который является первым обнаруженным детальным планом участка сельскохозяйственной школы в Солянке [13, л. 13–17].

В 1956 г. на территории школы было закончено строительство общежития.

Оно было возведено по типовому проекту Мосуглепроекта архитекторов Л. Б. Катка и Л. Н. Киселевича и представляло собой 2-этажное кирпичное общежитие на 100 человек с водопроводом, канализацией и центральным отоплением.

С октября 1956 г. школа была преобразована в Курский сельскохозяйственный техникум Министерства сельского хозяйства РСФСР, где была открыта специальность «Зоотехния» с планом приема в 1956 г. в 90 человек [13, л. 50–54].

В отчете о работе Курского сельскохозяйственного зоотехнического техникума за 1956–1957 учебный год говорилось, что техникум имеет временно приспособленный учебный корпус, общежитие, 3 дома. Кроме того, на территории учебно-опытного хозяйства техникума построены производственные и жилые постройки.

Учебный корпус представляет из себя 3-этажное кирпичное здание общей площадью 2 247 кв. м, полезной площадью 1 878 кв. м. В корпусе размещены: учебные классы, клуб, кабинет директора, его заместителей, партбюро, учебная часть, канцелярия, столовая, медпункт, библиотека, читальня, общежитие учащихся, 4 квартиры.

Общежитие – 2-этажное кирпичное здание общей площадью 512 кв. м. Общежитие имеет комнатную систему и рассчитано на 100 человек, а проживает 150.

Жилые дома представляет из себя 2 кирпичных 2-этажных и 1 стандартный деревянный с общей площадью в 493 кв. м. В жилых домах размещаются преподаватели и весь обслуживающий персонал техникума. Всего проживает 25 семей или 69 чел.

Техникум имеет водонапорную башню, в которую подается вода из 2-х водяных скважин: одна глубокая на 150 м, другая на 180 м. В летнее время водой техникум обеспечивает и окружающий пионерские лагеря.

Парадный актовый зал главного корпуса (клуб). Фото около 1952 –1953 гг.

В 1957 г. техникум подключился к городской электролинии и радиотрансляции. Все комнаты общежития имеют репродукторы и подключены к городской радиотрансляции, а также имеют центральное отопление.

В 1957 г. приступили к строительству бани.

Техникуму необходим учебный корпус. Место для строительства было отведено по генеральному плану, но средств на строительство областное управления сельского хозяйства и не выделяло [14, л. 1–7].

В отчете об итогах учебно-воспитательной работы Курского сельскохозяйственного техникума за 1958–1959 учебный год указывалось, что техникум и учебное хозяйство находятся в разных местах на расстоянии друг от друга 8 км.

Техникум имеет несколько зданий, но только одно из них отведено под учебный корпус. В этом корпусе имеется 13 учебных кабинетов. Они расположены на 2 и 3 этажах. 1 этаж и часть комнат 2 этажа заняты под общежитие юношей (42 комнаты). На 1 этаже размещены: дирекция, парткабинет, бухгалтерия. На 2 этаже учительская, библиотека, читальный зал, клуб на 350 мест и 4 квартиры преподавателей. Учебные классы очень малы: по 26–32 кв. м. вместо 100–150 кв. м [15, л. 1–2].

Строительство бани было окончено в 1960 г. Она была рассчитана на одновременный пропуск 24 человек и возведена по типовому проекту Гипроавиапрома архитекторов А. С. Вишняка и А. В. Тарасова [16, л. 1–2].

В отчетных документах сельхозтехникума отмечена дополнительная творческая работа учащихся – выпуск газеты «Рейд крокодила», кружковая работа студии художественной самодеятельности, а так же организация встреч с выдающимися писателями в клубе (актовом зале) учебного корпуса. Так, в 1954 г. состоялась читательская конференция с журналистом, писателем и драматургом Валентином Владимировичем Овечкиным (1904–1968) по роману «Районные будни» [17, л. 5], в 1959 г. встреча с писателем, капитаном 1 ранга, председателем Правления СП РСФСР, Соболевым Леонид Сергеевич (1898–1971) и др. [18, с. 28].

В августе 1963 г. техникум был переведен в колхоз Калиновка села Хомутовка Дмитриевского района и в этот же год в здании бывшего техникума был открыт Детский областной ревматологический санаторий, в 1980-х г. – детский санаторий «Гайдаровец».

Установленные по документальным источникам адреса исследуемого объекта, бывшего дома отдыха следующие [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16]:

– на 1949 г.: г. Курск, 7, Сталинский р-н, Рышковский с-с, п/о 12, парк Солянка;

– на 1951–1954 гг.: г. Курск, 7, Солянка;

– на 1960 г. – Курск, 13, Солянка;

В настоящее время – г. Курск, ул. Парк Солянка, 7.

В 2008 г. здание было капитального отремонтировано. В процессе ремонта были заложены выходы на балконы южного главного фасада, полностью демонтирован парапет здания, упрощена отделка цоколя и цвет фасадов, в интерьерах выполнены подвесные потолки в центральном холле и главном парадном зале, закрыв лепной декор интерьеров.

С сентября 2020 г. здание по адресу: г. Курск, ул. Парк Солянка, 7 преобразовано в Отделение медицинской реабилитации ОБУЗ «Областная детская клиническая больница комитета здравоохранения Курской области», в настоящее время используется как госпиталь для военнослужащих.

С 2022 г. «Дом отдыха партийного актива Курского областного комитета ВКПб», 1940 г., по адресу город Курск, улица Парк Солянка, дом 7, является объектом культурного наследия регионального значения.

Рассматриваемое здание расположено на участке общей площадью 54 927 кв. м, с ровным рельефом, имеющим небольшой уклон на юг в сторону реки,

расположенной в 60 м от береговой полосы Сейма, в гармоничном сотворчестве с окружающим его природным ландшафтом лиственного и хвойного массива урочища Солянка, являясь ярким акцентом береговой панорамы долины реки Сейм курортно-природного района г. Курска.

Фасады и объемно-пространственное решение здания выполнены в строгой, стремящейся к симметрии классицистической композиции с подражанием дворцовой архитектуре XVII–XIX вв., используя комбинированную каркасно-стенную конструктивную систему. Вместе с тем, здание несет отголосок советского конструктивизма, сохраняя, например, такие его черты, как ясная и логичная дифференциация групп помещений (жилая, общественная, рекреационная, вспомогательная), выявление в композиции фасадов элементов, которые обусловлены функциональными назначениями помещений. Стремление архитектора П. И. Лазаренко к расширению средств художественной выразительности, смягчающих аскетизм геометрических форм решено посредством акцентирующих монументальность здания объемов ризалитов и мезонина, а также придающих легкую пластичность главного фасада аркады – открытой галереи стилизованного тосканского (в оформлении входной группы центрального ризалита) и коринфского ордеров, а в уровне галереи – полуциркульных панорамных окон мезонина с соблюдением принципа ордерной суперпозиции, в градации по степени ее легкости, что создало запоминающуюся художественную выразительность облика курортного здания.

Здание представляет собой крупный близкий к Т-образному в плане двух-трехэтажный объем, созданный в комбинированной каркасно-стенной системе. Дворец построен на бутовом фундаменте, материал несущих стен – кирпич, материал стоечно-балочного каркаса – кирпич (колонны прямоугольные и круглые в плане), железобетон – балки и перекрытие в уровне подвала и части 1-го этажа, а так же дерево. Здание завершено вальмовой и скатной крышей, покрытой листовым металлом.

Объемно-пространственное решение объекта стремится к симметрии и представляет собой два стыкованных двух- и трехэтажных объема, где к близкому (за счет ризалитов) П-образному в плане 2-этажному южному объему, увенчанному в центре крупным мезонином (в уровне 3-го этажа), стыкуется трехэтажный северный объем близкий (за счет ризалитов) к Т-образному в плане. Основные входы в здание организованы с севера, востока и юга. Общие габариты здания по основным линейным размерам в плане 70х48 м.

Проект здания предполагал четкое функциональное деление объекта. Южный объем здания – жилой, комбинированной системы планировки (коридорной, секционной, зальной) состоял из жилых комнат первого и второго этажей, обширных рекреаций (вестибюль, холлы, лестничный холл, коридоры) с парадной трехмаршевой лестницей в центре всего объема, вспомогательными (эвакуационными) двухмаршевыми лестницами в западном и восточном углах объекта, мезонином третьего этажа с залом, с видовой галерей панорамных окон. Под северо-восточным крылом южного объема и под центральной частью здания расположены небольшие технические подвалы. Северный объем здания – общественный, комбинированной системы планировки (секционной, зальной др.) имеет три уровня – цокольный вспомогательный (кухня) подсобный этаж, большой двухсветный парадный (актовый) зал, фланкированный с севера и юга двухуровневыми вспомогательными и техническими помещениями, имеющий двухмаршевые лестницы в западном и восточном углах объекта.

В интерьерах здания интерес представляют центральные помещения объекта: входная группа – вестибюль и основная парадная коммуникация здания с

тремаршевой лестницей, акцентированные – коллонатами круглых (холлы 1-й и 2-й этажей) и квадратных (холл 2-го этажа) в плане рядами колонн стилизованного тосканского ордера и представляющих иллюзорную импровизацию одно-, двух- и трехнефного (со стороны лестницы) пространства. Наибольшей выразительностью в композиционном и декоративно-художественном отношении обладает просторный актовый двусветный зал, стены и потолок которого были оформлены лепным декором (пилястры, карнизы, плафоны, и др. детали), ныне закрытые подвесным потолком 2000-х гг. В интерьере зала сохранились две колонны, выполненные в формах тосканского ордера.

Фасады здания решены в штукатурке с применением небольшого количества декоративных деталей. Цветовая гамма здания, судя по раскрытым местам красочных слоев фасадов, была решена в классицистическом варианте в три основных цвета: цоколь – краснокирпичный (терракотовый), колонны и декоративные элементы – белый, основная стена – светлая охра (светло-желтый).

Наибольшей выразительностью обладает здесь главный южный фасад здания, имеющий пятичастное композиционное построение за счет угловых и центрального входного ризалитов. Главный вход южного фасада оформлен открытой галереей стилизованного тосканского ордера. В уровне второго этажа главного фасада размещены семь небольших балконов, металлическим ограждением простого геометрического рисунка, создающие дополнительные живые, легкие светотеневые объемы солнечной стороны здания. Центральное ядро завершает изящный мезонин, в исполнении галереи панорамных полуциркульных окон, обрамленных профилированным декором аркады стилизованного композитного ордера и являющихся поздним остеклением предполагаемой проектом лоджии, открытой на лучшие панорамные виды долины реки Сейм.

Дворец в урочище Солянка, выстроенный в формах позднего конструктивизма является единственным образцом санаторно-курортного строительства советского довоенного времени в Курской области.

Источники и литература

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 845.
2. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 856.
3. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1675.
4. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1275.
5. Холодова Е.В. Зодчие Курского края XVII–XXI веков: ил. биограф. словарь. Курск, 2003.
6. Габель В.Ф., Гулин И.Н. Курск. М., 1951.
7. Бугров Ю.А., Пахомова А. Власть и дело: [исторические очерки об эволюции власти в Курском крае XI–XXI вв.]. Курск; Москва, 2012.
8. Немецкий альбом фотографий г. Курска и окрестностей, около 1942 г. / Частный архив.
9. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-770. Оп. 11. Д. 1.
10. ГАКО. Ф. Р-5346. Оп. 1. Д. 7.
11. ГАКО. Ф. Р-5346. Оп. 1. Д. 6.
12. ГАКО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 3а.
13. ГАКО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 1.
14. ГАКО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 14.
15. ГАКО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 16.
16. ГАКО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 22.

17. ГАКО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 9.
18. ГАКО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 20.
19. ГАКО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 4.

С. А. Душкин

**МЕЖДУ ПЛАНОМ И КАЧЕСТВОМ:
ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ КОМСОМОЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КУРСКА
В ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД
(1946–1950 гг.)**

Период середины 1940-х – начала 1950-х годов характеризуется в социально-экономическом развитии нашей страны как восстановительный. Курская область и город Курск продолжительное время находились под оккупацией немецко-фашистских захватчиков, в связи с чем восстановление и возобновление работы промышленных предприятий города и области было сложным и неоднозначным процессом. Для понимания общей картины происходивших событий исследователь использовал документальные источники о трудовой и общественной деятельности молодежи промышленных предприятий, находящиеся на хранении в фонде Сталинского райкома ВЛКСМ г. Курска Государственного архива общественно-политической истории Курской области.

Как следует из отчета секретаря первичной комсомольской организации Курского фармацевтического завода В. А. Петрухина о проделанной комитетом ВЛКСМ работе за 1946–1948 гг., молодежным активом предприятия неоднократно поднимались многие значимые вопросы, касавшиеся борьбы с браком и экономии сырья на производстве, а так же норм выработки, выполнения пятилетнего плана и других проблем повседневной производственной деятельности.

Так, воодушевившись призывом ленинградских рабочих о досрочном выполнении годового плана к 30-й годовщине Великого Октября, уже к 25 октября 1947 г. благодаря стараниям молодых производственников план был выполнен на 100,2 % [1, л. 1]. Лучшие результаты в выполнении плана показали В. Борзенкова, Т. Смирнова, Л. Михайлова и многие другие комсомольцы. Некоторые из них взяли на себя конкретные обязательства выполнить пятилетку за 3,5 года, что, безусловно, указывало на личную заинтересованность в высоких результатах работы и ответственное отношение к общему делу.

Однако, как и в любой работе, целью которой является досрочное выполнение и перевыполнение планов, не обходилось без издержек. Несмотря на то, что комсомольцы взяли на себя повышенные обязательства, качество выполняемых работ оставалось на низком уровне. Причиной тому служили слабая дисциплина отдельных комсомольцев и неэффективный контроль со стороны первичной комсомольской организации. В ходе выполнения социалистических обязательств комсомольцы, стремясь превзойти норму выработки, не уделяли достаточного внимания качеству изготавливаемой продукции. Безусловно, повышенные обязательства требовали ответственного отношения к работе, но человеческий фактор продолжал играть противоречивую роль [1, л. 2 об.].

Например, стахановка Евдокимова ввиду плохого состояния здоровья снизила норму выработки. Ее коллега Шурковская, ухаживая за маленьким ребенком, также снизила норму выработки и не имела возможности посещать комсомольские

собрания. При этом внимательного и чуткого отношения к молодым работницам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, со стороны комсомольской организации проявлено не было.

В целом, как следует из протоколов и отчетных документов, весь производственный сектор в ходе выполнения плана пятилетки не занимался устранением производственного брака, направив все силы на повышение нормы выработки. Достаточно сомнительным оказался избранный подход для повышения эффективности производственной деятельности. Выполнение и перевыполнение количественных показателей в ущерб качеству выпускаемой продукции в конечном итоге могло привести только к нарастанию кризисных явлений в экономике.

Рассматривая работу фармацевтического завода, нельзя останавливаться только на производственной сфере. Безусловно, это главное направление деятельности союзной и несоюзной молодежи, но для полного понимания всех процессов, происходивших в среде молодых заводчан, также следует обратить внимание на агитационно-массовую и оборонно-спортивную работу. Исследуя имеющиеся в распоряжении документы, приходится констатировать, что комсомольская организация фармацевтического завода оценивала свою работу преимущественно в положительном ключе, практически не обращая внимания на имевшиеся в ее работе недостатки. Так, заводским комитетом ВЛКСМ не уделялось должного внимания росту комсомольской организации, который оставался незначительным. Людской ресурс, которым располагало предприятие, использовался не в полном объеме, а заводская комсомольская организация не стремилась к пополнению своих рядов [1, л. 4].

Занятия в кружках культурно-массовой и общественно-политической направленности, проводимые комсомольским активом, не имели системного характера. Сказывались недостаток методических материалов и оборудования, а также длительное отсутствие квалифицированных руководителей кружков. Многие комсомольцы не являлись на занятия, вследствие чего их проведение срывалось.

На выявляемые в работе недостатки комитет комсомола не обращал должного внимания, что могло свидетельствовать как о некомпетентности входивших в его состав молодежных лидеров, так и об их пассивной позиции по отношению к общественной деятельности.

Рассматривая работу комсомольских молодежных бригад, направленную на успешное выполнение и перевыполнение плановых заданий пятилетки, а также победу в социалистическом соревновании, сопровождавшуюся получением отраслевого переходящего Красного знамени, необходимо отметить, что не все комсомольцы трудились одинаково добросовестно. Некоторые из них, стремясь перевыполнить план, совершенно игнорировали качественное состояние производимой продукции, в результате чего их бригады лишались возможности стать лидерами производственного соревнования [1, л. 10]. Так, в ходе очередного подведения итогов соцсоревнования за июнь 1948 г. в очередной раз встал вопрос о качестве выпускаемой продукции. Например, бригады Ильинской, Буниной и Бочаровой допускали много брака, тем самым снижая общую производительность труда и выполнение плана по заводу.

Причины некачественной работы в разных бригадах были абсолютно разными: от нежелания добросовестно выполнять свои обязанности до отсутствия нормальных условий труда – в производственных цехах, в частности, отсутствовала вентиляция и другие бытовые потребности.

Молодые рабочие фармацевтического завода зачастую оставляли без внимания санитарное состояние своих рабочих мест и поддержание их в должном порядке, часто оставляли их неподготовленными к выполнению производственных

заданий. Таким образом, безответственное отношение, отсутствие производственной культуры и материальной ответственности у рабочих-комсомольцев напрямую сказывались на производительности и качестве их труда [2, л. 16].

Рабочие места на некоторых производственных участках находились в неудовлетворительном состоянии: была разбросана бумага, личные вещи располагались в непосредственной близости от керосиновых ламп, что создавало прямую угрозу пожара [2, л. 16 об.]. Некоторые рабочие печатного цеха при смене режимов печати забывали тщательно протирать и мыть машины, что приводило к выпуску бракованной продукции и простоям производства. Организация работы на участке запайки ампул также характеризовалась с негативной стороны [2, л. 20 об.]. Комсомольцы Петрухина, Евсеева и Иванова регулярно допускали брак при запайке, что не позволяло обеспечить должным образом выполнение норм выработки.

В ходе подведения предоктябрьских итогов 1949 г. производственный план по заводу был выполнен на 120,6 %. Многие комсомольцы смогли выполнить и перевыполнить свои индивидуальные планы. В целом по заводу насчитывалась 41 бригада отличного качества, бригадами которых были комсомольцы-стахановцы фармацевтического завода. Бригадам Смирновой, Евдокимовой, Ноздрачёвой, Зубаревой и Сошниковой было присвоено звание бригад отличного качества. Эти коллективы выпускали продукцию исключительно высшего качества. Все члены бригад выполнили нормы выработки на 130–145 %, а сами бригадиры – на 150–180 %, что свидетельствовало об ударных темпах работы комсомольцев [2, л. 42].

Содержание протоколов заседаний комитета комсомола завода «Аккумулятор» также указывает на активную роль комсомола и молодых рабочих в социалистическом соревновании за досрочное выполнение производственных заданий Четвертой пятилетки. Многие комсомольцы, взяв на себя обязательство выполнить послевоенную пятилетку за четыре года, успешно перевыполнили поставленные задачи.

Комсомольская организация завода «Аккумулятор» активно участвовала в борьбе за экономию и бережливость. Например, комсомольцы зарядного цеха сэкономили за 1948 г. около 70 тыс. рублей, а за январь 1949 г. – 15 тыс. рублей. Причиной таких высоких показателей стала эффективная работа контрольных постов и активное содействие всех комсомольцев. По итогам работы за 1949 г. были отмечены комсомольцы, выполнявшие свои обязательства на 150 %.

Но в работе заводской комсомольской организации не обходилось и без недостатков. Так, руководители цехового бюро ВЛКСМ абсолютно не владели информацией об экономии металлов, в связи с чем их работа была оценена как неудовлетворительная.

Соревнования за высокое качество выпускаемой продукции, в которых принимали участие 6 высококвалифицированных бригад цеха № 15, показали игнорирование третьей частью комсомольцев завода «Аккумулятор» этой инициативы. Так, из 60 членов ВЛКСМ в соревновании участвовали только 40 человек. Ответственность за подобное отношение молодежи к соцсоревнованию возлагалась на руководителей комитета ВЛКСМ предприятия Малышева, Гостева и Альтамана, которые не разъяснили коллегам значимость производственного соревнования для восстановления экономики страны.

Особое внимание стоит уделить трудовой дисциплине комсомольцев. Вопросы соблюдения действующих норм и правил активно обсуждались во все времена, но в условиях плановой экономики, когда страна активно восстанавливалась и

наращивала темпы производства, они стояли особенно остро. Так, комсомольцы Тихонова и Челнокова проявили полную недисциплинированность в отношении выполнения комсомольских поручений. В результате выпуск газеты «Молния и колючки» и боевых листков не был поставлен на регулярную основу и осуществлялся от случая к случаю. В целом, вопрос о неудовлетворительной политико-воспитательной работе с молодежью завода «Аккумулятор» (завод № 111) активно обсуждался еще с октября 1946 г. на заседаниях Курского городского комитета ВЛКСМ. Первичная комсомольская организация завода не в полной мере обладала знаниями, позволявшими четко организовать воспитательную работу с молодыми рабочими, а Сталинский райком ВЛКСМ, в свою очередь, оказывал достаточно слабую практическую поддержку комсомольскому активу, что, в конечном счете, сказывалось на дисциплине работы молодежи на заводе [3, л. 118].

Например, комсомолки Клягина, Комарова и Хворенкова регулярно отмечались на общих собраниях первичной организации не с лучшей стороны. Неудовлетворительная оценка их деятельности была связана исключительно с низкой дисциплиной, пропуском политзанятий и недостаточной подготовкой ко взятию повышенных социалистических обязательств в честь Первого мая. Безусловно, вина за такое поведение лежит на самих комсомольцах, но и комитет комсомола вместе с цеховым бюро, недостаточно занимавшиеся воспитательной работой, также несли свою долю ответственности [4, л. 9–10].

За 1950 г. комсомольская организация завода «Аккумулятор» добилась значительных результатов в социалистическом соревновании. Многие комсомольцы показали высокие производственные показатели. Наиболее выдающихся результатов достигли слесарь Головняк, выполнивший план на 298 %, Гостев – на 266 %, Храмцов – на 253 %. Бригада Лосева выполнила план на 178 %. Кроме того, в других цехах – РЭЦ, ВЭЦ и иных службах завода – молодежь также демонстрировала образцы стахановского труда.

Следует отметить, что на заводе «Аккумулятор» были организованы бригады отличного качества, в число которых вошла и комсомольская бригада Лосева. По итогам социалистического соревнования и в ходе проверки эта бригада подтвердила звание «Отличного качества» и полностью его заслужила. Примечательно, что за весь 1949 г. бригада Лосева не допустила ни одного случая брака.

На основе проведенного анализа деятельности комсомольских организаций курских промышленных предприятий в послевоенный период (1946–1950 гг.) можно сделать вывод о том, что с одной стороны, комсомольские организации продемонстрировали высокую эффективность как мобилизующий инструмент для достижения количественных производственных показателей, что ярко проявилось в массовом стахановском движении, значительном перевыполнении плановых заданий (на 120–130 %, а отдельными работниками – до 298 %) и норм выработки, а также в успешной реализации экономических инициатив, принесших заводу «Аккумулятор» существенную финансовую экономию. Были достигнуты впечатляющие успехи в социалистическом соревновании, о чем свидетельствует наличие 41 бригады отличного качества на фармацевтическом заводе и выдающиеся результаты бригады Лосева, не допустившей ни единого случая брака в течение 1949 г. [4, л. 15].

Однако, с другой стороны, системно выявлялись серьезные недостатки, существенно ограничивавшие вклад комсомола в качественное и устойчивое развитие производства. Гонка за количественными показателями и валом привела к опасному дисбалансу, выражавшемуся в пренебрежении качеством продукции, росте брака, низкой производственной и технологической дисциплине, а также в

слабом внимании к условиям труда, что усугублялось организационными просчетами – неэффективной работой первичных ячеек, формальным отношением к соревнованиям, недостатком воспитательной и агитационной работы. Низкая дисциплина части комсомольцев, слабая ответственность руководителей и их разобщенность с коллективом завершали эту негативную картину [5, л. 15].

По изученным документам комсомольской ячейки завода «Аккумулятор» за 1951 г. можно понять, что не все недостатки в работе комсомольской организации были устранены. Показателен такой пример: комсомолец Малышев в своем выступлении на заседании комитета ВЛКСМ отметил недобросовестное поведение комсомольца Горвулива, выражавшееся в том, что он опоздал на работу на 10 минут и нарушил технику безопасности, включил электрический сварочный аппарат, поджег предохранительные пробки, что привело к простою цеха на 1 час [6, л. 3].

Таким образом, комсомольские организации Курска в первые послевоенные годы стали важным, но не всегда эффективным инструментом мобилизации молодежи на добросовестный восстановительный труд. Они успешно справлялись с задачей быстрого наращивания объемов производства любой ценой, однако их потенциал в создании современной, технологичной и высококачественной производственной культуры остался нереализованным вследствие системных перекосов, присущих самой модели административно-плановой экономики и социалистического соревнования того времени, где количественный результат неизбежно превалировал над качественными показателями и устойчивым развитием.

Источники и литература

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-174. Оп. 1. Д. 123.
2. ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 144.
3. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1 Д. 257.
4. ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 88.
5. ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 104.
6. ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 135.

П. И. Королёв

КУРСКИЕ ОБКОМЫ ВЛКСМ И ВКП(б)/КПСС В 1945–1965 гг., КАК ОПОТ КУЛЬТУРНО-НРАВСТВЕННОГО И ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

История культурно-нравственной и гражданско-патриотической работы с молодежью Соловьиного края в советский период существования нашей родины имеет свои уникальные и неповторимые черты. Не секрет, что в Советском Союзе воспитательной работе с подростками и молодежью уделялось много времени, и работа эта имела колоссальное значение. А, пристальное внимание первых секретарей обкомов и лидеров КПСС – тому самое твердое и прочное подтверждение. Неспроста, еще век назад глава Советского государства В. И. Ленин объявил комсомол передовым отрядом партии в своей речи на III съезде РКСМ (2–10 октября 1920 г.). После страшной, испепеляющей, тотальной войны на уничтожение всего живого, когда центр европейской части России лежал

буквально в руинах, именно она – советская молодежь, первой пришла на помощь государству. И, несомненно, локомотивом в этой работе по восстановлению страны – выступили юные и молодые члены ВЛКСМ. Наш родной Соловьиный край имеют свою аутентичную историю работы с комсомолом и молодежью, и во многом, именно об этом данная научная статья.

Еще, в позапрошлом веке великий американский писатель и знаток человеческих страстей, гениальный Марк Твен прозорливо отмечал: «Все религии мира и все священные книги выступают против сатаны, и говорят о нем самые страшные вещи, но его оправданий нам никогда не удавалось послушать». Так, и о комсомоле, если говорить серьезно – чего, только не было придумано за последние 35 лет. Цель данной статьи, разобраться в том, кем и чем был комсомол для советской молодежи Соловьиного края в послевоенные годы.

Не секрет, что в наше время Интернет служит для молодежи главным источником информации. Другой вопрос, качество этой информации и ее объективность. Попробуем с высоты прошедших лет, реально оценить ту роль, которую обком партии и обком комсомола играли в послевоенное время в деле культурно-нравственного и гражданского патриотического воспитания советской молодежи.

В работе над статьей автор, прежде всего, опирался на «культовый» для всех исследователей воспитательной работы в Курской области в середине XX в. сборник, подготовленный группой авторов. Речь идет о сборнике «Настоящий патриот ценит свое Отечество... Культурно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание молодежи Курской области (1934–1965 годы). Сборник документов», который стал доступен для исследователей, еще десять лет назад, однако благодаря совершенно потрясающему количеству документов впервые вводившихся в научный оборот, до сих пор не потерявшему своей научной ценности. Как, справедливо заметил научный редактор сборника доктор исторических наук, профессор и действительный член Академии военно-исторических наук В. В. Коровин: «Абсолютное большинство документов в сборнике – подлинники и вводятся в научный оборот впервые. Незначительная часть использованных документов представляет собой заверенные копии или отписки. Научно-справочный аппарат сборника включает предисловие, в том числе от составителей примечаний и список сокращений, в перечень включенных документов содержание. Биографические справки на лиц, указанных в примечаниях, как правило, ограничены рамками описываемых событий. Отдельным блоком в сборнике помещены фотодокументы» [6, с. 21].

Соотношение обучения и воспитания в едином процессе образования исследовал и коллективный корреспондент журнала «Коммунист». Вот его заключение: «Один философ сказал, что нравственное воспитание начинается тогда, когда перестают пользоваться словами, это конечно явное преувеличение. Но все же, в этом убеждении есть значительная доля истины. Научных обоснований деятельности по нравственному воспитанию органически чуждо морализирование. Как это ни парадоксально, но факт остается фактом: ничто не вредит делу нравственного воспитания, так сильно как всякого рода напыщенные материальные проповеди, сентиментальные назидания, оторванные от жизни красивые речи» [7, с. 285].

Нет в истории других примеров такого мощного молодежного движения, каким был Ленинский Комсомол. В мирное время и в годы войн, плечом к плечу с коммунистами, комсомольцы первыми шли в бой, на стройки, в космос и вели за собой молодежь. Представители комсомола были на целине, участвовали в

строительстве железных дорог, автозаводов, газопроводов, Байкало-Амурской магистральной железной дороги...

На каждом историческом рубеже комсомол выдвигал из своей среды тысячи и тысячи молодых героев, прославивших его своими подвигами. Их пример беззаветного служения Родине, народу всегда будет в памяти нынешних и будущих поколений. Советская комсомольская организация вписала в летопись героической истории нашей Родины тысячи имен героев войны и труда, поднявших страну из пепла гражданской войны, отстоявших во время Великой Отечественной, поразивших весь мир своими достижениями в мирное время.

Великая и Священная Победа сплотила советский народ. Особенно сильно чувство патриотического подъема испытывала после 1945 г. советская молодежь, отдавшая для победы все, что могла, и даже больше. Очень точно и метко рассказал об этом в своем исследовании профессор А.В. Репринцев: «Общность земли, общность истории, общность культуры, общность переживаний и отношений роднит человека с окружающим миром. Именно по этому причине в русском языке предпочитается не моё, а наше; не я, а мы для обозначения принадлежности к социальной или природной среде, для выражения значения собственной деятельности, для обозначения личного вклада в общее дело. Именно по этой причине Победа в Великой Отечественной войне – Наша Победа – общая, национальная, всенародная... Так же, как и трагедия, скорбь, беда – наша» [9, с. 220].

Уже в первые послевоенные годы комсомол активно помогал партии воспитывать юную поросль, помогал школе в деле воспитания подрастающего поколения. Из выступления директора школы № 46 Кировского района города Курска В. Т. Ковалева на III пленуме Кировского райкома ВКП(б) о работе комсомольской организации в школе от 25 декабря 1946 г.: «Комсомольская организация нашей школы проводит большую работу по укреплению дисциплины среди учащихся и успеваемости. Много внимания мы обращаем на рост численности нашей организации. Отдел народного образования Кировского района не оказывает никакой помощи в работе школы, работники районо только собирают сведения. Заведующий РайОНО не соответствует своему назначению, по своей подготовке она не может контролировать и проводить работу среди школ. Вечерняя школа №9 при СВУ-4 работает плохо, посещаемость учащихся низкая. Начальник по кадрам СВУ-4 товарищ Александров сознательно вынуждает молодых рабочих ехать в командировки, угрожая отнять хлебные карточки. Преподавание в школе ведется с грубыми извращениями. Особенно директором школы Гунько. РК ВКП(б) работу школы не контролирует» [10, л. 112].

В 1940-е гг. в партии было много принципиальных и честных людей прошедших войну и заявлявших о недостатках в работе с молодежью открыто и без экивоков. Обратимся к документам из фондов ГАОПИКО. Так, в постановлении бюро Курского обкома ВКП(б) «О состоянии политической и культурной работы в Льговском районном центре» от 20 марта 1947 г. мы находим и критические замечания в адрес руководства райкома: «Райком партии (секретарь товарищ Колычев) выпустил из своего руководства культурно-просветительскую работу среди населения, недооценил ее, как важнейшее средство идеологического воспитания трудящихся, особенно молодежи. Неудовлетворительно работает Дом культуры, в нем кроме танцев никаких массово-политических и культурных мероприятий не проводится. Районная библиотека находится в запущенном состоянии. В помещении холодно, отсутствует электроосвещение. Книжный фонд не пополняется. Не занимается культурно-просветительской работой и райком комсомола. В городе 327 комсомольцев, но комсомольские организации стоят в

стороне от работы культурно-просветительных учреждений. Полное непонимание культурной жизни Льгова проявляет и районная газета “Ленинский путь”. В газете отсутствуют материалы о работе колхозных клубов, библиотек, изб-читален, не предоставляется слово молодежи и комсомольцам» [1, с. 449–450].

Передовики из молодежной среды и члены ВЛКСМ нашего края всегда помогали детям. Обратимся к архивным документам: «25 мая – В соответствии с постановлением ЦК ВЛКСМ от 16 мая 1955 года «О международном дне защите детей 1 июня 1955 года» бюро Курского обкома ВЛКСМ рекомендовала горкомам, райкомам комсомола принять участие в проведении общегородского собрания актива женщин, работников просвещения и пионерских организаций города Курска на предприятиях, в колхозах, совхозах, учреждениях и учебных заведениях; бесед посвященных Международному дню защиты детей» [4, л. 81].

Всего три года прошло с момента окончания самой ужасной и самой разрушительной войны в истории человечества, а советская молодежь уже жила практически современной нам жизнью, наладив свой быт и распорядок дня. Обратимся к архивным документам. Например, к постановлению бюро Курского горкома ВЛКСМ о праздновании 30-летия Советской Армии от 16 февраля 1948 г.: «Бюро горкома ВЛКСМ постановляет:

1. Рекомендовать райкомом комсомола, первичным комсомольским организациям до 23 февраля организовать доклады и беседы о 30-лети Советской Армии. В клубах и красных уголках красочно оформить стенды и фотовыставки, отображающие славный боевой путь Красной Армии.

2. Обязать комсомольские организации вузов, техникумов, средних школ, школ ФЗО и ремесленных училищ провести вечера с докладом о Советской Армии и показом художественной самодеятельности».

Таким образом, исходя из архивных материалов можно, говорить о том высоком значении, которое Курский обком КПСС придавал воспитательной и патриотической работе с молодёжью, как рассчитывал в этой работе на комсомольский актив.

Высокой активностью отличалась не только патриотическая работа комсомола с юным поколением, но и тотальная пропаганда культурного образа жизни, как фундамент воспитательной работы с молодежью. Лидеры партии и комсомольский актив на местах понимали, что лишь, пропагандируя культурные и морально-нравственные ценности среди юного, подрастающего поколения советских граждан, можно серьезно говорить о построении светлого коммунистического будущего.

Пионерские и комсомольские организации была не только строгим ментором, но и добрым, заботливым наставником, они учили юное поколение жить сердцем. Учили молодежь проявлять сострадание и сопереживание, а значит проявлять ответственность: «Ответственность проявляется в особой сострадательности личности, в тонком чувствовании другого человека. Действительно, “мы ответственны за тех, кого приручили” – это один из важных параметров в понимании того, в какой мере человек ощущает свою личную ответственность за своих близких, за друзей. Старшие подростки, юношество особенно чувствительны к проявлениям предательства, трусости, малодушия, лжи, – максимализм задает очень высокую планку требований к другим, но не всегда они столь же требовательны и к себе» [8, с. 28]. Однако, именно в те годы активного освоения Советским Союзом космоса – члены ВЛКСМ были требовательным и к себе, и к другим.

Для подтверждения тезиса, заявленного выше, обратимся к архивным документам. Перед нами план проведения праздника пионерской песни в городе Курске от 22 июня 1951 г.:

«1. Праздник провести 29 июля сего года. В Парке пионеров в 16.00 часов. Цель праздника: дальнейшее развитие хорового пения, создание хоровых коллективов в период летних каникул на игровых площадках и городских пионерских лагерях, разучивание с детьми новых песен о Сталине, Родине, о мире, пионерских песен, знакомство с творчеством детских композиторов-песенников.

2. К 15–15 часов пионеры организовано, районами колонами прибывают в Парк Пионеров (с пионерской атрибутикой, песнями).

3. Начинается праздник вступительной беседой о любимых песнях и любимых композиторах (20–25 минут).

4. Выступление сводного хора с песнями: “Любимый Сталин” (музыка А. Г. Новикова), “У костра” (музыка Д. Б. Кабалевского), “Песня молодых борцов за мир” (музыка В. П. Герчик).

5. После выступления сводного хора пионерский костер на тему “Наши любимые песни”, на котором будут выступления детских хоровых коллективов школ, игровых площадок, городских лагерей (2–3 хоровых номеров и сольных не более 2–3).

6. В гости к пионерам на праздник пригласить композитора детской песни И. О. Дунаевского.

7. Жюри определяет 1, 2 и 3 места за лучшее хоровое или сольное исполнение. Исполнители награждаются грамотами и подарками.

8. Заканчивается праздник массовым пением любимой песни пионеров “Гимн демократической молодежи мира”.

9. Дни репетиции сводного хора установить: понедельник, среда с 16.00 до 18.00 час.

10. Рекомендовать городским пионерским лагерям, детским игровым площадкам провести в период подготовки к городскому празднику песни беседы, костры, сборы о детских композиторах – песенниках, любимых детских песнях, истории создания той или иной песни, детских хоровых коллективах (хор мальчиков А. В. Свешникова, детского железнодорожного ансамбля под руководством И. Дунаевского и др.), композиторах массовой песни (М. И. Блантер, В. П. Соловьёв-Седой, А. Г. Новиков и др.).

11. Рекомендовать репертуар песен для разучивания с детскими хоровыми коллективами.

12. Установить список песен для разучивания в обязательном порядке.

Секретарь Курского горкома ВЛКСМ И. Г. Володин» [5, л. 50–52].

Так как многие советские комсомольцы видели в фигуре Сталина, равно, как и в фигуре Ленина – пример для подражания и считали их духовными наставниками и непререкаемыми авторитетами, несомненными лидерами партии, для большинства членом ВЛКСМ – доклад Н. С. Хрущева о «Культе личности» имел для них самые противоречивые последствия. Однако повседневная и партийная жизнь членов ВЛКСМ в 1956 г. не замерла и не остановилась. Обратимся к известному исследователю советского периода истории нашего государства Е. Ю. Спицыну: «Крупнейшими достижениями советской науки и техники, которые пуповиной были связаны с развитием ВПК, стали создание первого турбореактивного пассажирского лайнера ТУ-104 (1955); испытание межконтинентальной баллистической ракеты Р-7 (1957); запуск искусственного спутника Земли (1957); спуск на воду первого атомного ледокола «Ленин» (1957); ходовые испытания первой атомной подводной лодки (1958); первый полет человека в Космос (1961); запуск в строй Белоярской и Нововоронежской АЭС (1963) и многое другое» [13, с. 117].

Не будет преувеличением сказать, что наиболее активная часть комсомола и советской молодежи послевоенных лет поднимали такие острые и жизненно важные вопросы, что решить их порой могли только на всесоюзном, а не на областном уровне. Да, и в целом молодежь и комсомольцы 1950-х гг. шли по жизни смело, не «срезая углы». Обратимся к исследованию доктора исторических наук, известного специалиста по истории комсомола и пионерии А. А. Слезина: «Секретарь ЦК ВЛКСМ В. Е. Семичастный вспоминал: “Полистайте «Комсомолку» тех лет. «Вопросы к министру» (так называли рубрику) занимали в газете целые полосы. Почему не хватает общежитий на стройках, куда мы послали молодежь, почему квалификацию, разрядность не повышают вовремя, почему заработки низкие – целые серии «почему?». И министры обязаны были ответить”» [11, с. 141].

В те годы, на Бюро обкома ВЛКСМ решалось масса вопросов. Обратимся к данным архива. Вот, что отмечали в своем постановлении лидеры курских комсомольцев в июле 1963 г. по поводу общественной работы и ведению документации среди работающей молодежи: «Бюро обкома ВЛКСМ отмечает, что комитет ВЛКСМ Курского завода резиновых технических изделий, секретарь товарищ Морозов, безответственно относятся (в отличие от комсомольцев электроаппаратного завода) к проведению работы по замене комсомольских документов. Несмотря на то, что замена комсомольских документов идет уже полтора года комитет ВЛКСМ завода ничего не предпринял по розыску 90 членов ВЛКСМ, выбывших без снятия с учета и не заменивших документов» [3, л. 7].

Для полноты картины не будет лишним подчеркнуть, что энтузиазмом в отношении воспитательной и гражданско-патриотической работы горели комсомольцы не только областного центра, но и молодежь на местах. Малые города и села, также были в передовиках духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания. В подтверждении вышесказанного обратимся к трудам тамбовского исследователя А. А. Слезина. В его работе комсомол рассматривается как социокультурный феномен XX в. Во второй половине 1950-х и первой половине 1960-х гг. задачи комсомола расширились и несколько изменились: «Показано, что в годы “оттепели” центр внимания в деятельности комсомольских организаций был переориентирован на удовлетворение все возрастающих запросов и интересов всей советской молодежи. В общественном сознании молодежи комсомол ассоциировался с интересной и полезной организацией досуга, который сыграл значительную роль и в предупреждении правонарушений юношей и девушек» [10, с. 45].

Во все годы существования советской власти, Курский обком ВЛКСМ и партии проводили большую воспитательную работу по гармоничному развитию наших подростков и молодежи. Духовно-нравственное, гражданское и патриотическое воспитание в Соловьином крае – находилось на высоком уровне. В школах, сузах и вузах нашего края в те годы много времени уделяли подвигам пионеров-героев и юных бойцов Советской армии. Имена Пети Клыпы, Марата Казея, Зины Портновой, Шуры Чекалина, Бори Царькова, Муси Пинкензона, Вали Котика, Лёни Голикова, Юры Жданько, Володи Дубинина, Толи Комара, Андрея Макарихина, Кости Кравчука и других ребят были хорошо известны советским комсомольцам [6, с. 101]. Мальчишки и девчонки 1960-х гг. хорошо знали историю подвигов, которые совершили комсомольцы и пионеры-Герои в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. И, эти свершения вдохновляли, уже на новые подвиги их отцов и дедов, вставших на защиту всего Русского (Советского) мира.

Возможно, обращения к опыту воспитательной работы, которую под чутким надзором партии проводил с советской молодежью комсомол – сегодня станет залогом нового, мощного витка в развитии воспитательной работы с молодежью в

РФ. Здесь, будет уместно привести слова профессора Л. И. Мищенко: «Мы были свидетелями того, как новое поколение начинало свою жизнь в стране, в которой напрочь отсутствовала какая-либо идеология или система ценностей. Поскольку наш мир не терпит пустоты, образовавшийся вакуум быстро стал заполняться технологиями разрушения национального самосознания. К их числу можно отнести либерально-рыночную доктрину; “массовую культуру”, с ее культом насилия, эгоизма, секса, антиинтеллектуализма; системы давления на общественное мнение, вызывающую апатию, безразличие; внедрение деструктивных религиозных сект и учений и так далее» [8, с. 404].

В наши дни в общеобразовательных школах и в техникумах восстановлены многие, хорошие советские традиции. В условиях жесткой конфронтации с западным миром для нашего государства жизненно важно взять самое лучшее в воспитательной работе прошлых лет. Обком партии и обком ВЛКСМ проводил громадную по своей глубине и охвату работу с молодежью. Духовно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание в 1940-е – 1960-е гг. было организовано на самом высоком уровне, пусть и со своими отдельными недочетами, которые в целом не портили общей весьма и весьма радужной картины. Вот, этой глубины, массовости, глобальности воспитательной работы с юной порослью и не хватает современному российскому образованию на взгляд автора данной статьи. Однако справедливо будет, отметить, что в последние годы – было сделано очень многое, для того, чтобы это исправить! Но, в целом нашему педагогическому сообществу, как и всей воспитательной, а также образовательной системе, есть, куда расти. В связи с этим обращение к истории ВЛКСМ и воспитательной работе в середине прошлого столетия, представляется нам востребованным и поныне.

Источники и литература

1. Восстановление народного хозяйства Курской области в послевоенный период в 1945–1947 гг.: (по документам партийных органов Курской области): сборник документов и материалов / Архивное управление Курской области, ОКУ «ГАОПИ Курской области»; редакционная коллегия: В.Л. Богданов (главный редактор) и др. Курск, 2021.
3. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-4973. Оп. 1. Д. 15.
4. ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 395.
5. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 352.
6. Королёв П.И. Судьбы национальных героев как основа экзистенциального самоопределения подростков: от страниц учебника истории к формированию Я-концепции юного гражданина // Этнокультурные феномены в образовательном процессе: сборник научных статей по итогам IV Международной научно-практической конференции / отв. ред. С.Л. Михеева, О.А. Димитриева. Чебоксары, 2025.
7. Кумарин В.В. Педагогика природосообразности и реформа школы. М., 2019.
8. Мищенко Л.И. Воспитание патриотизма современных граждан России как ведущая национальная идея // Социальное воспитание молодёжи на основе традиционных ценностей Русского мира: материалы XII международной научно-практической конференции, 20–21 мая 2016. Курск, 2016.
9. Репринцев А.В. Патриотизм и гражданственность как интегративный результат социально-нравственного развития личности // Берегиня.777.Сова. 2023. № 3–4 (58–59). С. 216–233.
10. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 11.
11. Слезин А.А. Комсомол и молодежная печать в период ранней «оттепели» // Новейшая история России / Modern History of Russia. 2017. № 4. С. 133–147.

12. Слезин А.А. Организация досуга детей и молодежи как средство предупреждения правонарушений вначале 1960-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2017. № 9. С. 107–117.
13. Спицын Е.Ю. Россия – Советский Союз 1946–1991 гг.: Полный курс истории для учителей, преподавателей и студентов. Книга 4. М., 2015.

Я. В. Масалев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 1950-х ГОДОВ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ХОД ЖИЛИЩНОГО И ПРОМЫШЛЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РЕГИОНЕ

Советы народного хозяйства – это государственные органы территориального управления народным хозяйством, промышленностью и строительством. Руководство капитальным строительством со стороны совнархозов включало в себя разработку планов, управление отраслями и согласование их деятельности.

На заседаниях Курского бюро обкома КПСС отмечалось, что мероприятия, проведенные Советом народного хозяйства по реорганизации и укреплению строительных организаций и промышленности строительных материалов, положительно повлияли на ход капитального строительства в области.

Так, по сравнению с 1957 г. освоение капиталовложений за 1958 г. возросло в 2,1 раза, в том числе выполнение строительно-монтажных работ на 96,7 %. Госплан жилищного строительства за 1958 г. был выполнен по капиталовложениям на 145,8 % и по вводу жилой площади на 121,9 % [1, л. 33]. Несколько улучшилась организация строительства, повысилось применение конструкций из сборного железобетона на каждый миллион рублей строительно-монтажных работ, увеличилась производительность труда и снизилась себестоимость строительно-монтажных работ. Многие строительные организации успешно справлялись с выполнением установленных планов по строительству объектов производственного назначения.

Однако в организации капитального строительства и руководстве соответствующего Совета народного хозяйства имели место, в том числе, и серьезные недостатки.

Например, обкомом неоднократно отмечалось, что Совет народного хозяйства неоперативно и без должной настойчивости решает многие вопросы, связанные со строительством и вводом в эксплуатацию новых культурно-бытовых объектов, жилья и производственных мощностей, не предъявляет необходимой требовательности к руководителям строительных и субподрядных организаций [2, л. 112].

Совнархозом не был установлен надлежащий контроль за выполнением государственного плана капитальных вложений. Как следствие, капиталовложений 1958 г. по совнархозу выполнен на 98,8 %, в том числе строительно-монтажных работ – 96,1 %. По химической промышленности выполнение плана составило всего лишь 78,3 %, по промышленности строительных материалов – 87,6 %. Не был выполнен план капиталовложений в том числе и по строительству общеобразовательных школ (80 %), детских садов (98,4 %), детских яслей (59,3 %), больниц и поликлиник (85,1 %). Неудовлетворительно велось строительство ряда объектов Михайловского железорудного комбината, а также на многих предприятиях машиностроения, легкой, пищевой и мясомолочной

промышленности. В общей сложности в 1958 г. Курский совнархоз не обеспечил ввода в эксплуатацию 7 объектов строительства из 19 предусмотренных народнохозяйственным планом [3, л. 83].

Обком часто критиковал совнархоз за медлительность в составлении организационно-технических мероприятий по обеспечению выполнения значительно возросшего плана капиталовложений, в составлении титульных списков строительства и в открытии финансирования по многим стройкам. Так, например, со значительным опозданием строительные организации провели заключение договоров с субподрядными организациями на производство работ в 1959 году. Многие объекты строительства не были обеспечены необходимой технической документацией. Все это сдерживало разворот как промышленного, так и жилищного строительства [4, л. 227].

Одним из важнейших объектов, возводимых на территории Курской области в конце 1950-х гг., был Михайловский железорудный комбинат и строящийся рядом с ним город Железнодорожск. Однако, несмотря на повышенное внимание курского обкома партии к столь крупной и значимой для страны стройке, средства, предусмотренные на строительство комбината, осваивались неудовлетворительно. К примеру, установленный на I квартал 1959 г. план капитальных вложений по Михайловскому железорудному комбинату был выполнен всего лишь на 65,5 %, план строительно-монтажных работ – на 56,3 %.

Крайне медленно велось строительство дробильно-сортировочной фабрики, а также предприятий производственной базы треста «Курскрудстрой». Строительство жилья и культурно-бытовых объектов в Железнодорожске, работы по благоустройству города также значительно отставали от плана. Несмотря на большие трудности с обеспечением рабочих жильем, в I квартале 1959 г. из годового плана ввода жилья 7 000 кв. м не было введено в эксплуатацию ни одного дома. В 1958 г. была построена пекарня, которая на протяжении нескольких лет простаивала из-за отсутствия части оборудования.

Одна из главных причин столь медленных темпов строительства объектов в Железнодорожске заключалась в том, что руководством треста «Курскрудстрой» не было принято необходимых мер по накоплению материально-технических ресурсов на строительных площадках для бесперебойного ведения работ на период бездорожья. В результате на большинстве строительных объектов работы прекращались на длительное время, имеющиеся строительные механизмы простаивали, и рабочие использовались на второстепенных работах [5, л. 74].

Однако схожие проблемы существовали и на объектах в городе Курске. Так, например, очень медленно велось строительство предприятий химической промышленности, особенно завода синтетического волокна № 534 и многих объектов завода резинотехнических изделий, имеющих большое народнохозяйственное значение. Неудовлетворительно велось строительство пусковых объектов опытного производства, азотно-кислородного цеха, теплоснабжения, канализации, водоснабжения, электроснабжения и других [6, л. 31].

Серьезные недостатки отмечались также в организации строительства жилья и социально-культурных объектов. План капитальных вложений в жилищное строительство за I квартал 1959 г. предприятиями совнархоза был выполнен на 94 %, когда как по вводу в действие жилья всего лишь на 35,5 %. Управление строительства совнархоза также не оказывало должного внимания и культурно-бытовому строительству, в результате чего планы по строительству больниц, детских садов и детских яслей часто не выполнялись.

В организации работ на многих стройках было много недостатков, строительные механизмы использовались непроизводительно и часто простаивали, на стройках не был внедрен совмещенный график работ, что усложняло контроль и приводило к безответственности отдельных руководителей строительных и монтажных организаций за выполнение плана. На большинстве строек все работы проводились в одну смену, земляные работы в зимнее время, как правило, разрабатывались вручную [7, л. 77].

Одним из серьезнейших недостатков в организации строительства являлось отсутствие должной координации работ между генеральным подрядчиком и субподрядными организациями. Также в работе строительных организаций была популярна практика откладывания сдачи объектов в эксплуатацию, особенно жилых домов, на последние месяцы года, приводящая к поспешной, авральной работе и, как следствие, снижению качества строительных работ. Ввод жилой площади в течение года велся крайне неравномерно.

Отдельно отмечалось, что совнархоз не смог добиться четкости и оперативности в решении вопросов материально-технического обеспечения строек. В результате строительство промышленных объектов Михайловского железорудного комбината и предприятий химии не обеспечивалось в должной мере сборным железобетоном, товарным бетоном, стеновыми материалами и столярными изделиями, что привело к замедлению темпов строительства и дезорганизации работ на строительных площадках [8, л. 57].

Управление материально-технического снабжения и сбыта совнархоза не установило должного контроля за материально-техническим обеспечением строительных организаций и предприятий треста «Курскпромстройматериалы», а также за расходованием остродефицитных строительных материалов. В результате этого, а также бесконтрольности управления строительства совнархоза, строительные организации за 1958 г. допустили перерасход на каждый миллион рублей строительно-монтажных работ: цемента – 15 тонн, металла – 3,2 тонны и лесоматериалов – 20 кубометров. Также, несмотря на выполнение трестом «Курскпромстройматериалы» плана по валовой продукции, строительные плохо обеспечивались железобетонными изделиями в необходимой номенклатуре и количествах.

Несмотря на имеющиеся значительные трудности в обеспечении строек необходимыми строительными материалами, совнархозом не уделялось должного внимания развитию строительной индустрии и внедрению в строительство прогрессивных строительных материалов, неудовлетворительно решались вопросы строительства и наращивания мощностей по производству стеновых материалов и железобетонных изделий.

На заседаниях бюро обкома КПСС утверждалось, что указанные недостатки явились следствием низкого уровня руководства капитальным строительством со стороны совнархоза и его отраслевых управлений, а также слабой государственной дисциплины руководителей строительных организаций. Председатель совнархоза Шапуров не организовал должного контроля за ходом строительства Михайловского железорудного комбината и предприятий химической промышленности и не принял необходимых мер к работникам, проявившим безответственность к выполнению постановлений партийных органов и правительства, а также постановлений и распоряжений совнархоза по вопросам форсирования строительства этих важнейших для народного хозяйства объектов, концентрации рабочей силы и материальных ресурсов на них.

Для устранения перечисленных выше недостатков, повышения качества и скорости строительства, а также недопущения срывов госпланов, бюро обкома КПСС приняло ряд решений и мер.

Так, например, была повышена ответственность руководителей отраслевых управлений совнархоза, строительных организаций и промышленных предприятий за выполнение плана капитальных вложений и качество работ. Председатель совнархоза Шапуров был предупрежден в том числе и о персональной ответственности за выполнение установленного на 1959 г. плана капитальных вложений на всех объектах строительства и ввода в эксплуатацию новых производственных мощностей, жилья и культурно-бытовых объектов.

Отдельно отмечалась необходимость усиления контроля за ходом выполнения плана капитального строительства и важность сосредоточить необходимые материальные и людские ресурсы на стройках первостепенной значимости – Михайловском железорудном комбинате и заводах химической промышленности.

Совнархоз и управление строительства обязались разработать по каждой важнейшей стройке и каждому пусковому объекту организационно-технические мероприятия, обеспечивающие безусловное освоение выделенных капиталовложений и ввод пусковых объектов в эксплуатацию в установленные сроки. Было крайне важно предусмотреть первоочередное бесперебойное обеспечение строек и предприятий строительной индустрии недостающей технологической документацией, оборудованием и, конечно же, материально-техническими ресурсами в соответствии с объемами строительно-монтажных работ и планами ввода объектов в эксплуатацию. Отмечалось, в том числе, и первостепенное значение расширения производственной базы строительных организаций, как основа дальнейшего их развития.

Управлению строительства совнархоза и тресту «Курскпромстройматериалы» поручалось обеспечить выполнение годового плана по выпуску строительных материалов в заданной номенклатуре, разработать и осуществить мероприятия по увеличению выпуска на имеющихся производственных площадях и повышению качества железобетонных изделий и кирпича, организовать строгий контроль за хранением и расходованием материалов.

Также было дано указание усилить контроль за выполнением плана капитального строительства со стороны Курского горкома и райкомов КПСС, которым было необходимо детально разобраться с положением дел на каждой стройке, обратить особое внимание на своевременный ввод в действие новых производственных мощностей, жилых домов и культурно-бытовых объектов, а также шире развернуть социалистическое соревнование и мобилизовать коллективы рабочих и инженерно-технических работников на безусловное выполнение плана и полное освоение средств, выделенных на капитальное строительство.

Подводя итоги, следует отметить, что совнархозом были предприняты действия по укреплению производственной базы и улучшению работы субподрядных организаций, обеспечению их необходимыми материально-техническими ресурсами и фронтом для производства монтажных работ. Особое внимание было уделено принятию мер по равномерному вводу жилой площади в эксплуатацию в течение года и обеспечению безусловного выполнения годового плана ввода жилья. Прекращение практики откладывания сдачи объектов в эксплуатацию привело к закономерному повышению качества выполненных работ.

Источники и литература

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3214.
2. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2997.
3. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3053.
4. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3209.
5. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3118.
6. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3029.
7. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2844.
8. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3234.

В. В. Коровин, А. Н. Манжосов, П. С. Потапенко

УЧАСТИЕ ФРОНТОВИКОВ-МЕДИКОВ В СОХРАНЕНИИ ПАМЯТИ О ПОГИБШИХ БОЕВЫХ ТОВАРИЩАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОИСКОВОЙ РАБОТЫ КУРСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА)

26 ноября 1968 г., выступая на XVI отчетно-выборной комсомольской конференции КГМИ, ректор института доцент Н. Ф. Крутько отметил: «Хорошее начинание – создание монумента студентам и сотрудникам, погибшим в период Великой Отечественной войны. Мы приятно тронуты, что комсомолия поддерживает его. 22 июня 1966 г. выпускники 1941 года решили увековечить память товарищей. Думаю, что на этот призыв откликнутся все выпускники прошлых лет» [7; 8].

В мае 1970 г. в главном корпусе Курского государственного медицинского института был торжественно открыт памятный знак в честь выпускников 1940–1941 гг., зауряд-врачей, ушедших из стен института на фронт в сентябре 1941 г., и погибших на полях сражений Великой Отечественной войны (всего 31 человек) [4].

Биографические и учетные данные о павших курских медиках в 1967–1970 и 1972–1976 гг. собирались студентами лечебного факультета КГМИ, а также членами штаба поиска «Дорогами отцов-героев» комитета комсомола института при участии профессоров И. Г. Коцюбинского, В. А. Леонова, доцента А. В. Булгакова и других комсомольских активистов института [5]. В декабре 1971 г., в канун празднования 30-летия разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, подполковник в отставке А. В. Булгаков вспоминал: «Скорбным эпизодом войны был момент, когда я случайно на окраине гор. Малоярославца обнаружил могилу замечательного человека, преданного друга Толи Сосина. На березе, над его могилой была прибита дощечка с надписью “Военврач III ранга Сосин Анатолий Иванович, погиб при освобождении гор. Малоярославца...”». Его однополчанин Ю. Якубов вспоминал: «Священная борьба за нашу Родину, за свободу и жизнь нашего народа требует жертв. Мы все уверены в нашей победе над разбойничьими ордами презренного врага. Мы все мужественно перенесем и уничтожим немецко-фашистских захватчиков и отомстим за все злодеяния бесчестного немецкого зверья...». Профессор В. А. Леонов, зауряд-врач 1941 г., однокурсник В. Г. Масленникова указывал, что Владимир Георгиевич в письме к своей сестре Олимпиаде Георгиевне вспоминал: «Восстанавливать свой родной город – работа трудная и почетная... Ваш труд не пропадет даром. Мы увидим город таким, каким он был до нашествия гитлеровских полчищ» [6; 7]. К сожалению, в 1990-е гг., в

связи с прекращением деятельности комсомольской организации, большинство собранных документов и материалов о погибших выпускниках КГМИ были безвозвратно утеряны, и сведения о них не вошли в областную Книгу Памяти (Т. 1–9). В рамках проведенной поисковой работы в фондах Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), при использовании информационного ресурса Министерства обороны РФ «Память народа», мы смогли уточнить и дополнить утраченные сведения о военных медиках, погибших на различных участках советско-германского фронта.

В мае 2016 г., выступая с докладом в стенах Курской областной научной библиотеки им. Н. Н. Асеева, доктор медицинских наук, профессор Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова П. Ф. Гладких отметил, что во всех медицинских вузах страны в августе – сентябре 1941 г. состоялись досрочные выпуски. Это обеспечило приток в Красную Армию 989 зауряд-врачей (из числа студентов 5 курсов). Должности войсковых врачей и врачей МСБ дивизии были в основном укомплектованы выпускниками медицинских институтов 1941 года [1].

Медицинская служба РККА во второй половине 1941 г. потеряла убитыми, без вести пропавшими и умершими от ран, болезней 4 409 человек, из них – 1 743 врача и 2 666 средних медицинских специалистов. Наибольшие безвозвратные потери, составившие 980 человек, отмечались среди старших и младших врачей полков, врачей МСБ и ППГ – 618 человек [2].

Аналитические данные, приведенные профессором П. Ф. Гладких, подтверждают результаты наших архивных поисков и свидетельствуют о том, что более 90 % выпускников КГМИ и зауряд-врачей, ушедших на фронт из стен института в 1941 г., погибли (без вести пропали) в первый период войны (июнь 1941 – ноябрь 1942 гг.). Они занимали должности в среднем звене военно-медицинской службы (медперсонал ПМП, старшие и младшие врачи полков, ординаторы медико-санитарных батальонов или полевых подвижных госпиталей) [2].

Было установлено, что 10 погибших выпускников КГМИ – уроженцы г. Курска или родившиеся в населенных пунктах на территории современной Курской области. Из общего числа погибших – 7 (С. А. Андреев, М. Ф. Голиков, Б. А. Косулин, В. И. Новиков, К. К. Прохоров, В. С. Чурюкин, М. И. Чевычелова) – представители первого выпуска института, состоявшегося в июне 1940 г. 21 человек (А. М. Богатырева, М. С. Матвеева, А. Д. Паньков, Е. И. Смирнова, А. И. Сосин и др.) окончили институт в июне 1941 г., ушли на фронт и пали в боях. Пять зауряд-врачей 1941 г. Д. В. Абрамович, В. С. Кудряева, В. Г. Масленников, И. С. Сигалов, В. И. Фишман тоже отдали жизни в боях за Родину.

11 человек (т. е. каждый третий) не вернувшиеся с войны значатся в учетных документах как «без вести пропавшие». Так, выпускник КГМИ 1941 г., военврач III ранга Д. П. Зайцев (1915 г. р.), служивший в 128-м стрелковом полку 29-й стрелковой дивизии 64-й армии и значившийся как без вести пропавший офицер, 28(29) августа 1942 г. в районе Сталинграда, на самом деле попал в плен, из которого был освобожден только в апреле 1945 года. Установить это удалось по документам, хранящимся в Российском государственном военном архиве (РГВА) в Москве.

11 выпускников мединститута погибли (или пропали без вести) в ходе битвы за Москву (1941–1942), 6 – обороняя дальние подступы к Ленинграду. Старшие врачи полков В. И. Новиков, Г. А. Мерингоф, В. Г. Масленников погибли при освобождении Белоруссии и Латвии.

Мы сочли необходимым привести полный список погибших в годы Великой Отечественной войны, данные о которых удалось установить в результате поисковой работы:

Абрамович Давид Владимирович (Вульфович) (1918–1942), военврач III ранга. 14 января 1942 г. умер от ран, полученных в боях в ходе Московской битвы [12, л. 142].

Андреев Сергей Андреевич (1915–1943), военврач III ранга. Командир отделения 224-го медсанбата 172-й стр. див. 12-й армии. Погиб в бою 28 августа 1943 г. Захоронен в д. Яровая Краснолиманского района Донецкой области Украинской ССР. 7 октября 1943 г. посмертно награжден орд. Отечественной войны II степени [13, л. 206 об].

Богатырёва Антонина Михайловна (1918–1942), военврач III ранга. Врач 848-го стр. полка 267-й стр. дивизии 52-й армии. Пропала без вести в мае 1942 г. на Волховском фронте [14, л. 37; 15, л. 7].

Внукова (Гринченко) Евдокия Афанасьевна (1919–1942), военврач III ранга. Пропала без вести в июле 1942 у г. Попасная Ворошиловградской области Украинской ССР [16, л. 68; 17, л. 19].

Голиков Михаил Федорович (1911–1942), военврач III ранга. Врач полкового медицинского пункта 895-го арт. полка 324-й стр. див. 10-й армии. Погиб в декабре 1941 г. в боях на территории Тульской области [18, л. 265; 19, л. 179].

Дежкин Петр Ильич (1913–1942), военврач III ранга. Командир санитарного взвода 132-й отдельной стрелковой бригады. Погиб 19 мая 1942 года [20, л. 255].

Друян Абрам Исаакович (1916–1941), военврач III ранга. Служил в 101-м мотостр. полку 101-й мотостр. див. Пропал без вести 10 декабря 1941 г. в период битвы за Москву [21, л. 16].

Залесский Залман Гершевич (1916–1942), военврач III ранга. Командир санитарного взвода 53-й отд. особой стр. бригады 2-й Ударной армии. Погиб на Волховском фронте в июне 1942 года [22, л. 55].

Зернова Анна Акимовна (1918–1942), военврач III ранга. Младший врач 844-гострелкового полка 267-й стрелковой дивизии. Погибла в составе 52-й армии Волховского фронта в июне 1942 года [23, л. 211; 24, л. 109].

Зисман Лея (Лия) Бенциановна (1916–1944), ст. лейтенант медицинской службы. Военнослужащая ГЛР № 3432. Умерла в эвакогоспитале 1876 от болезни 15(16) июня 1944 г. Похоронена в пос. Максима Горького, полоса отчуждения Сталинской ж. д. Запорожской области [25, л. 94].

Коломиец Иван Васильевич (1915–1941), санинструктор 383-й стр. див. Погиб 27 октября 1941 в ходе боев на Донбассе [26, л. 7].

Косулин Борис Александрович (1915–1942), военврач III ранга. Командир роты 460-го стр. полка 100 стр. див. 40-й армии. Умер 16 сентября 1942 г. от сквозного пулевого ранения, полученного в ходе боя у с. Макарье Рождественско-Хавского района Воронежской обл. Ныне его прах перезахоронен на Мемориале г. Воронежа [27, л. 65].

Курдяева Вера Сергеевна (1919–1942), военврач III ранга. Пропала без вести в сентябре 1942 года [15, л. 283].

Масленников Владимир Георгиевич (1919–1944), гвардии капитан медицинской службы. Старший врач 274-го гв. стр. полка 90-й гв. стр. див. 4-й Ударной армии. Убит при вражеской бомбежке 30 октября 1944 в районе Приекуле Латвийской ССР. Был похоронен на лесном кладбище Калыши Лиепальского уезда (ныне – п. Вайнеде, Латвия). Награжден орд. Отечественной войны II ст. (ноябрь 1944 г.), Красной Звезды (февраль 1944 г.), медалью «За боевые заслуги» (август 1943 г.) [28, л. 137; 29, л. 211 об, 228; 30, л. 48, 56].

Матвеева Мария Сергеевна (1915–1941), военврач III ранга. Ординатор 306-го медсанбата 309-й стр. див. 24-й армии. 8 октября 1941 г. погибла в боях, находясь в окружении в Вяземском котле [31; 32, л. 40].

Мерингоф Григорий Авелевич (Абелевич) (1919–1944), капитан медицинской службы. Старший врач 27-го гв. стр. полка 11-й гв. стр. див. 11-й гв. армии. Погиб 13 января 1944 г. при освобождении Белоруссии. Похоронен в г. Городок Витебской области Белорусской ССР. Посмертно (31 марта 1944 г.) награжден орд. Отечественной войны II ст. [33, л. 169; 34, л. 324].

Новиков Владимир Иванович (1917–1943), майор медицинской службы. Старший врач 668-го артиллерийского полка 217-й стрелковой дивизии 11-й армии. Награжден медалью «За боевые заслуги» (8 октября 1943). Убит 20 декабря 1943 г. осколком вражеского снаряда в районе дер. Стрешин Стрешинского района Гомельской области. Перезахоронен в могиле на центральной площади г. Гомеля [35, л. 107; 36, л. 137].

Паньков Анатолий Дмитриевич (1911–1941). Ординатор 13-го медсанбата (по др. данным – младший врач 400-го стрелкового полка 89-й стрелковой дивизии 19-й армии). Погиб 1 августа 1941 г. Захоронен в дер. Копыревщина Ярцевского района Смоленской области [37, л. 130; 38 л. 82; 39, л. 43].

Песков Борис Васильевич (1906–1942), военврач III ранга. Командир санитарной роты 1114-го стр. полка 328-й стр. див. Пропал без вести зимой 1942 г. [40, л. 23].

Петров Виктор Дмитриевич (1915–1942), военврач III ранга. Врач 303-го стр. полка. Попал в плен в боях под Москвой 10 октября 1941 г. Умер в офицерской лагере военнопленных (шталаге № 343) 30 марта 1942 г. [38, л. 91].

Прохоров Константин Кузьмич (1916–1943). Был призван в ряды РККА в 1940 г. Пропал без вести в октябре 1943 г. [41]

Розенблюм Ихиль Шулимович (1919(1920?)–1941), военврач III ранга. Врач-ординатор полевого госпиталя 16-й армии. В октябре 1941 пропал без вести в ходе боев под Вязмой [42, л. 264].

Сиваков Николай Петрович (1915–1941). Врач 27-го инженерно-саперного батальона 13-й армии. Погиб 7 октября 1941 в боях на территории Орловской (ныне – Брянской) области [43, л. 149].

Сигалов Исаак Самуилович (1919–1942). Командир роты 1098-го стр. полка. Пропал без вести в мае 1942 г. [44, л. 168].

Сидоренко Василий Иванович (?–1941), военврач III ранга. Врач 115-го медсанбата 51 стр. див. Пропал без вести в октябре 1941 г. [40, л. 21].

Смирнова Елена Игнатьевна (1917–1943), старший врач 243-го армейского полка ПВО 3-й Ударной армии. Умерла от ран 17 февраля 1943. Похоронена в дер. Крутовраг Великолукского района ныне Псковской области [45, л. 201].

Сосин Анатолий Иванович (1914–1942), военврач III ранга. Начальник санитарной службы 312-го отд. саперного батальона 28-й инженерно-саперной бригады 43-й армии. Убит 5 января 1942 при проведении инженерной разведки на Медынском направлении. Похоронен на центральной площади города Малоярославец Калужской области [46, л. 247; 47, л. 71; 48, л. 105].

Фишман Вульф Исаакович (Исаевич) (1919–1943), старший военфельдшер 255-й отд. Краснознаменной морской бригады. Погиб 4 февраля 1943 в ходе высадки десанта у с. Южная Озереевка под Новороссийском [49, л. 100].

Фридляндер Владимир Евсеевич (1919–1942), военврач III ранга. Старший врач 846-го стр. полка 267-й стр. див. 52-й армии. 16 июля 1942 пропал без вести в боях на Волховском фронте [24, л. 109; 50, л. 119].

Чевычелова Мария Ивановна (1918–1943), военврач III ранга. Была направлена на фронт, попала в окружение. Вырвавшись из него, возглавила на своей малой родине – в пос. Понеры подпольную группу медицинских работников. Группа была связана с 1-й Курской партизанской бригадой. Была выдана предателем, арестована и расстреляна в Курске 15 января 1943 г. Посмертно (10 мая 1965 г.) награждена орденом Отечественной войны I степени [51, л. 34; 52].

Чурюкин Виталий Стефанович (1913–1941). Был призван в РККА в 1940 г. Пропал без вести на территории Литовской ССР в июле 1941 г. [53, л. 167]

Шапиро Пиня Борисович (по др. данным Григорий Моисеевич) (1910–1941), военврач III ранга. Старший врач 17-го артиллерийского полка. Без вести пропал в октябре 1941 г. в Смоленской области [54, л. 215; 55, л. 105].

Яковлева Людмила Николаевна (1917–1941), военфельдшер 848-го стр. полка 267-й стр. див. 52-й армии. Погибла 27 октября 1941. Захоронена в д. Шевелево Карамышевского района Ленинградской области [56, л. 11; 57, л. 33].

К сожалению, учетных данных о гибели А. Н. Прибыловского и О. В. Суковатых в военных архивах обнаружить не удалось. Необходимо отметить, что активное участие в восстановлении исторической справедливости по отношению к своим боевым товарищам принимали фронтовики из числа выпускников КГМИ 1940–1941 гг. Переписка студентов с ними позволила вернуть из небытия многие имена, получить ценные биографические сведения и воспоминания, а также фотографии. Исследовательская работа в Архиве военно-медицинских документов (филиал ЦАМО РФ) позволила нам рассказать о судьбах некоторых ветеранов, внесших свой посильный вклад в благородное дело защиты Отечества и увековечения памяти о павших коллегах.

Георгий Владимирович Калашников родился 15 августа 1915 г. в Курске. В 1940 г. в родном городе окончил медицинский институт, после чего поступил на военную службу. С июля 1942 г. занимал должность старшего врача 813-го батальона авиационного обслуживания. Как следует из наградного листа, молодой врач зарекомендовал себя отличным командиром-специалистом, сумевшим сплотить крепкий коллектив медицинских работников, «способный в любое время оказывать помощь больным, раненым и проводить профилактические мероприятия». Показателем профессионализма и организаторского таланта доктора Калашникова стало отсутствие в батальоне за весь военный период эпидемий инфекционных заболеваний. В экстремальных условиях Георгий Владимирович действовал решительно и смело, не опасаясь ответственности за свои решения и действия. Так, когда в батальон доставили пять тяжело раненых, включая начальника тыла 1-й воздушной армии подполковника А. В. Карпелева с повреждениями костей черепа и голени, Г. В. Калашников не стал рисковать их жизнями при транспортировке в госпиталь, а сам провел сложные хирургические операции. В числе спасенных им жизней – командир 88-го гвардейского истребительного авиационного полка, Герой Советского Союза, подполковник В. П. Бабков и другие офицеры.

Только за 1944–1945 гг. через лазарет и медпункт была оказана помощь 1 353 военнослужащим летно-технического состава полков и личного состава батальона, в том числе 112 раненым. За образцовое выполнение врачебного долга, сохранение жизни и здоровья личного состава, 17 июня 1945 г. приказом Военного Совета 2-й воздушной армии 1-го Украинского фронта капитан медицинской службы Г. В. Калашников был награжден орденом Красной Звезды [58, л. 326–326 об].

В послевоенный период Георгий Владимирович окончил факультет усовершенствования врачей и фармацевтов Военно-медицинской академии

им. С. М. Кирова, проходил службу дивизионным врачом в 157-й бомбардировочной авиационной дивизии 26-й воздушной армии, а затем на той же должности в 86-й истребительной авиационной дивизии. Из армии уволился в 1965 г. в звании подполковника медицинской службы. За время служения Отечеству был награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За освобождение Праги», «За боевые заслуги».

Выпускник 1940 г. Курского медицинского института Александр Иванович Шиндяпин родился 25 мая 1911 г. в деревне Абакумовка Тамбовской губернии. До июня 1941 г. он работал Марковским сельским врачебным участком в Глушковском районе Курской области. В июле 1941 г. был призван в армию, став младшим врачом 531-го легкого артиллерийского полка 89-й стрелковой дивизии, которая формировалась в Курске. Затем служил в составе 256-й стрелковой дивизии на Северо-Западном и Калининском фронтах.

В 1943 г. дивизионный врач, майор медицинской службы А. И. Шиндяпин был награжден орденом Красной Звезды за умелую расстановку кадров медико-санитарных подразделений, спасение жизни больных и раненых воинов, личное мужество и отвагу, проявленные при прорыве блокады Ленинграда и в весенне-летних боях войск Волховского фронта [59, л. 82].

По окончании Великой Отечественной войны Александр Иванович продолжил службу ординатором 411-го окружного военного госпиталя, старшим врачом медицинского пункта хозяйственного отдела штаба Одесского военного округа. С 1952 г. возглавлял приемное отделение окружного госпиталя, в 1957–1969 гг. был начальником 21-й гарнизонной поликлиники в Одессе.

Военная служба полковника медицинской службы А.И. Шиндяпина отмечена двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За боевые заслуги».

Сергей Петрович Совлуков родился 18 октября 1918 г. в селе Стрелецкое Обоянского уезда Курской губернии. После окончания в 1934 г. Обоянской средней школы учился на рабфаке. В 1936 г. поступил в Курский медицинский институт. 1 июля 1941 г., будучи студентом, мобилизован Ленинским РВК в действующую армию. Всю войну прослужил старшим ординатором 115-го хирургического полевого госпиталя Западного, позднее 3-го Белорусского фронтов. Командование отмечало С. П. Совлукова как отличного работника, пользовавшегося авторитетом и уважением среди бойцов и офицеров. В качестве врача он «исключительно честно и с любовью относился к своим обязанностям, чем способствовал повышению боеспособности Красной армии» [60, л. 124].

Послевоенная биография майора медицинской службы Совлукова была связана с врачебной деятельностью в госпиталях Белорусского военного округа, административной работой в госпитальных учреждениях Группы советских оккупационных войск в Германии. В 1950-е – начале 1960-х гг. руководил отделениями центрального клинического санатория «Архангельское» Министерства обороны СССР. В 1960-е – первой половине 1970-х гг. возглавлял терапевтическое, затем кардиологическое отделения Главного клинического военного госпиталя им. Н. Н. Бурденко.

Полковник медицинской службы С. П. Совлуков вышел в отставку в апреле 1983 года. В числе его наград: два ордена Отечественной войны II степени, два ордена Красной Звезды, медали «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Медаль «За боевые заслуги» [11].

Таким образом, благодаря активной гражданской позиции фронтовиков, сумевших вовлечь в поисковую работу студентов и преподавателей Курского медицинского института, были установлены судьбы выпускников вуза, погибших в годы Великой Отечественной войны. Накопленный коллективом института опыт востребован и в современных условиях при реализации мер, направленных на сохранение памяти о героях специальной военной операции.

Источники и литература

1. Гладких П.Ф. Мобилизационное развертывание формирований медицинской службы Красной Армии в начальном периоде Великой Отечественной войны (июнь-сентябрь 1941 г.) / П.Ф. Гладких // Нам этот мир завещано беречь: проблемы сохранения исторической памяти о событиях и героях первого периода Великой Отечественной войны: сб. науч. статей. Курск, 2016. С. 50–55.
2. Гладких П.Ф. Медицинская служба Красной Армии в Великой Отечественной войне. Вторжение. СПб., 1995.
3. История Великой Отечественной войны в документах и судьбах: (по материалам Курской области). Курск, 1995.
4. Манжосов А.Н. Воспитанники Курского медицинского института – участники Великой Отечественной войны / А. Н. Манжосов, А. Ю. Друговская, Н. Ф. Литвиненко // История Великой Отечественной войны в документах и судьбах: (по материалам Курского государственного медицинского университета) / под ред. А. Ю. Друговской. Курск, 2015. С. 77–85.
5. Манжосов А.Н. Воспитанники Курского медицинского института – участники Великой Отечественной войны / А. Н. Манжосов, А. Ю. Друговская, Н. Ф. Литвиненко // История Великой Отечественной войны в документах и судьбах: (по материалам Курской области). Курск, 1995. С. 178–186.
6. Медик. 1971. 3 дек.
7. Медик. 1973. 9 мая.
8. Память, ты для сердца свята...: Деятельность комсомольских и молодежных организаций Курской области по героико-патриотическому воспитанию в 50–90-е годы XX века: сб. документов и материалов. Курск, 2008.
9. Путеводная звезда памяти: (деятельность общественных организаций Курской области по гражданско-патриотическому воспитанию молодежи в 50-90-е гг. XX столетия) / В. В. Коровин, А. Н. Манжосов, А. Ю. Золотухин, Т. С. Семенихина. Курск, 2009. Ч. 2.
10. Коровин В.В., Манжосов А.Н., Леонова Е.Л., Мазнева Е.В. «Вечен ваш подвиг в сердцах поколений...» (Светлой памяти выпускников Курского государственного медицинского института, павших на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) // Суровая действительность войны... Курский военно-исторический сборник. Вып. 17. Курск, 2016. С. 76–83.
11. Коровин В.В., Мазнева А.С., Мазнева Е.В., Манжосов А.Н. Поисковая работа о выпускниках КГМИ 1940–1941 гг., погибших на фронтах Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. // Край наш Курский. Календарь знаменательных и памятных дат, 2017. С. 70–78.
12. Центральный архив министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 56. Оп. 12200. Д. 62.
13. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 125.
14. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 668.
15. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 563783. Д. 11.
16. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 150.
17. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 308.
18. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 106.

19. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11459. Д. 668.
20. ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 17770. Д. 53.
21. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 563783. Д. 13.
22. ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12220. Д. 65.
23. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 594260. Д. 55.
24. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 713.
25. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 363.
26. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 902.
27. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 856.
28. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 432.
29. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 4571.
30. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 6179.
31. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 563787. Д. 9.
32. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 594262. Д. 91.
33. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 301.
34. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 367.
35. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 276.
36. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 151.
37. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 563783. Д. 35.
38. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 594258. Д. 28.
49. ЦАМО РФ. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 1.
40. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 563783. Д. 23.
41. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 706.
42. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 563783. Д. 26.
43. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 90.
44. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 563784. Д. 37.
45. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 777.
46. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 750.
47. ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12220. Д. 6.
48. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 431.
49. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 33.
50. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 45.
51. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. П-23. Оп. 1. Д. 84.
52. Курская правда. 1965. 10 мая.
53. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 977528. Д. 22.
54. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 563783. Д. 4.
55. ЦАМО РФ. Оп. 11458. Д. 102.
56. ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12220. Д. 99.
57. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 356.
58. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 2125.
59. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1261.
60. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 2263.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕТЕРАНСКОГО И КОМСОМОЛЬСКОГО АКТИВА
ПО СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТИ О БОЕВОМ ПОДВИГЕ
38-го ОТДЕЛЬНОГО ДИВИЗИОНА БРОНЕПОЕЗДОВ
НА КУРСКОЙ ЗЕМЛЕ В 1942 г.**

В настоящее время история Великой Отечественной войны представлена более 40 тысячами фундаментальных трудов, монографий, сотнями тысяч научных публикаций и более чем четырьмя тысячами докторских и кандидатских диссертаций. С середины 1960-х гг. как советскими, так и российскими историками формировалось объективное представление о роли советского народа в победе над фашистской Германией. К сожалению, в XX в., зарубежные и «доморощенные» историки стараются принизить роль советских Вооруженных Сил в разгроме фашизма на фронтах Великой Отечественной войны. В военно-исторических трудах историков роль советских бронепоездов в боях с противником, по нашему мнению, освещена явно недостаточно [1; 2; 3; 4; 5].

В ходе анализа источников различного характера (архивных, печатных, воспоминаний участников событий) в статье дается описание боевых действий бронепоездов 38-го отдельного дивизиона (ОДБП) на железной дороге имени Ф. Э. Дзержинского, а также отражены факты мужества и отваги, проявленные бойцами бронепоезда № 2 «Южноуральский железнодорожник» в бою у станции Расховец 28 июня 1942 г.

Бронепоезда 38-го отдельного дивизиона бронепоездов были построены в паровозном депо Челябинск Южноуральской железной дороги согласно директиве Народного комиссара обороны № 22сс от 29 октября 1941 г. по формированию 40 новых дивизионов бронепоездов.

Работами по сооружению бронепоездов 38-го и 39-го дивизионов руководил заместитель начальника Южноуральской железной дороги П. Н. Шалимо, который [6, с. 185], в 1930-е гг. работал начальником политотдела Северо-Донецкой железной дороги. Координацию всех работ по строительству бронепоездов в депо Челябинск тогда осуществлял секретарь узлового парткома А. П. Рождественский [7, с. 95].

Для оборудования бронемашин была выделена специальная группа рабочих ремонтных цехов, депо, возглавляемая мастерами К. П. Кондаковым, Н. А. Молодцовым и Н. И. Новиковым. Для выточки опорных колец поворотных механизмов орудийных башен бронепоездов в ремонтном депо Челябинск применили бандажи паровозных колес. Для ускорения процесса их обточки токарь К. С. Чипышев предложил образец нового резца. Время обточки бандажей, после этого, сократилось в четыре раза [7, с. 96].

Но из-за нехватки артиллерийского вооружения, необходимого для установки на бронеплощадках, использовались устаревшие иностранные образцы. Так, командир 4-й бронеплощадки «Южноуральского железнодорожника» В. Я. Куплевахский характеризовал вооружение челябинских бронепоездов: «Бронеплощадки были оснащены своеобразно. Каждая имела одну широкую башню, поворачиваемую вручную. Были установлены французские пушки выпуска 1918 г., сохранившиеся с Гражданской войны. Перед отправкой орудий для армии Колчака их стволы расточили под калибр 76,2 мм. При стрельбе с невысоким углом возвышения ствола такие орудия оправдывали свое назначение. На каждом борту в бронеплощадке имелись скорострельные “браунинги” и ручные пулеметы Дегтярева. Личное оружие многих красноармейцев составляли трофейные японские

винтовки образца 1916 г. С широкими тесаками, примкнутыми к стволу, винтовки торчали выше голов бойцов... » [8, с. 112].

В мае 1942 г. для укрепления обороны Брянского фронта была сформирована подвижная броневая группа. В нее входили 8 бронепоездов из состава 38-го, 45-го, 62-го и 377-го отдельных дивизионов. Бронепоезда № 14 «Борис Петрович» и № 15 «Бесстрашный» 62-го дивизиона дислоцировались в Мармыжах и Кшени [9, с. 46-47].

9 мая 1942 г., со станции Скуратово, были переброшены бронепоезда № 1 «Челябинский железнодорожник» и № 2 «Южноуральский железнодорожник» 38-го дивизиона, которым командовал майор В. А. Коржевский. Он в начале Великой Отечественной войны командовал бронепоездом № 16 8-го отдельного дивизиона, отличился в боях в Белоруссии, в ходе обороны Тулы. 22 января 1942 г. приказом командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова капитан В. А. Коржевский был награжден орденом Красной Звезды [10, л. 198-198об.].

В преддверии Воронежско-Ворошиловоградской стратегической оборонительной операции (28 июня – 24 июля 1942 г.) в войсках левого крыла Брянского фронта (13-я, 40-я, 5-я танковая армии) насчитывалось всего 169,4 тыс. человек.

Напротив, в армейскую группу «Вейсх» входили 2-я и 4-я танковая немецкие и 2-я венгерская армии. Во 2-ю немецкую армию, для нанесения удара на Воронеж, было переброшено 9 дивизий, прибывших из Германии и Франции. Таким образом, против войск Брянского и правого крыла Юго-Западного фронтов действовали 21 дивизия, из них 14 пехотных, 4 танковых и 3 моторизованных. Согласно боевому отчету 2-й немецкой армии, в группе «Вейсх» к концу июня 1942 г. насчитывалось 799 орудий, 252 миномета, 828 зенитных орудий, 82 штурмовых орудия, 587 танков и 387 тяжелых противотанковых пушек [9, с. 28].

28 июня 1942 г. после активной артиллерийской подготовки вражеские войска перешли в наступление на позиции 13-й и 40-й армий. Со стороны противника в наступлении участвовали 9 дивизий при поддержке 400 самолетов. Восточнее станции Черемисиново наступавших гитлеровцев встретили воины 121-й стрелковой дивизии генерала П. М. Зыкова. На второй линии обороны находились бронепоезда 38-го отдельного дивизиона, № 1 «Челябинский железнодорожник» и № 2 «Южноуральский железнодорожник», которые подчинялись командующему 40-й армией генерал-лейтенанту М. А. Парсегову [11, л. 5; 2, с. 78–79].

Бронепоезд № 1 38-го дивизиона вместе с бронепоездом № 9(63) «Дзержинец» стоял на станции Черемисиново, а бронепоезд № 2 располагался в лесистой выемке западнее станции Расховец [11, л. 8].

Ранним утром 28 июня 1942 г. 80 вражеских бомбардировщиков нанесли удар по станции Черемисиново. В ходе налета был разбит бронепоезд № 1 «Челябинский железнодорожник», которым тогда командовал старший лейтенант П. А. Шуркевич. В историческом формуляре 38-го ОДБП имеется следующая запись: «28 июня 1942 г. первый бронепоезд был сожжен в Черемисиново при бомбардировке с воздуха». В ходе налета бомба попала между бронеплощадкой и паровозом. Бронепоезд № 1 стал неподвижным. На нем загорелись две бронеплощадки. Команда поспешно покинула поврежденный бронепоезд «Челябинский железнодорожник» [11, л. 9].

Бронепоезд «Южноуральский железнодорожник», которым командовал старший лейтенант И. Е. Орлов, в тот день, вел бой у станции Расховец.

«Получив данные о приближении авиации противника, по приказу И. Е. Орлова, старший машинист М. Е. Купцов вывел бронепоезд для маневрирования. Бойцы заняли места у орудий и зенитных установок», – позднее

вспоминал военфельдшер бронепоезда, майор в отставке А.Ф. Косоногов. – «Группа из 18 самолетов начала бомбить поезд. Первые залпы по приближающимся «Юнкерсам» дали артиллеристы бронеплощадки лейтенанта И. В. Уварова. Бомбы рвались возле стальной громады. Осколки били в броневые листы. От них погибли пулеметчики: сержант А. В. Смирнов и рядовой И. С. Тутыкин. Умер от контузии артиллерист рядовой П. С. Дудин. Был также ранен командир бронеплощадки лейтенант С. Н. Шалаев. Через полчаса атака бомбардировщиков повторилась. Но плотный огонь зенитчиков бронепоезда не позволил вести прицельное бомбометание. Гитлеровцы потеряли еще один самолет, который взорвался в лесу северо-западнее разъезда» [4, с. 106; 12, с. 74].

Во время третьего налета тяжело был ранен командир зенитного взвода лейтенант Н. В. Сиукаев. Однако, он остался в строю и продолжал подавать команды. Позднее в 1946 г. за мужество, проявленное в этом бою, Н. В. Сиукаев был награжден медалью «За отвагу».

Неожиданно, бомба разорвалась между бронеплощадками и вырвала кусок рельса. Восстановительная бригада под руководством техника-лейтенанта П. С. Шубина быстро организовала ремонтные работы. Было принято оригинальное решение: бойцы заровняли воронку, положили плотными рядами несколько шпал, выпилили по размеру вырванного куска рельса сухой дубовый брус, и закрепили его на подкладке. Двухсоттонная машина удачно перекатилась по импровизированному пути.

«...Не успели это сделать, как другая группа «Юнкерсов» стала заходить на бомбометание. Огненная трасса, из пулемета выпущенная командиром бронеплощадки младшим лейтенантом В. Я. Куплевахским, ударила по фюзеляжу одного из вражеских самолетов», – вспоминал командир бронепоезда И. Е. Орлов. – «Бой бронепоезда «Южноуральский железнодорожник» с немецкой авиацией продолжался более 14 часов. Десятки воздушных атак отразил экипаж и сбил пять самолетов. К исходу дня, когда кончились боеприпасы, бронепоезд отошел к станции Мармыжи. Была создана восстановительная команда во главе с комиссаром бронепоезда политруком Петром Алексеевичем Горкушенко. Но станция была разрушена в ходе бомбежки, уничтожены стационарные строения. Взрывами бомб а гигантский клубок были свернуты искореженные рельсы. Сил экипажа бронепоезда явно не хватало для восстановления даже одного пути» [8, с. 129].

Сзади подходили вражеские танки. Они разгромили базу бронепоезда, стоящую на станции Мармыжи, расстреляли паровоз и вагоны с близкого расстояния. На станции Мармыжи бойцы сняли с бронепоезда стрелковое вооружение. Они взорвали заряды тола в топке паровоза, в орудийных башнях, на зенитных площадках [13, л. 80–86; 4, с. 106].

28 июня 1942 г. 38-й дивизион бронепоездов потерял убитыми 15 человек, а 19 человек было ранено [2, с. 79]. Несмотря на успехи, достигнутые в бою экипажем бронепоезда «Южноуральский железнодорожник», он был подорван командой на входных стрелках станции Мармыжи. В августе 1942 г. личный состав 38-го отдельного дивизиона, в Москве получил новые бронемшины – бронепоезда им. газеты «Правда» и им. газеты «Красная Звезда» [11, л. 10].

Много лет ход боя бронепоезда «Южноуральский железнодорожник» был неизвестен жителям Советского района Курской области. Несмотря на то, что его павшие бойцы захоронены в могиле пос. Кшенский [14, с. 110, 124–125; 15, с. 90].

В октябре 1976 г. члены штаба поиска «Дорогами отцов-героев» Курского государственного медицинского института ознакомились с публикацией майора медицинской службы в отставке, бывшего военфельдшера бронепоезда № 2

«Южноуральский железнодорожник» А. Ф. Косоногова, посвященной боевым действиям бронепоезда около станции Расховец.

С помощью Главного Управления кадров МО СССР курские следопыты установили связь с командиром бронепоезда, полковником в отставке И. Е. Орловым, проживающим в г. Черновцы УССР, и комиссаром бронепоезда, майором в отставке П. А. Горкушенко, который проживал в Полтаве. В ходе завязавшейся переписки членам штаба поиска стали известные дополнительные детали боя 28 июня 1942 г., не изложенные в воспоминаниях А. Ф. Косоногова.

Курские ветераны смогли уточнить, что после ранения, полученного в бою на разъезде Расховец, лейтенант Николай Сиукаев восемь месяцев лечился в госпитале. После тяжелого ранения на костылях он возвратился в родное село Прис, в Южной Осетии.

Но он, преодолевая боль, в 1948 г., завершил обучение на физическом факультете Тбилисского университета. Его учеба была прервана в августе 1941 г. в связи с призывом в армию [16, с. 5].

В 1952 г. сотрудник Северо-Осетинского педагогического института Н. В. Сиукаев окончил аспирантуру Ленинградского физико-технического института.

В 1969 г. он представил к защите кандидатскую диссертацию, темой которой стало получение лучших в мире образцов фосфида индия – цельного слитка длиной в 8 см. Но его кандидатская диссертация была, по содержанию, признана соответствующей докторской, а ему, соответственно, была присуждена ученая степень доктора наук.

Более полувека профессор Северо-Кавказского университета, известный советский физик разрабатывал ряд новых направлений в физической науке.

В 1971 г. Н. В. Сиукаев был награжден орденом «Знак Почета». Н. В. Сиукаев подчеркивал: «Труд ученого – достояние всех народов. Каждый народ может воспользоваться его открытием... В этом отношении наука интернациональна. Но говоря о достижениях гениального ученого, всегда вспоминают, представителем какого народа он является, для кого он снискал славу» [17, с. 75].

Штабом поиска «Дорогами отцов-героев» было принято решение об установлении мемориальной доски на станции Мармыжи.

8 мая 1977 г. 35 ветеранов 62-го особого Новоскольниковского дивизиона бронепоездов, которые собрались в Курске на традиционную встречу, впервые посетили места бывших боев около станции Мармыжи. В день такой волнительной встречи фронтовиков с событиями их боевой молодости на вокзале станции Мармыжи открывалась мемориальная доска. На ней высечены наименования бронепоездов, оборонявших станцию летом 1942 г. Был отмечен и бронепоезд № 2 «Южноуральский железнодорожник» [18, л. 9, 48]. Средства на установку мемориальной доски были заработаны студентами 5-го курса лечебного факультета Курского государственного медицинского института (комсорг курса В. Н. Курбатов) [19, л. 5, 24; 20, с. 102].

На следующий год, в мае 1978 г., ветераны 62-го дивизиона бронепоездов, приехавшие на четвертую встречу в Курске, снова посетили станцию Мармыжи. В числе почетных гостей был полковник в отставке, кавалер четырех орденов Красного Знамени командир бронепоезда «Южноуральский железнодорожник» И. Е. Орлов. Он выступил на митинге, и поделился воспоминаниями о событиях грозного лета 1942 г. Он оставил свои воспоминания, которые сегодня хранятся в Государственном архиве Курской области.

В ходе встречи в Мармыжах ветераны бронепоездов договорились о содействии в сооружении памятника погибшим бойцам и командирам 38-го и 62-го

отдельных дивизионов бронепоездов [21]. Летом 1978 г. благородные пожелания бывших фронтовиков воплотили в жизнь бойцы студенческого отряда «Русь» Курского медицинского института. 2 августа 1978 г., в канун Всесоюзного дня железнодорожника, на перроне станции состоялось открытие памятника [22, л. 92; 23, с. 213; 24]. На его мемориальной доске было указано: «В память павших солдат транспорта – работников паровозного депо Курск, спецформирований НКПС, бойцов 38-го и 62-го дивизиона бронепоездов. Родина вас никогда не забудет». Позднее, в 2003–2013 гг., прилегающая к памятнику территория подверглась коренной реконструкции.

В мае 1988 г. по местам боевой славы от Курска до станции Мармыжи проехал Поезд Памяти. Его гостями стали более 50 участников первой Всесоюзной встречи ветеранов бронепоездов. Среди них был командир бронеплощадки бронепоезда «Южноуральский железнодорожник», капитан в отставке В. Я. Куплевацкий, прибывший из Харькова. Ветераны отдельных дивизионов бронепоездов совместно с учащимися Курского техникума железнодорожного транспорта минутой молчания почтили память павших боевых товарищей, возложили венки и цветы к подножью памятника [25, л. 29; 26, с. 49, 56; 27].

Отметим, что вклад в организацию и проведение Всесоюзной встречи ветеранов-бойцов бронепоездов в Курске внесли как ветераны Курского отделения дороги, так и члены Курского областного штаба Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа.

20 августа 1998 г. на вокзале ст. Мармыжи состоялось открытие Зала боевой славы. Центральное место в его экспозиции заняло полотно, посвященное бою бронепоезда № 2 «Южноуральский железнодорожник» у входных стрелок ст. Мармыжи. [28, с. 104–105, 116; 27; 29, с. 28–33]. Автором полотна был самостоятельный художник Курского отделения дороги И. В. Севрюков.

Корреспондент газеты «Московский железнодорожник» Т. Кошелькова в статье «Павших помнить пока есть живые» отмечала: «Поезд Памяти ушел в свой рейс со станции Курск на исходе первого месяца лета... Спустя 65 лет Поезд Памяти, отправлялся в поездку, во время которой как никогда остро приходит понимание: павшие живы пока есть живые, чтобы о них вспоминать...» [30].

С тех памятных дней прошло более 30 лет. Мемориальная доска, на вокзале станции Мармыжи теряла свой привлекательный вид. Поэтому 28 июня 2017 г., в день 75-летия начала Воронежско-Ворошиловградской стратегической операции, на стене вокзала ст. Мармыжи была установлена новая гранитная мемориальная доска. На ней были перечислены наименования 15 бронепоездов, сражавшихся в районе ст. Мармыжи в 1941–1943 гг., в том числе бронепоезда № 1 и № 2 38-го отдельного дивизиона, построенные руками южноуральских железнодорожников [31].

В 2019–2025 гг. ст. Мармыжи стала обязательным историческим объектом, посещаемым участниками Поездов Победы. Традиционно они проводятся в Курском регионе Московской железной дорогой в канун Дня Победы или юбилеев победоносного окончания Курской битвы 23 августа.

Обязательным ритуалом для всех участников «Поездов Победы» стало проведение, на ст. Мармыжи, митингов около памятника погибшим бойцам бронепоездов, а также возложение венков и цветов к его основанию. В числе участников Поездов Победы всегда много молодежи: работников Курского узла и студентов. Так сохраняется память о павших бойцах бронепоездов и поддерживаются славные традиции, накопленные за полвека среди курских железнодорожников.

Источники и литература

1. Коломиец М.В. Бронепоезда в бою. 1941–1945. М., 2010.
2. Коломиец М.В. Советские бронепоезда в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 2018.
3. Дорогозов И.Г. Крепости на колесах. История бронепоездов. Минск, 2002.
4. Поцелуев В.А. Броненосцы железных дорог. М., 1982.
5. Амирханов Л.И. Броненосцы железных дорог. СПб., 2005.
6. Уральский исток Трансиба: История Южно-Уральской жел. дороги / Ред-сост. А. Л. Казаков. Челябинск, 2004.
7. Колесникова Г.Ю. Железнодорожный транспорт Южного Урала в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2006.
8. Ефимьев А.В., Манжосов А.Н., Сидоров П.Ф. Бронепоезда в Великой Отечественной войне. М., 1992.
9. Пермяков И.А. Бои за Воронеж в Воронежско-Ворошиловоградской стратегической оборонительной операции 1942 г. / под общ. ред. профессора С. И. Филоненко. Воронеж, 2012.
10. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 682524. Д. 254.
11. ЦАМО РФ. Ф. 38-го ОДБП. Оп. 219090. Д. 1.
12. Косоногов А.Ф. Бой бронепоезда с фашистскими бомбардировщиками // Военно-исторический журнал. 1967. № 1. С. 73–74.
13. Государственный архив Курской области. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 38.
14. Книга Памяти. Т. 17. Ч. 5. Курск, 2017.
15. Манжосов А.Н., Кокорин Н.И., Мишин А.С. и др. Боевые действия 38-го отдельного дивизиона бронепоездов на территории Курской области в июне 1942 года // Курский военно-исторический сборник. 2020. № 20. С. 85–92.
16. Academia. 2018. 15 дек. № 39. С. 35.
17. Вестник Владикавказского научного центра. 2017. № 1. С. 75.
18. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-52. Оп. 1. Д. 139.
19. ГАОПИКО. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 144.
20. Золотухин А.Ю., Коровин В.В., Манжосов А.Н. и др. Военно-мемориальная работа в Курской области // КЛИО. Журнал для ученых. СПб., 2009. С. 97–104.
21. Курская правда. 1978. 11 мая.
22. ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 10. Д. 3.
23. Золотухин А.Ю., Манжосов А.Н. Поезда Памяти по местам боев на Курской земле // Вестник архивиста. 2008. № 4. С. 200–215.
24. Гудок. 1978. 13 авг.
25. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 23. Д. 7.
26. Золотухин А.Ю. «Наша память живая...» (Курский комсомол и организация первой Всесоюзной встречи ветеранов бронепоездов) // Курский край. 2008. № 14(115). С. 49–56.
27. Курская правда. 1988. 13 мая.
28. Золотухин А.Ю., Коровин В.В., Манжосов А.Н. и др. Эта память всей земле нужна... «Памятники боевой славы Курской области, посвященные событиям и героям Великой Отечественной войны: исторический путеводитель». Курск, 2014.
29. Золотухин А.Ю., Коровин В.В., Манжосов А.Н. и др. Поезд Памяти в июнь 1942-го // Военно-исторический архив. 2007. № 11(95). С. 18–33.
30. Московский железнодорожник. 2007. 13 июля.
31. Нива. 2017. 12 июля.

**«И СЛОВОМ, И ДЕЛОМ»: УЧАСТИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР
В ПЕРЕСТРОЕЧНЫХ ПРОЦЕССАХ (1985–1991 гг.)**

Деятельность советских средств массовой информации (далее – СМИ) во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. сложно рассматривать без учета влияния профессиональных объединений их сотрудников. Первостепенную роль здесь играл Союз журналистов СССР (далее – СЖ СССР), воссозданный как добровольное творческое сообщество в соответствии со специальным постановлением ЦК КПСС в 1956–1959 гг. [20, с. 17] (фактически он стал правопреемником Коммунистического союза журналистов, переставшего функционировать в 1930 г.). По аналогии с союзами писателей, художников главной целью СЖ СССР провозглашалось содействие активному участию журналистов в коммунистическом строительстве, росту их идейно-теоретического уровня, профессионального мастерства. Кроме того, СЖ СССР занимался социально-правовой защитой журналистов, заботился об улучшении условий труда, быта и отдыха представителей данной профессии [17, с. 110].

Как и большинство других его региональных отделений Курская областная организация СЖ СССР (далее – КООСЖ) была образована вскоре после завершения I-го Всесоюзного съезда журналистов СССР 1959 г. Первым председателем КООСЖ был избран редактор главной областной газеты «Курская правда» М. В. Коврижин. В дальнейшем эта традиция сохранилась, и даже в годы Перестройки КООСЖ последовательно возглавляли его преемники, состоящие в данной должности – Г. В. Гнездилов и В. И. Мусияченко [3, л. 5; 8, л. 5]. Членами областной журналистской организации на момент ее создания значились 150 человек, и на протяжении первой половины 1960-х гг. их число оставалось примерно тем же [18, с. 197] (более чем двукратный рост пришелся на вторую половину 1960-х – первую половину 1980-х гг., что было связано с существенным укреплением материально-технической базы курских СМИ, а также быстрыми темпами развития радио- и телевидения). Будучи так или иначе аффилированной с КПСС (большинство членов организации состояло в партии, искренне поддерживало коммунистическую идеологию, а, к примеру, руководившей ей в 1989–1991 гг. В. И. Мусияченко заведовал сектором печати, телевидения и радио Курского обкома КПСС) и в целом разделявшей ее взгляды организацией, КООСЖ строила свою работу в соответствии с намеченными партией целями, не забывая при этом и об иных обязанностях, регламентированных Уставом СЖ СССР.

К началу 1985 г., когда о «Перестройке» еще практически никто не говорил, основное внимание регионального журналистского сообщества было сосредоточено на проведении тематических пресс-конференций [2, л. 39–40], организации областных творческих конкурсов (на лучшие освещение социалистического соревнования, постановку массовой работы, материалы на военно-патриотические темы и др.), участии во всесоюзных мероприятиях, распространении денежно-вещевой лотереи, повышении квалификации работников СМИ [2, л. 12–14, 25–30], приеме новых членов в состав СЖ СССР [1, л. 6–9, 26–27].

Начиная с середины 1960-х гг. под контролем КООСЖ проходил процесс становления новых СМИ на курской земле. Так, например, по решению бюро местного обкома КПСС с 1 июля 1985 г. планировалось начать выпуск специального информационного бюллетеня (аналог бюллетеней ТАСС) под названием «Курские новости». Его объем должен был составлять шесть

машинописных страниц, тираж – 35 экземпляров, а периодичность выхода – два раза в месяц. Данный бюллетень предназначался для районных газет и включал в себя главные новости, поступающие из областного центра и его округа [1, л. 30–31; 2, л. 33–35, 51–52].

Решения судьбоносного для страны Апрельского пленума ЦК 1985 г. и вопросы подготовки к грядущему XXVII съезду КПСС обсуждались на 4-м заседании бюро правления КООСЖ (22 мая 1985 г.). В его состав на тот момент входили Г. В. Гнездилов – председатель правления КООСЖ, главный редактор газеты «Курская правда», В. И. Денисенко – заместитель председателя правления КООСЖ, председатель Курского областного телерадиокомитета (далее – КТРК), В. И. Рошин – секретарь правления КООСЖ, М. В. Изотов – заместитель главного редактора газеты «Молодая гвардия», В. Е. Колпащиков – главный редактор газеты «Ударный труд» (печатный орган Октябрьского райкома КПСС), С. П. Веревкин, Н. М. Леонтьева и др. К высказанным на Пленуме ЦК идеям в организации отнеслись с осторожностью, предпочтя действовать проверенными методами. Было решено организовать широкую пропаганду решений пленума, посвятить ряд новых конкурсов предстоящему партийному съезду, а также провести занятия с обсуждением методов работы местной печати, радио и телевидения [1, л. 28–30; 17, с. 111].

8 июня 1985 г. открылся II пленум правления КООСЖ, на котором присутствовало 20 из 25 членов с правом голоса, включая редакторов районных и многотиражных газет, корреспондентов-организаторов районного радиовещания, творческих работников «Курской правды», «Молодой гвардии», КТРК, а также В. И. Мусияченко – заведующего сектором печати, телевидения и радио Курского обкома КПСС. Выступавший с отчетным докладом В. И. Денисенко подробно охарактеризовал итоги Апрельского Пленума ЦК и то, как его решения освещали местные СМИ. Представителями региональных газет тогда были высказаны лишь некоторые мысли о необходимости дальнейшей пропаганды экономии и бережливости в печати (к концу года многие из них включились в очередной Всесоюзный конкурс на лучшее освещение этих проблем), наведении порядка на производстве, более полного использования резервов. Основное же внимание уделялось вопросам качества публикуемых материалов, подготовки к 40-летию Победы, борьбы с пьянством и алкоголизмом [1, л. 33–36, 50–51; 2, л. 59–61].

Повышение идейно-политического уровня и профессионального мастерства журналистов становилось главной темой для обсуждения на последующих заседаниях и пленумах КООСЖ. Немаловажное место отводилось проблемам организованности и дисциплины, журналистской этики, проведению семинаров по обмену опытом, собраний первичных партийных организаций СМИ [1, л. 51, 53–55; 2, л. 90–94]. В документах III пленума КООСЖ (25 октября 1985 г.) говорилось о подготовке СМИ к XXVII Съезду КПСС, развитии творческой инициативы и активности их работников, а также появились слова об «ускорении научно-технического прогресса», проектах обновленных Программы и Устава КПСС, существенных недостатках в работе местной печати (перенасыщенность текстов, слабое разнообразие жанров, отсутствие должной оперативности, низкая компетентность ряда журналистов и пр.) [1, л. 56–60; 2, л. 132–140].

Хоть 1986 г. и считается временем запуска политики «гласности», начинался для представителей СМИ он вполне привычно. В плане мероприятий КООСЖ, больше в виде красивых лозунгов, продолжали звучать слова о пропаганде решений, направленных на «ускорение социально-экономического развития страны, научно-технического прогресса и интенсификацию производства». В центре внимания оставались вопросы проведения конкурсов профессионального

мастерства, повышения квалификации и перееаттестации журналистов, реформирования агропромышленного комплекса, хода 12-й пятилетки (1986–1990 гг.), контрпропагандистской работы [1, л. 82–85, 101–102].

Заметным новшеством стало освещение хода «Антиалкогольной кампании» на территории Курской области. 6 февраля 1986 г. бюро правления КООСЖ выпустило постановление, согласно которому региональные СМИ должны были включиться во Всесоюзный рейд «За эффективный труд и здоровый быт» (1 февраля – 31 июля 1986 г.). Каждой редакции предписывалось сформировать свою рейдовую группу (количество людей в них строго не регламентировалось – все зависело от местных условий), с включением в ее состав 3–7 активистов общества борьбы за трезвость, работников правоохранительных органов, членов организаций народного контроля. По особому графику они посещали различные объекты (производственные помещения, предприятия торговли, молодежные общежития, учреждения культуры, стадионы и т. д.), следили за соблюдением общественного порядка, выполнением норм трудового законодательства, постановлений о запрете на реализацию спиртных напитков в неположенное время или в неположенном месте, составляли отчеты о проделанной работе в виде газетных публикаций или телерадиоэфиров [1, л. 108–110; 2, л. 123–124, 162–168].

Руководство КООСЖ на встречах с редакторами газет и журналов, работниками КТРК подчеркивало, что в рамках каждой новостной или аналитической рубрики необходимо публиковать материалы по широкому кругу вопросов, причем как критические, столь полюбившиеся журналистам за прошедшие полтора года, так и положительные [1, л. 94]. Однако ярче всего изменение отношения к СМИ было обозначено на IV пленуме правления КООСЖ (21 июня 1986 г.). В докладе Г. В. Гнездилова о проделанной работе по выполнению решений XXVII съезда КПСС, выступлениях Н. Ф. Безрукова (заместитель главного редактора «Курской правды»), В. П. Зелинского (заместитель председателя КТРК), редакторов районных газет были задействованы термины «перестройка», «ускорение», «прибыль». Выступавшие говорили о необходимости изменения психологии руководства и рядовых сотрудников, кадрового обновления СМИ, подготовке более содержательных и непосредственно связанных с жизнью публикаций, формировании новых рубрик (в качестве примера ими приводилась новая программа КТРК под названием «Качество – зеркало рабочей чести», связанная с организацией госприемки). На одном из заседаний даже всплыл вопрос о слишком частом отвлечении журналистов на посевные работы, что сильно сказывалось на качестве публикуемых материалов [1, л. 114–116; 2, л. 154–155].

В принятом на пленуме проекте постановления говорилось, что местные СМИ «с чувством долга и высокой ответственности» восприняли решения XXVII съезда КПСС. В своей работе им было предписано глубже анализировать экономические и социальные процессы, «активно поддерживать все новое и передовое», поднимать волнующие людей проблемы, предлагать возможные пути их решения. Было отмечено, что первые результаты «сложной и нелегкой перестройки» освещаются в СМИ довольно качественно, многие вопросы стали ставиться более остро и конкретно, большее место стало отводиться низовым инициативам трудовых коллективов. Но, как было сказано, далеко не все региональные СМИ смогли должным образом отреагировать на критику со стороны партийного руководства («Читателю, слушателю, зрителю еще нередко предлагаются скучные, заштампованные материалы, в которых уныло перечисляются недостатки и содержатся лишь общие призывы... не изжита инерция мышления, психологическая перестройка идет медленно»). Сетовали в КООСЖ и на допускаемые журналистами неточности, плохую восприимчивость к «живой народной речи». В качестве выхода

из сложившейся ситуации предлагалось «развивать, обогащать, насыщать идеями и делами атмосферу, созданную съездом, вести откровенный, прямой разговор о путях осуществления его решений... Неотступно, смело бичевать все, что стоит преградой на пути нового, прогрессивного – ведомственность, местничество, заорганизованность и особенно бюрократизм», сосредоточиться на практических вопросах, применении мер морального и материального стимулирования журналистов, изменении стиля их работы, усилении критики и самокритики [1, л. 119–123].

22 ноября 1986 г. в Курске состоялась IX отчетно-выборная конференция КООСЖ (в составе которой на тот момент числилось 370 человек), где обсуждались итоги работы за прошедшие два года. Приводя посвященную деятельности СМИ цитату из доклада М. С. Горбачева на XXVII съезде КПСС [19, с. 119], Г. В. Гнездилов хотел подчеркнуть, что она должна иметь, прежде всего, созидательную направленность, СМИ следует вдумчиво, оперативно освещать текущие события, а не просто лишь гнаться за сенсациями [3, л. 5–9]. Вновь поднятые вопросы об изменении содержания информационных программ, «психологической перестройке кадров», должном учете требований времени и запросов публики вызвали в зале довольно бурную дискуссию, результатом которой стало принятие резолюции «Оружием гласности и критики» [2, л. 185–186; 3, л. 10–13, 32–42].

Начиная с Январского Пленума ЦК КПСС 1987 г. к задачам региональных СМИ добавилась пропаганда радикальной экономической реформы, а конкретнее – скорейшего перехода предприятий на полный хозрасчет, коллективный и арендный подряд, организации рабочего самоуправления, а также содействие процессу демократизации советского общества, развитию «гласности» и общественной инициативы [4, л. 1, 4, 7; 17, с. 111–112].

Кроме того, внимание всех работников СМИ в первой половине 1987 г. было приковано к проекту нового Устава СЖ СССР. Главным предложением, внесенным КООСЖ, стало уравнивание организации в правах со всеми остальными творческими союзами (писателей, художников и др.) при сохранении прежних членских взносов [5, л. 2].

Не забывали и о прошлом. Очередной круглой датой, к которой начали готовиться повсеместно, стал 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции. При этом в связи с возросшим интересом публики к политическим процессам Перестройки, социально-экономическим проблемам страны, публикациям на исторические темы многие газеты фактически заменили ими информацию о ходе посвященного юбилею соцсоревнования [5, л. 2], что несколькими годами ранее было бы немыслимо. В качестве альтернативы СМИ было решено подключить к проводимому совместно с Курским областным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры ежегодному конкурсу «Помнить, знать, хранить» [13, л. 39–40], в рамках которого им требовалось создать новые привлекательные рубрики и красочные фотоколлажи. Тем самым, по мнению руководства КООСЖ, они осуществляли задачу воспитания трудящихся «на революционных, боевых и трудовых традициях Коммунистической партии и советского народа, достойного продолжения дела Октября» [5, л. 7–8; 18, с. 197–198].

Вопрос совершенствования работы с массами поднимался в КООСЖ и в следующем году. На собрании первичных организаций многотиражных газет г. Курска (19 августа 1988 г.) в качестве метода усиления «гласности» делегаты озвучили мысль о пользе публикации выдержек из читательской корреспонденции, составления обращений в государственные органы по поводу отмеченных в ней

проблем в работе различных предприятий и учреждений, активизации выставочной деятельности, развитии дискуссии в рамках специальных рубрик [5, л. 104–107].

Видя обилие поступающих от журналистов вопросов, к началу октября 1988 г. КООСЖ подготовила небольшие «Творческие рекомендации» по проблеме освещения радикальной экономической реформы. Основное внимание, согласно данному документу, СМИ следовало уделять грамотному толкованию концепции «ускорения» и положений закона «О государственном предприятии (объединении)» 1987 г., внедрению на производстве полного хозрасчета и арендного подряда, организации самоуправления в трудовых коллективах. Кроме того, им была разослана рекомендация по направлению сотрудников в Дом политического просвещения, Курскую городскую школу повышения профессионального мастерства журналистов на лекции по экономическим вопросам. Помимо прочего, в «рекомендациях» говорилось о том, что публикуемые материалы должны быть «живыми», опираться на интервью с рабочими, колхозниками, учащимися. Значение партии при этом по-прежнему было велико. СМИ не должны были забывать об «авангардной роли коммунистов, партийных организаций, умело направляющих усилия коллективов на более полное использование хозрасчета в цехе, бригаде, на рабочем месте, на ускорение научно-технического прогресса, стимулирование труда, на укрепление дисциплины и порядка» [5, л. 124; 6, л. 71].

Кроме того, региональные СМИ волновали подготовка к предстоящим выборам народных депутатов СССР 1989 г., материально-технические условия издания газет и журналов, состояние полиграфической базы областных типографий, а также возникающие трудности с начислением заработной платы и пенсионным обеспечением журналистов [17, с. 111–112]. Особняком стоял проект Кодекса профессиональной этики советского журналиста, непосредственно затрагивавший представителей данной профессии. Члены КООСЖ высказали ряд своих соображений, основными из которых стали внесение в текст вступительной части Кодекса обязанности заботы о суверенитете Советского Союза, сохранении его экономической независимости и поправка о необходимости получения письменного разрешения автора или интервьюируемого на публикацию созданных им лично или при его участии материалов [5, л. 134–136].

На II пленуме правления КООСЖ (27 января 1990 г.) на основе текущей повестки был сформирован ряд творческих секций, по названиям которых можно понять, чем в то время жила организация: 1) журналистов-очеркистов (Ф. Е. Панов); 2) по освещению вопросов партийной жизни, демократизации и гласности (А. В. Полозков); 3) по освещению вопросов экономической реформы (В. Я. Калинин); 4) по освещению вопросов воспитания человека – нравственности, духовности, культуры, патриотизма (Н. Н. Амелина); 5) по освещению вопросов экологии и охраны окружающей среды (Т. А. Грива); 6) по освещению социальных проблем (В. В. Кулагин); 7) журналистов-сатириков (А. С. Прозоров); 8) по работе с рабселькорами (Л. Г. Гаврилова); 9) фотожурналистов (О. К. Сизов); 10) «пресс-клуб интересных встреч» (Л. Н. Штукина) [7, л. 1–4].

Планом 1990 г., как и ранее, предусматривались проведение творческих конкурсов (по достойной встрече XXVIII Съезда КПСС, конкурс им. М. И. Ульяновой – на лучшую постановку массовой работы, «Экономической реформе и социалистическому соревнованию – внимание прессы»), распределение путевок, пенсионных надбавок и наград. Однако, на тот момент в КООСЖ стала ощущаться финансовая нестабильность. Средств перестало хватать даже для награждения победителей конкурсов. И если раньше для премирования лучших журналистов из фондов КООСЖ выделялось более 1000 руб., то к сер. 1990 г. подобные суммы пришлось урезать более чем в 3 раза – до 300 руб. Весьма

посредственным (без своевременного обновления материально-технической базы) оставалось также полиграфическое оформление многих районных газет, а отсутствие бумаги порой и вовсе задерживало их выпуск.

В связи с этим, специальной комиссии поручили изучить вопрос о создании автономной фотосекции КООСЖ, имевшей право принимать заказы от предприятий, учреждений, кооперативов как самостоятельное юридическое лицо. В условиях роста цен на аппаратуру и фотопленку решать данный вопрос нужно было в сжатые сроки [8, л. 3–5, 12–14]. Кроме того, источником дополнительного заработка, столь необходимого в то время организации, виделся выпуск брошюры с кроссвордами, на ее основе которой впоследствии можно было подготовить собственную газету (она получила рабочее название «Вести») [8, л. 17–18, 34, 44].

На III пленуме правления КООСЖ (7 июня 1990 г.) помимо традиционных вопросов рассматривался казус, связанный с поездкой редактора льговской районной газеты «Ленинский путь» на семинар в Литву. По ее словам, само мероприятие было спланировано таким образом, чтобы донести до журналистов мнение местного отделения КПСС и ничего более («...дискуссия не получилась и была проведена скорее для “галочки”, как один из пунктов программы, и прошла без учета мнения присутствующих»). Доклад редактора был весьма противоречив, поскольку с одной стороны в нем отмечалось, что «бурных процессов» в республике нет, и даже после введения многопартийности участники политического процесса «уживаются между собой довольно мирно», но в то же время большую популярность получают газеты «народных фронтов», некоторые передачи местного радио и телевидения, «методично настраивающие население против русских» [7, л. 10–11].

Знаковым событием стало обсуждение инициативы создания Союза журналистов РСФСР (далее – СЖ РСФСР), организованное в рамках IV пленума правления КООСЖ (4 сентября 1990 г.). Дискуссия развернулась вокруг событий в столице, где проходил общероссийский съезд работников СМИ. Москва и Ленинград, ко всеобщему изумлению, делегатов на него решили не направлять. Представители регионов тогда колко заметили, что если ранее столичные организации «жили на дотации, то в последнее время стали зарабатывать деньги и даже валюту, поэтому делиться своими средствами им, вероятно, не хочется...». Участники пленума приняли решение одобрить работу курских депутатов на съезде и в том же составе отправили их на новое заседание по вопросу принятия Программы и Устава СЖ РСФСР [7, л. 14–15].

Вторую часть заседания составили вопросы, связанные с работой СМИ в новых экономических условиях, а фактически – в рамках стремительно развивающейся коммерциализации [16, с. 179]. Было решено усилить внимание к проведению в Курской области денежно-вещевой лотереи, увеличить пенсии для нынешних и бывших членов КООСЖ. На 1 ноября 1990 г. совместно с ТАСС в Курской области было запланировано открытие фотовыставки «Россия – Родина моя», реклама которой также позволяла изыскать дополнительные финансовые средства [7, л. 16–18].

Разногласия среди участников пленума проявились при обсуждении вопроса о продолжении издания информационного вестника «Курские новости», траты на который достигли 1 920 руб. в год. Редактор многотиражной газеты «Автомобилист» задала тогда всем присутствовавшим вопрос, что называется, в лоб: «Есть ли смысл поддерживать эту халтуру?». Часть зала сразу же предложила ликвидировать данное СМИ, на что другая стала им оппонировать, доказывая, что вестник является хорошим подспорьем для районных газет, позволяет оперативно (дважды в месяц) информировать их о событиях в регионе. Вопрос был поставлен

на голосование, 7 членов правления высказались за продолжение, большинство – против. С 1 января 1991 г. выпуск «Курских новостей» было решено прекратить. В качестве же альтернативы прозвучали предложения разной степени адекватности: от издания информационно-рекламной газеты КООСЖ (по опыту брошюры с кроссвордами) до создания собственного издательского дома, который способен был бы составить конкуренцию Союзпечати [7, л. 16–18].

Проблемным стал и вопрос ежегодной подписки на газеты и журналы. Осенью 1990 г. уже появились подписные каталоги, но с ними крайне тяжело было работать ввиду того, что часть изданий уже прочувствовала на себе начало перехода к рыночной экономике и была вынуждена резко сокращать тиражи и, соответственно, оперативно вносить изменения в каталоги [17, с. 112]. КООСЖ на фоне напряженной ситуации с финансами (Союзпечати все еще отчислялось более 50 % выручки), недопоставок бумаги и резкого повышения цен на полиграфическую продукцию тоже приняла решение сократить подписку на газеты и журналы на 30–40 % к уровню прошлого года. Помимо прочего, стали наблюдаться перебои с доставкой газет. Одним из участников пленума даже было предложено привлечь школьников, в рамках уроков общественно полезного труда и выплаты небольшого материального вознаграждения, а также накладывать штрафы на почту в случае жалоб со стороны подписчиков [7, л. 18].

Вопрос обособления российских журналистов от крупных союзных структур стал главной темой V пленума правления КООСЖ (6 декабря 1990 г.). Выступая с докладом, В. И. Мусияченко заявил, что новый российский союз, в отличие от СЖ СССР, был организован на демократических началах, как независимая, самоуправляемая, профессионально-творческая организация. Делегация от Курской области, участвовавшая в принятии Устава, подписала на учредительном съезде договор о вхождении КООСЖ в состав СЖ РСФСР. Пленум ратифицировал данный документ, и после решения технических вопросов о расширении рабселькоровского движения, финансировании ряда своих программ, завершил работу. Весьма примечательно, что после этого для участников была уже во второй раз организована торговля книгами и трикотажными изделиями (работать в новых условиях приходилось не только журналистам) [7, л. 20–21].

Решением Курского облисполкома от 20 декабря 1990 г. № 308 было официально зарегистрировано новое СМИ, принадлежавшее КООСЖ – газета «Пресс-панорама» (те самые потенциальные «Вести»). Предполагалось, что минимальный объем издания составит 1 печатный лист, оно будет выпускаться ежемесячно и распространяться по всей территории региона. В качестве программных целей и задач было указано, что газета будет «способствовать возрождению русской национальной культуры, народных традиций, нравственному воспитанию общества». За регистрацию и выдачу свидетельства был уплачен сбор в размере 50 руб. [9, л. 3–4; 14, л. 77].

К концу 1990 г. в Курской области на базе КООСЖ был образован Совет ветеранов журналистики, объединивший 130 работников СМИ пенсионного возраста. Возглавил организацию В. Д. Попов. Среди основных ее целей значилось: осуществление доплат к пенсии всем неработающим журналистам-пенсионерам, чествование юбиляров, встречи на праздничных и памятных мероприятиях, оказание материальной помощи попавшим в больницу, семьям почивших [9, л. 11].

25 апреля 1991 г. было утверждено Положение о лекторской группе при КООСЖ. Поскольку журналистам постоянно приходилось выступать перед трудовыми коллективами, учащимися и сотрудниками образовательных организаций, личным составом воинских частей, собраниями равнодушных граждан, рассказывать им об актуальных проблемах внутренней и внешней

политики, состоянии экономики, культурных событиях и пр., было решено пересмотреть документы, регламентирующие данный процесс ранее. В новой редакции Положения указывалось, что подобные мероприятия могут иметь эпизодический характер либо же представлять собой циклы определенной тематической направленности. Лекторская группа должна была состоять из опытных, имеющих способности к публичным выступлениям сотрудников КООСЖ, и осуществлять свою деятельность по принципу самокупаемости. С предприятием или организацией, заинтересовавшимся данным просветительским проектом, заключался договор, где прописывались количество лекций и их стоимость. 70 % от получаемого дохода направлялось на гонорары для лекторов, оставшиеся 30 % поступали на счет КООСЖ. Кроме того, при условии заключения отдельного договора, в состав лекторской группы могли включаться и сторонние лица [11, л. 1–2].

9 сентября 1991 г. председатель правления КООСЖ А. П. Щигленко обратился с письмом к первому заместителю председателя Курского облисполкома В. И. Шутееву, высказав просьбу о выделении дополнительных помещений для организации. В условиях рыночной экономики денежные средства она должна была зарабатывать самостоятельно, но при наличии лишь двух небольших комнат в здании редакции «Курской правды» развернуть активную коммерческую деятельность не представлялось возможным. По его словам, площадь служебных помещений, как для кабинетов сотрудников, так и для вновь организуемой фотостудии, должна была составлять не менее 200 м². Нужны были также хозяйственный склад и гараж на 2–3 служебных автомобиля. Решение данной проблемы, по мнению А. П. Щигленко, позволило бы КООСЖ в новых политических условиях, возникших после Августовского путча, стать координатором деятельности всех региональных СМИ в рамках современного российского законодательства, а также открыло бы перед курской прессой новые возможности в деле содействия социально-экономическому развитию региона [12, л. 1].

21 ноября 1991 г. аффилированное с КООСЖ информационное агентство «Пресс-факт» стало соучредителем детско-юношеской газеты «Пеликан». Совместно с благотворительной организацией «Центр творческого диалога детей и взрослых» и за счет добровольных пожертвований оно планировало пропагандировать на страницах издания идеи миротворчества и мира между народами, освещать деятельность детских организаций Курской области и организаций их сверстников за рубежом. Периодичность выпуска должна была составить 1 экз. в неделю, объем – от 8 до 16 страниц формата А3, тираж – 5 тыс. экз. [15, л. 41].

На пленуме Курской областной организации СЖ РСФСР, состоявшемся 26 ноября 1991 г., был принят новый Устав, не только изменивший ее название, но и затронувший ее внутреннюю структуру, основные функции. В данном документе подчеркивалось, что Курский областной Союз журналистов (далее – КОСЖ) – это организационно и экономически самостоятельная, самоуправляемая, независимая от государственных органов, политических партий, других общественных объединений и не подотчетная им творческая организация работников СМИ Курской области. КОСЖ становился правопреемником регионального союза журналистов, сохраняя при этом свое членство в СЖ РСФСР и объединяя под своим руководством первичные организации и профессионально-творческие ассоциации СМИ, отдельных энтузиастов и ветеранов печати [10, л. 1–3].

Согласно новым правилам КОСЖ должен был строить свои отношения с иными объединениями работников СМИ исключительно на договорной основе.

Главным принципом деятельности организации стала приверженность демократическому плюрализму, гласности, свободе слова и печати, всестороннему развитию журналистики. Важными задачами КОСЖ были провозглашены строительство демократического правового государства, отстаивание профессиональных прав журналистов, их социальных и экономических интересов, чести и достоинства, содействие в подготовке новых кадров для редакций газет, радио и телевидения, повышении квалификации действующих специалистов, создание благоприятных условий для реализации их творческих возможностей, улучшение их медицинского обслуживания, жилищных и бытовых условий [10, л. 3].

Демократические принципы в организации выражались главным образом в том, что в нее можно было вступить лишь добровольно и также по своему желанию ее покинуть. В работе руководящих органов КОСЖ (областная конференция, пленум, президиум правления, ревизионная комиссия) предусматривались солидарность, коллегиальность и гласность, уважение мнения меньшинства. В состав первичных организаций должно было входить не менее 3 чел., некоторые из них могли объединять сразу несколько однопрофильных СМИ. Все они обладали правом юридического лица, могли самостоятельно заниматься производственно-хозяйственной деятельностью, открывать банковские счета, даже учреждать собственные СМИ [10, л. 4, 6–7].

Профессиональные журналисты, проработав два года и более в СМИ, могли претендовать на статус члена КОСЖ. Условием вступления в союз также были подача личного заявления и двух рекомендаций от его действующих членов. Кандидат обязывался участвовать в работе первичных организаций, строго соблюдать принципы профессиональной этики, регулярно платить членские взносы в размере 10 руб. (для ветеранов печати – 2 руб. 50 коп.), а также «не допускать действий, наносящих ущерб общественному авторитету КОСЖ, его экономическим и иным интересам». Вместе с тем, он получал право на материальную помощь со стороны организации, а также возможность покупки выпускаемых ею акций и иных ценных бумаг. За нарушение правил первичная организация или президиум КОСЖ могли объявить ему предупреждение, а при условии повторения подобных действий – приостановить членство на срок до одного года или исключить из организации.

После реорганизации КОСЖ также получил возможность открывать собственные счета в отечественных и иностранных банках, выпускать ценные бумаги, создавать коммерческие предприятия (издательско-полиграфические, по производству оргтехники, сувениров и иных товаров народного потребления, рекламные агентства). В его собственность перешли все контролируемые им ранее здания и сооружения, жилищный фонд, имеющиеся техническое оборудование и хозяйственный инвентарь. Региональному союзу журналистов было предоставлено право заниматься издательской деятельностью и реализацией изготовленной продукции, вести собственное строительство, организовывать радио- и телепередачи, культурно-просветительские и театрально-зрелищные мероприятия, выставки и ни много ни мало внутрисоюзный и международный туризм [10, л. 9–10].

За годы Перестройки Курская областная организация Союза журналистов прошла непростой путь от своеобразного посредника между властью и СМИ, разъяснявшего последним что, как и где следует писать, организатора конкурсов профмастерства и курсов повышения квалификации, до одного из главных региональных рупоров процесса обновления советского общества. И пусть здесь не обошлось без кампанейщины, чрезмерной увлеченности «гласностью», погони за сенсациями, курское журналистское сообщество получило тогда ценный опыт

деятельности в условиях постепенного расширения демократии. Преобразование местных печатных изданий, радио и телевидения в полноценные СМИ, мало зависящие от партии или государства, с одной стороны открыло ряд возможностей, которые ранее трудно было себе представить, но также и породило ряд проблем, остро вставших перед ними в 1990-е гг.: отсутствие финансирования и вынужденное сокращение тиража и кадров, жесткая конкуренция на рынке, где начался процесс формирования крупных издательских домов и медиахолдингов, уход многих читателей и зрителей, вызванный нередкой подтасовкой фактов и прямым враньем, выгодным тем или иным политическим акторам. В этих условиях, творческая поддержка журналистов со стороны КОСЖ, его социальные программы стали для многих если не спасательным кругом, то, как минимум, надежным подспорьем в деле выживания в новой экономической и политической реальности.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-651. Оп. 1. Д. 49.
2. ГАКО. Ф. Р-651. Оп. 1. Д. 50.
3. ГАКО. Ф. Р-651. Оп. 1. Д. 52.
4. ГАКО. Ф. Р-651. Оп. 1. Д. 56.
5. ГАКО. Ф. Р-651. Оп. 1. Д. 57.
6. ГАКО. Ф. Р-651. Оп. 1. Д. 58.
7. ГАКО. Ф. Р-651. Оп. 1. Д. 59.
8. ГАКО. Ф. Р-651. Оп. 1. Д. 60.
9. ГАКО. Ф. Р-651. Оп. 1. Д. 62.
10. ГАКО. Ф. Р-651. Оп. 1. Д. 64.
11. ГАКО. Ф. Р-651. Оп. 1. Д. 66.
12. ГАКО. Ф. Р-651. Оп. 1. Д. 67.
13. ГАКО. Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 270.
14. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 3929.
15. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 3977.
16. Дорожинская Д.Ю. Курская общественно-политическая журналистика в XX в. От свободной к «заштампованной прессе» // Мировая наука. 2020. № 6 (39). С. 172–181.
17. Драгунов А.В., Павлова Н.О. Роль Союза журналистов в становлении демократической прессы в Челябинской области в конце XX столетия // Вестник ЮурГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 110–113.
18. Коровин В.В., Белозеров Д.А. Из истории организационной и общественно-политической деятельности Курского областного отделения Союза журналистов СССР в 50–60-е годы XX столетия // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 6 (51). С. 197–201.
19. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.
20. Салимов М.Ш. Десять лет из истории нашего Союза (Опыт деятельности творческой организации журналистов Башкортостана в конце XX – начале XXI века) // Журналист. Социальные коммуникации. 2018. № 4 (32). С. 17–31.

**«ТРИ ДНЯ И ТРИ НОЧИ»: АВГУСТОВСКИЙ ПУТЧ 1991 г.
И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНЫХ
И РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Августовский путч – тема крайне дискуссионная в российском политико-правовом поле, публичном пространстве и историографии. Связано это с рядом обстоятельств, на которых нельзя не остановиться, стремясь понять события тех дней и их роль в истории как Российской Федерации, так и остальных постсоветских республик.

В качестве первой причины подобного разброса мнений обычно выделяют острый идеологический конфликт между сторонниками Государственного комитета по чрезвычайному положению (далее – ГКЧП) и избранного в июне 1991 г. Президента РСФСР Б. Н. Ельцина [4, с. 126–127], последствия которого ощущаются и сегодня. От научных публикаций и мемуаров непосредственных участников до заметок в газетах и интервью на телевидении – везде можно наблюдать весьма острые дискуссии, попытки выяснить истинные цели и мотивы каждой из противоборствующих сторон. И, судя по всему, данная проблема еще долго будет предметом обсуждений как в медиапространстве, так и в научных кругах, поскольку обращаться к ней, не прибегая к тем или иным идеологическим трактовкам, весьма затруднительно, если вообще возможно [35, с. 111; 58, с. 148].

Вторая причина кроется в том, что в ходе Августовского путча и сразу же после его окончания значительная часть входивших в состав СССР союзных республик обрела независимость и пошла своим путем. Особенности последовавшего за этим политического и культурного развития данных государств сильно сказались на их отношении к событиям лета 1991 г. [35, с. 111]. Часть бывших партийных функционеров и сторонников ГКЧП оказалась попросту ненужной новой власти. Где-то, как в странах Балтии, им на законодательном уровне запретили участвовать в политике, в иных местах, например в Центральной Азии, они напротив стали составной частью новой государственной машины и приближенных к ней олигархических кланов. Некоторые и вовсе так до конца и не определились с тем, могло ли успешное завершение заговора принести какие-то положительные результаты, что и предопределило весьма противоречивое отношение к путчу.

И, наконец, третьей причиной послужило то, что во время августовских событий каждая из сторон обладала, несмотря на наложенные путчистами ограничения, особыми инструментами для выражения собственной позиции – полностью или частично подконтрольными им средствами массовой информации (далее – СМИ) [61, с. 12–13]. Благодаря СМИ, существенно видоизменившимся за годы Перестройки, вся страна получила возможность оперативно следить за событиями, разворачивающимися в столице. Прильнув к телеэкрану, взяв в руки свежий номер газеты, включив радиоприемник, рядовой советский гражданин мог почерпнуть оттуда всю актуальную информацию. Во многом это, в совокупности со сложившейся к тому времени тяжелой социально-экономической ситуацией, побудило их действовать, выходить на улицы и всеми силами противодействовать путчу, либо же напротив, публично осуждать сторонников Ельцина, призывая к скорейшему наведению порядка в стране «железной рукой» [37, с. 41–42].

Чтобы понять, какая картина возникла в те жаркие летние дни перед глазами обычных советских граждан, проживавших как в самой столице, так и за ее пределами, мы решили взглянуть на выпуски новостей, отдельные информационные сводки и политико-аналитические передачи Центрального телевидения (далее – ЦТ) и Всесоюзного радио, их региональные аналоги, статьи в периодической печати, опубликованные в течение самого Августовского путча и нескольких дней после его окончания.

19 августа 1991 г., начиная с шести часов утра по московскому времени, Всесоюзное радио начало транслировать заявление ГКЧП [1, с. 18–20], где сообщалось, что М. С. Горбачева ввиду «невозможности, по состоянию здоровья, исполнения им обязанностей Президента СССР» временно заменит вице-президент Г. И. Янаев. Было заявлено о необходимости «принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе», а именно: о введении в отдельных местностях страны чрезвычайного положения сроком на шесть месяцев, признании верховенства Конституции и законов СССР над нормативно-правовыми актами республик, создании ГКЧП в составе восьми человек и основных принципах его деятельности. Вслед за этим в эфир было передано «Обращение к советскому народу», основной посыл которого состоял в том, что Перестройка не смогла достичь намеченных целей, а результатом проведения реформ стало то, что доверие народа к институтам государственной власти было сильно подорвано, а страна фактически потеряла управляемость. Политики стали заботиться исключительно о своих собственных интересах, не считаясь с мнением простых граждан, наплевали на результаты Всесоюзного референдума, взяв курс на ликвидацию Советского Союза. Играя на национальных чувствах, они искалечили множество судеб советских людей, всех тех, кто еще вчера жил единой семьей, а сегодня участвует в вооруженных конфликтах, зачастую по разные стороны баррикад. Хаотичное движение к рынку, «война законов» и поощрение центробежных тенденций привели к росту сепаратизма, разрастанию теневой экономики, усилению товарного дефицита, резкому падению уровня жизни советских людей, разрушению единого народнохозяйственного механизма СССР [28].

Не стояли в стороне и противники госпереворота – спустя несколько часов после появившихся в СМИ сведений об объявлении чрезвычайного положения в Доме Советов РСФСР ими были организованы небольшие радиоточки, передававшие сквозь глушилки только что подписанные президентские указы, воззвания и решения российского правительства. От станции к станции, на самых разных диапазонах и радиоволнах передавались тексты, в которых действия ГКЧП обозначались как незаконные, противоречащие Конституции СССР, нарушавшие базовые права и свободы граждан [21, с. 2–4]. Внесли свой вклад в борьбу за демократию и созданные недавно радиостанции «Эхо Москвы», «Радио России» и др. [33, с. 146]. Уже в восьмом часу утра 19 августа многие жители столицы услышали, что к городу приближаются танковые колонны, после чего вещание было прервано совместными усилиями МВД и КГБ. Под давлением народных депутатов и по причине нежелания властей и части силовиков в дальнейшем участвовать в судебных заседаниях по искам о срывах коммерческих договоров на следующий день оно возобновилось, но лишь на несколько часов. Нечто подобное повторилось с разными временными промежутками со всеми радиостанциями и 21-го числа.

Одновременно со всесоюзным радио первые официальные заявления вице-президента СССР и постановления ГКЧП начали с интервалами во времени зачитывать в телеэфире. Особое внимание людей при этом привлекли балет

П. И. Чайковского «Лебединое озеро», бесконечная трансляция которого велась между выпусками теленовостей, и художественный фильм «Три дня и три ночи», снятый в Румынии в 1976 г. и планировавшийся к показу в тот день, чье название удивительным образом совпало с хронологическим периодом геспереворота. Оба впоследствии стали в глазах людей главными символами произошедшего Августовского путча.

В 17:00 по Москве того же дня по инициативе путчистов, как оказалось, не порвавших полностью с политикой «гласности», в специальном помещении МВД была организована пресс-конференция, на которую пригласили представителей крупных советских и международных СМИ. Трансляция мероприятия осуществлялась по ЦТ и за один час, которым располагали члены ГКЧП, собрала огромную аудиторию численностью примерно 150 млн чел. Председательствовавший на встрече Г. И. Янаев, обращаясь к советскому народу и мировой общественности, заявил о сложившемся в Советском Союзе политическом и экономическом кризисе и о готовности со стороны комитета принять «самые серьезные меры» по скорейшему выходу из него. В качестве главных положений прозвучало следующее: 1) введение «в отдельных местностях» страны чрезвычайного положения (в Москве сопровождавшегося вводом военной техники без применения силы в отношении гражданского населения), приостановка деятельности ряда СМИ; 2) проведение широкого всенародного обсуждения проекта нового Союзного договора, сохранение всех международных обязательств страны после его подписания; 3) усиление борьбы с преступностью и спекуляциями, падением жизненного уровня населения; 4) продолжение курса перестроечных реформ, осуществление перехода к рыночной экономике, развитие многоукладного характера народного хозяйства и частного предпринимательства; 5) решение продовольственной и жилищной проблемы путем «экстренных мер по спасению урожая», проведения «инвентаризации всего того, что есть в стране»; 6) восстановление трудовой дисциплины и порядка, поднятие уровня производства; 7) прекращение межнациональных конфликтов и «восстановление вековой дружбы в единой семье братских народов»; 8) защита прав человека [55].

Одновременно Г. И. Янаев отметил, что озвученный Б. Н. Ельциным призыв к всеобщей забастовке в столь сложный для страны час «безответственен», и подчеркнул, что подобная «попытка политической игры», в конечном счете, лишь навредит простым людям. Детальнее осветить кризисную ситуацию ему помог другой член ГКЧП В. А. Стародубцев, заявивший, что с начала 1991 г. колхозно-совхозное крестьянство страны «находится на грани катастрофы», нарушился ценовой паритет между городом и деревней, отсутствует возможность достать необходимые детали для ремонта сельскохозяйственной техники и иные товары бытового назначения. На вопрос корреспондента итальянской газеты о правомерности введения чрезвычайного положения в СССР Г. И. Янаев ответил, что 27 августа 1991 г. планируется созвать Верховный Совет СССР (далее – ВС СССР) для подтверждения полномочий ГКЧП. Журналисту «Аргументов и фактов» по проблеме временной приостановки деятельности и возможного закрытия ряда печатных СМИ новая власть заявила о необходимости их «перерегистрации», поскольку «в том хаосе, в котором оказалась страна, в значительной степени повинны и некоторые СМИ». На довольно резкое выражение корреспондента «Независимой газеты» о том, понимают ли члены ГКЧП то, что они совершили государственный переворот, и с каким из переворотов, 1917 или 1964 гг., его лучше сравнивать, Г. И. Янаев ответил, что комитет «опирается на конституционные нормы» и будет ждать решения ВС СССР, а по поводу сравнений – что они «некорректны», и проводить их в принципе «довольно опасно». От ответа на вопрос

о возможном введении цензуры после «перерегистрации» члены ГКЧП уклонились [1, с. 51–53].

Атмосфера быстро накалялась, и следующий вопрос последовал от корреспондента латиноамериканской газеты, который поинтересовался, почему нет никакой официальной информации о состоянии здоровья М. С. Горбачева, получали ли члены комитета его согласие на проведение всех этих мероприятий, а также «просили ли они совета при составлении документов у Аугусто Пиночета». Один из членов ГКЧП тогда даже перебил начавшего было говорить Г. И. Янаева и попросил воздерживаться от эмоций, «потому что это у нас пресс-конференция». Вице-президент СССР вслед за ним заявил, что медицинское заключение о состоянии здоровья М. С. Горбачева в скором времени будет опубликовано (при ответе на следующий вопрос он также добавил, что как только президент поправится, он «с удовольствием встретится с журналистами, представителями СМИ»), а утверждение о том, что члены комитета «отняли власть у президента», он опроверг и заявил о том, что сам он лишь временно, в соответствии с конституционными нормами, будет исполнять его обязанности (при этом спустя примерно 15 минут он повторил слова одного из членов ГКЧП, что данная структура «была создана сегодня ночью» и сказал, что президент М. С. Горбачев «понимает и поймет нас, что, действительно, в тот момент, когда страна находится в критической ситуации, мы должны будем найти какие-то эффективные меры по выводу страны из этой критической ситуации») [1, с. 47, 53–55].

Чуть позднее Г. И. Янаев вновь обратил внимание присутствующих на российское руководство, «призывающее к неповиновению и строительству баррикад», и заявил, что подобные действия могут привести в дальнейшем к «организации вооруженной провокации», вину за которую оно целиком возложит на ГКЧП [1, с. 57]. На вопрос редактора журнала «Вопросы истории КПСС», в котором тот выразил сомнение в безоговорочной поддержке обществом решений комитета («в противном случае вы окажетесь полководцем без армии»), Г. И. Янаев ответил, что с руководством КПСС данные темы пока не обсуждались, но они опираются на общественные настроения, поскольку сам «народ требует наведения элементарного порядка в стране». Позднее он же пояснил, что по мере нормализации ситуации в стране будут проведены прямые выборы Президента СССР вместо передачи его полномочий обратно М. С. Горбачеву. Впрочем, последовавшее за этим предложение по «расследованию фактов его деятельности» Г. И. Янаев категорически отверг, сказав: «...М. С. Горбачев сделал неизмеримо много для того, чтобы те процессы демократические, которые начались в стране в 1985 году... это человек, который заслуживает всяческого уважения, а, извините, не расследования, он не государственный преступник, это человек, который сделал все для того, чтобы мы встали вот на этот демократический путь». Пока же ГКЧП, по словам министра внутренних дел Б. К. Пуго, в составе восьми человек «будет принимать решения консенсусом» и кооптировать в его состав новых членов (одним из выступавших журналистов была предложена кандидатура Председателя ВС СССР А. И. Лукьянова) не планирует [1, с. 58–61].

19 августа, в 21:00 по московскому времени, в эфир вышел выпуск новостной программы «Время», где помимо очередного дублирования принятых ГКЧП документов были представлены краткие выдержки с пресс-конференции, а также показано небольшое интервью с комендантом Москвы Н. В. Калинин. В нем тот заявил журналистам, что необходимости во введении комендантского часа в столице на данный момент нет, но все будет зависеть от оперативной обстановки. Кроме того, люди увидели кадры с улиц столицы, где граждане общались с дислоцированными в различных частях города военными. Что интересно, в эфир

попали кадры с размещением на одном из танков российского триколора, плакатом «Долой ГКЧП» на баррикаде из автобусов, прозвучал и обрывок фразы с митинга: «...в России началась бессрочная забастовка, забастовка политического протеста!». Вторая половина программы и вовсе поражает воображение, поскольку там было показано начало выступления Президента РСФСР, в котором тот квалифицировал действия ГКЧП как государственный переворот. Далее шли кадры того, как сторонники Ельцина формировали заслоны на дорогах столицы, ведущих к Белому Дому. Журналисты сообщали и о прошедшем во второй половине дня митинге на Исаакиевской площади в Ленинграда, где руководство города обратилось к гражданам с призывом к защите «всего того лучшего, что было достигнуто в годы Перестройки». Диктором было отмечено, что ГКЧП в отношении действий российской власти решил для начала отделаться предупреждением. Ближе к концу выпуска рассказывалось о ситуации в Прибалтике, Молдове и других союзных республиках, где местные власти призывали народ к ненасильственному сопротивлению новому органу высшей государственной власти в СССР, или же наоборот, к широчайшей поддержке его решений [11].

20 августа 1991 г. в 21:00 очередной выпуск «Времени» начался с сообщения общего характера о принятых Кабинетом министров СССР решениях по выводу страны из кризиса. Далее включили репортаж о военном положении в Москве, где говорилось о том, что если вчера армейские контингенты «возбуждали нервозность и даже страх», то к настоящему моменту все «начинают понимать, что войска необходимы как гарантия всеобщей безопасности». Несколько интервью взяли и у простых горожан из Красноярска и Тбилиси, отобрав для показа в эфире те, где местные жители высказались о ГКЧП довольно комплиментарно. Сказано было и о «не очень спокойной обстановке» в странах Прибалтики, Молдове, Нагорном Карабахе, переданы заявления «Комсомольской правды» и Союза журналистов СССР о необходимости сохранять спокойствие. Вместе с тем, на 20-й минуте передачи комендантом города Москвы было объявлено о введении в столице комендантского часа с 23:00 до 05:00 «для предупреждения дальнейшей эскалации противоправных действий». Ближе к концу прозвучал текст Постановления № 4, которым путчисты предписали Гостелерадио СССР строго руководствоваться в своей деятельности официальными документами ГКЧП и наделили его полномочиями по приостановке или отмене решений местных телерадиокомитетов (многие из которых выступили против переворота), а также ограничили перечень транслируемых им программ (допускались по телевидению – 1-я, 2-я и 3-я, по радио – с 1-й по 4-ю) [12].

Первый день путча выпал на понедельник, когда новые номера газет не выходили. Следующие же двое суток буквально изобилуют самой разной информацией. Если взять центральные государственные и партийные издания за 20 августа 1991 г., к примеру «Правду» или «Известия», то здесь на первых полосах были помещены тексты звучавших по радио «Заявления советского руководства» [27, с. 1], «Обращения к советскому народу» [41, с. 1], «Обращения к главам государств и правительств и генеральному секретарю ООН» [65, с. 1] вице-президента Г. И. Янаева, где объяснялись причины введения в СССР чрезвычайного положения и передачи власти членам новообразованного комитета, главные документы ГКЧП (Постановления № 1–3, вводившие режим ЧП, приостановившие деятельность независимых политических партий, общественных движений, СМИ (в список разрешенных вошли: «Труд», «Рабочая трибуна», «Известия», «Правда», «Красная звезда», «Советская Россия», «Московская правда», «Ленинское знамя», «Сельская жизнь»), ограничившие перечни транслируемых теле- и радиопрограмм, установившие верховенство Конституции СССР и его законов над нормативно-

правовыми актами союзных республик, обязавшие граждан сдавать хранящееся незаконно оружие, запретившие проведение митингов, шествий, демонстраций и забастовок, восстанавливавшие хозяйственные связи между предприятиями, вводившие режим строгой экономии материально-технических ресурсов, усилившие административные и уголовные наказания за коррупцию, спекуляцию, хищениями, сокрытие товаров от продажи, предполагавшие проведение всеобщей инвентаризации пищевой продукции и промышленных изделий с целью организации последующего их распределения, заморозку или снижение цен на социально необходимые товары, принятие мер по спасению урожая ввиду «угрозы голода», ускорению жилищного строительства и развитию бесплатного медицинского обслуживания [51, с. 1; 52, с. 2; 53, с. 1]), материалы прошедшей пресс-конференции ГКЧП [9, с. 2–3; 37, с. 39]. Следом за ними шли рассказы очевидцев о событиях 19 августа в столице и центрах союзных республик [2, с. 2; 30, с. 3; 43, с. 2], призванные несколько успокоить общество, перепечатанные материалы ТАСС [5, с. 2], и, на удивление, небольшая заметка о позиции российского руководства, его призыве к всеобщей бессрочной забастовке и противодействию «незаконно» образованному комитету [50, с. 3].

Газеты и журналы, выпуск которых был ограничен упомянутым выше постановлением ГКЧП (в числе одиннадцати периодических изданий: «Московский комсомолец», «Российские вести», «Российская газета», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Коммерсантъ» и др.) не стали молчать, и 20 августа 1991 г. выпустили 1-й номер т. н. «Общей газеты», где на лицевой стороне поместили ряд статей с критикой заговорщиков и призывом к остановке совершавшегося в стране государственного переворота. Так, в статье «Роковой час» за авторством Б. Н. Ельцина высказаны прямые обвинения в адрес В. С. Павлова, Д. Т. Язова, Б. К. Пуго, В. А. Стародубцева за допущенные ошибки, разгон инфляции и иные экономические проблемы СССР, стремление задушить свободу слова [23, с. 1]. Две другие публикации и вовсе были призывом к действию. В заявлении главных редакторов объединившихся газет последние отказались выполнять антиконституционные постановления ГКЧП, решившего, по их словам, «восстановить в стране карательный режим», и призвали всех граждан объединиться «ради защиты демократии» [22, с. 1]. Статья с символическим названием «Что делать?» стала ответом на сотни звонков, поступивших в редакции газет 19 августа. Людей настраивали на то, чтобы они ни в коем случае не исполняли «преступные приказы» ГКЧП. Авторы говорили гражданам о том, что власть заговорщиков держится лишь на их страхе, что «история не знает примеров, когда спокойствие и порядок устанавливались бы при помощи танков и пулеметов», применение же насилия против народа способно породить лишь хаос [63, с. 1].

Печать последнего дня путча и вовсе поражает воображение подробными описаниями протестных акций у Белого Дома (на тот момент Дома Советов РСФСР), выступлений Б. Н. Ельцина, вице-президента РСФСР А. В. Руцкого, где те прямо осуждали путчистов, требовали немедленно организовать встречу М. С. Горбачева с руководством России [14, с. 1; 45, с. 2; 57, с. 1]. Хотя многие статьи этого дня и оставались весьма комплиментарными в отношении «нового советского руководства», даже в них прослеживается то, что далеко не все люди были довольны текущим положением дел [37, с. 39]. Подтверждением этих слов служит, в частности, то, что по стране стремительно начали распространяться разного рода слухи о зреющем мятеже в Советской Армии или возможном убийстве М. С. Горбачева [7, с. 2; 38, с. 2; 56, с. 4]. Заслуживает интереса и раздел с иностранной хроникой, посвященный реакции зарубежных правительств и международных организаций на события в СССР. Если ФРГ и НАТО, к примеру,

вели себя весьма сдержанно и лишь выражали надежду, что «новое советское руководство» будет неукоснительно соблюдать свои международные обязательства, то в Вашингтоне, Лондоне, Париже активно выступали с осуждением государственного переворота и даже давали собственный прогноз, согласно которому ввиду усиливающихся экономических проблем и общественного недовольства сворачиванием демократических преобразований ГКЧП уже в ближайшие дни может утратить свою власть [32, с. 4; 46, с. 4].

Сместимся же теперь на уровень ниже, чтобы понять, как описанные выше события были восприняты в регионах. Однако начать здесь желательно с телевидения. В самом начале путча председатель Курского телерадиокомитета (далее – КТРК) В. И. Денисенко, будучи сторонником демократических преобразований, занял довольно решительную позицию. Ранним утром 19 августа, сразу же после публикации первых документов ГКЧП и его заявления по ЦТ, он обратился к председателю областного Совета народных депутатов с просьбой незамедлительно выступить с обращением к населению по поводу происходящих событий, однако в ответ последовало лишь молчание. Как он позднее вспоминал, не обратился тогда в КТРК ни один народный депутат СССР или РСФСР от Курской области, ни один сотрудник обкома или горкома КПСС. Поскольку прямого выхода в эфир у курского телевидения не имелось, сообщения, содержавшие обращение и указ Президента РСФСР Б. Н. Ельцина с критикой действий заговорщиков, было решено передать по радио вечером того же дня [15, л. 4–4 об.]. Трансляцию ЦТ, где попеременно шли выпуски программы «Время» и балет «Лебединое озеро», было решено не прерывать.

На второй день после объявления «в отдельных местностях» СССР чрезвычайного положения, 20 августа 1991 г., курское телевидение начало выпускать в эфир не только официальные сообщения ГКЧП, но и небольшие, завизированные представителем областного Управления по охране государственных тайн в печати и других СМИ (ОблУОТом), информационные сводки собственного производства. В таких передачах, как правило, населению сообщали о причинах введения особого режима, за которым следовал целый ряд ограничений, рассказывали о текущей деятельности редакционных отделов СМИ и местного руководства в лице Советов народных депутатов [16, л. 229–230]. Примечательно, что риторика такого рода сообщений была весьма сдержанной и не содержала призывов ко всемерной поддержке или жесткому противодействию новообъявленному руководству СССР. Сразу же после них эфир заполняли уже ставшие традиционными репортажи о событиях регионального масштаба, экономических реформах, культурных мероприятиях и повседневной жизни региона [16, л. 231–242].

В состоянии своего рода «анабиоза» местное телевидение пребывало вплоть до окончания путча. Выходившие в те дни документы областного и городского Советов в эфир не пропускали, поскольку те «не соответствовали указам президента России». Материалы же с критикой действий ГКЧП приходили из Москвы с большим опозданием, поэтому их публикацию сочли нецелесообразной. 21 августа неловкое молчание прервало Бюро Курского обкома КПСС, откуда в редакцию пришло заявление партийного руководства, во многом шокировавшее журналистов, поскольку в нем «излагалась сильнейшая поддержка действий ГКЧП». В эфир оно также не попало, ввиду чего спустя несколько часов в КТРК явился ответственный работник обкома и забрал его со словами, что последнее «требует значительной переработки» [15, л. 4 об.].

В случае с радио, как мы отмечали выше, у КТРК было гораздо больше возможностей. Уже 19 августа, в 18:00, диктор начинает зачитывать сообщение, в

самом начале которого говорится о временной передаче властных полномочий вице-президенту СССР Г. И. Янаеву и созданному высшим партийным руководством ГКЧП. Далее следует информация о том, что местные Советы стараются держать ситуацию под контролем, обеспечивать общественный порядок и стабильную работу предприятий и учреждений. И в конце, как бы ненароком, говорится, что в редакцию радио поступило обращение «К гражданам России», которое под личную ответственность председателя Комитета по телерадиовещанию, необходимо незамедлительно опубликовать. На протяжении десяти минут текст обращения Президента РСФСР, содержащий прямое обвинение членов ГКЧП в организации антиконституционного государственного переворота и призыв дать путчистам достойный отпор, зачитывался в прямом эфире [15, л. 10; 17, л. 246–249]. После чего последовало небольшое добавление в виде цитирования указа Б. Н. Ельцина об объявлении незаконными всех решений ГКЧП и уголовной ответственности для руководящихся ими лиц [17, л. 250].

Несколько больше официальной информации в дни Августовского путча жители Курской области могли получить из областных и районных газет. «Курская правда», печатный орган регионального комитета КПСС, 20 августа 1991 г. одновременно с центральными периодическими изданиями публикует множество заявлений и обращений соратников Г. И. Янаева [42, с. 1], а также приводит текст изданных Государственным комитетом по чрезвычайному положению в СССР Постановлений № 1 и № 2 [54, с. 1–2]. В том же номере публикуется статья о том, что на фоне развернувшихся в Москве событий первый секретарь Курского обкома КПСС А. И. Селезнев провел 19 августа совещание с руководителями городских и районных Советов, в ходе которого обратил внимание на необходимость «неукоснительного соблюдения всех распоряжений ГКЧП» [8, с. 1]. Чуть ниже на передовице была помещена заметка фрезеровщика завода «Электроаппарат» В. Шумакова, где тот утверждал, что предусмотренные обозначенными выше постановлениями временные ограничения прав и свобод нужны в столь сложный час, когда народ фактически «стал жертвой зашедшей в тупик Перестройки». При этом, автор публикации не отказывается от самой идеи постепенных изменений, утверждая что демократия и реформы должны идти на пользу, прежде всего трудящимся, но, к сожалению, в настоящее время «экстремистские силы» воспользовались предоставленной им свободой и взяли курс на свержение государственного строя. Спасти же страну, преодолеть глубокий кризис, по мнению Шумакова, способны порядок и дисциплина в масштабе всего общества, своего рода «инстинкт самосохранения» [64, с. 1]. Появлялись и иные публикации такого рода. Так, 21 августа люди могли прочесть о «фактах распространения ложной информации» рядом альтернативных СМИ [31, с. 1], а также в сокращенном варианте ознакомиться с «программой ГКЧП» по выводу страны из кризиса [36, с. 1]. Остальные же статьи в выпусках «Курской правды» тех дней были традиционно посвящены текущим экономическим вопросам, чаяниям простых людей, обращававшихся за помощью в местные партийные органы [39, с. 2], проводившимся в регионе культурным мероприятиям и т. д.

Иные областные газеты проявляли более сдержанную либо крайне негативную реакцию в отношении начавшегося путча. В частности, в выпуске «Молодой гвардии» (печатный орган Курского обкома ВЛКСМ) за 20 августа значилась лишь небольшая колонка, где кратко сообщалось об образовании ГКЧП, введении чрезвычайного положения «в отдельных местностях» СССР, а также о запрещении всякого рода митингов, шествий и демонстраций, приостановке деятельности политических партий и общественных движений [10, с. 1]. Редакция же начавших издаваться в 1991 г. «Городских известий» (печатный орган Курского городского

Совета народных депутатов) и вовсе не стала публиковать информацию, полученную со стороны ГКЧП и его сторонников [29, с. 1]. «Три дня и три ночи», которые продолжался путч, газета как бы «не замечала ничего необычного» и продолжала вести привычные читателям рубрики.

Неоднозначная ситуация сложилась и в районах области, где местное партийное руководство и редакционные коллегии газет зачастую по-разному воспринимали поступающую из Москвы и Курска информацию. Где-то, как например в Фатежском районе, комитеты КПСС и представители общественности откровенно выступили с поддержкой ГКЧП [48, с. 1], в Беловском районе – ограничились публикацией сообщений, передаваемых ТАСС [62, с. 1]. А вот Железнодорожный район предлагает нам совершенно иную картину. Здесь вплоть до 21 августа 1991 г. шли споры касательно того, признавать ли законной властью самопровозглашенный комитет или же последовать за сторонниками Президента РСФСР. В конечном итоге на внеочередном заседании Президиума Железнодорожного городского Совета народных депутатов было принято решение опубликовать в местной газете особое обращение, где с одной стороны говорилось о резком обострении политической обстановки, вызванном действиями членов ГКЧП и Б. Н. Ельцина, а с другой – содержался призыв к сдержанности, вплоть до детального разъяснения ситуации Верховным Советом СССР. По сути, местному партийному руководству удалось, как мы бы сказали, «усидеть на двух стульях», поскольку оно прямо не поддержало путч, не опубликовало выпущенные ГКЧП нормативные акты, но высказалось также и о нецелесообразности проведения в районе забастовок, к которым апеллировали сторонники Б.Н. Ельцина [40, с. 1].

Вышедший 21 августа, в 21:00, эфир телепрограммы «Время» смог отразить то, как видные государственные деятели и простые советские граждане оценивали провал Августовского путча. Начался он с краткой выжимки из заявления М. С. Горбачева, сделанного им час назад. Президент СССР подчеркнул, что «полностью овладел ситуацией» и восстановил свою связь со страной, «прерванную в результате авантюрных действий группы государственных лиц». Он также сообщил, что в ходе телефонного разговора с руководителями ряда республик последние «единодушно осудили попытку антигосударственного переворота» и выразили уверенность в том, что все виновные понесут заслуженное наказание. Около 15:00 того же дня начался вывод войск из Москвы (еще по решению ГКЧП), затем был отменен и комендантский час. Далее в эфир вышли репортажи об открытии в столице чрезвычайной сессии ВС РСФСР, посвященной общественно-политической ситуации в России после провала путча, и заседании Президиума ВС СССР, участники которого фактически стали публично отрешиваться от своей поддержки ГКЧП в те дни. Попали в эфир и слова советника Президента СССР А. И. Вольского о нерешительности М. С. Горбачева, непоследовательности в принятии решений, совершенных им грубых ошибках в подборе кадров [1, с. 95]. Вторая половина передачи была посвящена экстренному заседанию Комитета Министров СССР по вопросу восстановления конституционного порядка в стране, сложности текущей ситуации в союзных республиках. В конце было озвучено заявление руководства Гостелерадио СССР о том, что в дни путча само оно было вынуждено работать под строгим контролем со стороны ГКЧП. Теперь же, в связи со снятием ограничений, начиная с 21 августа оно возобновляет трансляцию всех каналов и передач, прерванную несколькими днями ранее [13].

Центральная печать, причем как проправительственная, так и оппозиционная, на протяжении нескольких дней была, пожалуй, самым ярким выразителем «всеобщего ликования» по поводу краха Августовского путча. Даже в «Правде» большая часть публикаций, исключая официальные заявления Президента СССР

[24, с. 1] и Секретариата ЦК КПСС [26, с. 1], была посвящена критике ГКЧП и попытки установления им авторитарного режима, ликвидации свободы слова и собраний насильственным путем [44, с. 1–2]. Отдельным блоком шли статьи, где подчеркивалась роль появившихся в СССР сравнительно недавно демократических институтов в противостоянии заговорщикам [49, с. 1–2]. Об отношении редакции «Комсомольской правды» к произошедшим в стране событиям красноречиво говорит заголовок «Государственный переворот по многочисленным просьбам трудящихся», помещенный над рядом статей в верхней части номера от 22 августа 1991 г. [20, с. 1]. Не отставали здесь и «Аргументы и факты» – днем позже на первой полосе издания вышла статья «Русская революция 1991 года. Наш вариант», автор которой весьма нелестно отозвался как о самих путчистах, так и о членах КПСС, которые «еще вчера были готовы отправить на тот свет сотни тысяч людей», двойственной позиции руководства Совета безопасности СССР, всех тех, кто «молча принял хунту». Содержался здесь и призыв как можно скорее вывести СМИ, «запятнавшие» себя поддержкой ГКЧП, из-под партийного контроля. Кульминацией же можно считать следующую фразу: «Если не будет доведено до конца главное дело сегодняшнего момента – выкорчевывание коммунистической проказы, – страна может остаться без будущего» [60, с. 1]. В обществе вполне обоснованно сохранялось опасение, что усилившиеся после путча центробежные тенденции и падение авторитета союзной власти в лице Президента, Верховного Совета и Кабинета Министров СССР приведут в конечном итоге к развалу страны. Сама эта тема, в совокупности с публикациями об экономическом кризисе и трудностях перехода к рынку, становится ведущей в печати последних месяцев существования Советского Союза [47, с. 1].

Не сильно отличалась ситуация в регионах, в том числе и в Курской области. 22–30 августа 1991 г., когда Августовский путч уже подошел к концу, КТРК получил определенную свободу действий и опубликовал несколько материалов, которые довольно сильно различались по своему содержанию: 1) небольшие информационные сводки с резким изобличением деятельности ГКЧП, прославлением стойкости и мужества защитников демократии [16, л. 243, 259; 18, л. 100–101]; 2) попытки дать определенную оценку произошедшим событиям, обсудив их в прямом эфире с непосредственными участниками событий в Москве или в формате общественно-политической передачи [16, л. 287–300; 18, л. 143–145; 19, л. 136–139]; 3) сообщения о принятых Президентом РСФСР нормативно-правовых актах [18, л. 236; 19, л. 36–37]; 4) обсуждение того, как августовские события отразились на жизни курян [16, л. 304, 359, 391].

В главной областной газете 22 августа были опубликованы довольно нейтральные по своему содержанию статьи (преимущественно выдержки из материалов ТАСС), где сообщалось о провале госпереворота, изоляции М. С. Горбачева в Крыму и выводе войсковых частей из Москвы [34, с. 1]. Также в данном номере были помещены заявление Всеобщей конфедерации профсоюзов СССР [25, с. 1], призвавшей политиков в условиях «кризиса власти, развала экономики, реальной угрозы анархии, голода и разрухи» пытаться искать пути решения текущих проблем конституционным путем, пользуясь созданными для этой цели демократическими институтами, и текст принятого накануне решения Курского облисполкома [59, с. 1], принятого с целью стабилизации ситуации в регионе. О действиях руководства области 19–21 августа 1991 г. резко высказались в «Городских известиях». По мнению редакции газеты, оно запятнало себя скрытой или местами явной поддержкой заговорщиков. В одной из заметок на первой полосе номера от 24 августа говорилось, что за трое суток путча ни один депутат городского Совета, печатным органом которого является настоящая газета, не

пришел в редакцию с предложением выступить перед населением. Что в свою очередь свидетельствует о том, что даже избранные демократическим путем местные органы власти порой оказываются не способны к решительным действиям в защиту демократии [3, с. 1].

В районных же газетах, бывших печатными органами местных комитетов КПСС, августовские события хоть и стали центральной темой для обсуждения, но довольно быстро «были забыты». Авторы публикаций преимущественно ограничивались перепечаткой материалов ТАСС и ряда центральных периодических изданий. Исключение составляли лишь материалы внеочередных сессий городских и районных Советов народных депутатов, на которых, как правило, решались вопросы о снятии с должности лиц, поддержавших ГКЧП, стабилизации экономической и политической ситуации [6, с. 2].

Как мы видим, реакция СМИ на Августовский путч выражалась крайне дифференцированно. Наиболее оперативно текущие события освещали радио и телевидение, причем если центральные телеканалы и станции радиовещания по большей части контролировались ГКЧП, то в случае с частными каналами, малыми радиоточками, региональными телерадиокомитетами влияние комитета уже не было столь сильным. Ряд подведомственных Гостелерадио СССР структур, включая КТРК, фактически выступил против государственного переворота, начав передавать в прямой эфир заявления российского руководства, давать слово местным активистам, сторонникам демократических преобразований, видевшим в действиях заговорщиков попытку реставрации «командно-административной системы», насильственной ликвидации свободы слова и печати.

Последнее, к слову, едва ли можно приписать путчистам, поскольку, как видно из показанных выше примеров, их действия скорее говорили об обратном. Хоть ГКЧП и издал ряд постановлений, ограничивших сеть телерадиовещания, временно запретивших выход множества периодических изданий, в полном объеме перекрывать населению каналы получения информации, заканчивать с политикой «гласности» они не собирались. В программе «Время» существенное место отводилось рассказу о действиях Президента РСФСР и его сторонников, прямо обвинявших заговорщиков в попрании Конституции СССР и организации госпереворота, протестных митингах на улицах Москвы, Санкт-Петербурга и ряда других городов. На страницах главных газет появлялись статьи с рассказами очевидцев о событиях в столице, призывы Б. Н. Ельцина ко всеобщей бессрочной забастовке. Более того, заговорщики по своей собственной инициативе организовали часовую пресс-конференцию для крупных отечественных и зарубежных СМИ, где их откровенно высмеяли присутствовавшие в зале журналисты.

Периодическая печать тех дней, хоть и не столь стремительно доносила свежие новости до читателя, но была гораздо более информативна. Как мы уже говорили выше, на страницах центральных, областных, районных газет соседствовали и официальные документы ГКЧП, и заявления его прямых противников, никуда не девались при этом и традиционные публикации социально-экономического и культурного плана. Аналитические материалы на общественно-политические темы, коих стало несомненно больше остальных, вобрали в себя весь идеологический спектр того времени, дав тем самым возможность не только увидеть основные точки зрения людей на происходящие события, но и понять, как в результате подобного идейного смешения, эмоционального накала выкристаллизовывалось общественное мнение.

Источники и литература

1. Август-91. М., 1991.
2. Батыгин А. Вчера на улицах Москвы // Правда. 1991. 20 авг. С. 2.
3. Будем вместе, и мы победим // Городские известия. 1991. 24 авг. С. 1.
4. Величко С.А. Приход к власти ГКЧП в 1991 г.: причины и политико-правовые последствия // Вестник Сибирского юридического университета. 2022. № 1. С. 126–130.
5. В комитете конституционного надзора СССР // Известия. 1991. 20 авг. С. 2.
6. Внеочередная сессия городского Совета // Железнодорожные новости. 1991. 28 авг. С. 2.
7. В обстановке ожидания и надежды // Правда. 1991. 21 авг. С. 2.
8. Время ответственности // Курская правда. 1991. 20 авг. С. 1.
9. Встреча советского руководства с журналистами // Известия. 1991. 20 авг. С. 2–3.
10. Вчера, накануне подписания Союзного договора... // Молодая гвардия. 1991. 20 авг. С. 1.
11. Выпуск программы «Время» от 19 августа 1991 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://my.mail.ru/mail/galia1947/video/9500/9581.html> (дата обращения: 13.10.2024).
12. Выпуск программы «Время» от 20 августа 1991 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pgVeobyIauw> (дата обращения: 16.08.2025).
13. Выпуск программы «Время» от 21 августа 1991 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pgVeobyIauw> (дата обращения: 16.08.2025).
14. Головенко А. Митингует площадь // Правда. 1991. 21 авг. С. 1.
15. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 365.
16. ГАКО. Ф. Р-3705. Оп. 5. Д. 3325.
17. ГАКО. Ф. Р-3705. Оп. 5. Д. 3381.
18. ГАКО. Ф. Р-3705. Оп. 5. Д. 3382.
19. ГАКО. Ф. Р-3705. Оп. 5. Д. 3383.
20. Государственный переворот по многочисленным просьбам трудящихся // Комсомольская правда. 1991. 22 авг. С. 1.
21. Гриф А. Август, 1991. Сквозь эфирную блокаду // Радио. 1991. № 10. С. 2–4.
22. Демократия должна уметь защищаться. Заявление главных редакторов периодических изданий, выпуск которых остановлен в нарушение Закона о печати // Общая газета. 1991. 20 авг. С. 1.
23. Ельцин Б.Н. Роковой час // Общая газета. 1991. 20 авг. С. 1.
24. Заявление Президента СССР // Правда. 1991. 22 авг. С. 1.
25. Заявление профсоюзов // Курская правда. 1991. 22 авг. С. 1.
26. Заявление Секретариата ЦК КПСС // Правда. 1991. 22 авг. С. 1.
27. Заявление советского руководства // Правда. 1991. 20 авг. С. 1.
28. Заявление советского руководства от 18 августа 1991 г., зачитанное в эфире Всесоюзного радио в первый день путча [Электронный ресурс] // URL: <http://staroradio.ru/audio/18326> (дата обращения: 12.02.2025).
29. «Известия» о «Городских известиях» // Городские известия. 1991. 24 авг. С. 1.
30. Изгаршев В. Танки в городе. В чем смысл ввода военных // Правда. 1991. 20 авг. С. 3.
31. Каким будет завтра // Курская правда. 1991. 21 авг. С. 1.
32. Каморин А. Ситуация в СССР вызывает тревогу во всем мире // Известия. 1991. 21 авг. С. 4.
33. Котляров М.В. Публичная сфера в СССР в период перестройки (1985–1991 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с

международным участием, Новосибирск, 19–21 сентября 2019 года. Новосибирск, 2019. С. 140–147.

34. К событиям в стране // Курская правда. 1991. 22 авг. С. 1.

35. Лагунов А.К. Особенности репрезентации событий августа 1991 г. в воспоминаниях участников // Новые государства в XX веке. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Двенадцатой Международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2022». М., 2022. С. 109–111.

36. Малыгина Т. Предотвратить катастрофу // Курская правда. 1991. 21 авг. С. 1.

37. Марков Е.А. На переломе: события лета 1991 года в материалах ведущих российских печатных СМИ // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 1 (15). С. 37–42.

38. Не верьте слухам // Правда. 1991. 21 авг. С. 2.

39. «Обком партии? Да, мы Вас слушаем...» // Курская правда. 1991. 20 авг. С. 2.

40. Обращение к жителям города // Железногорские новости. 1991. 21 авг. С. 1.

41. Обращение к советскому народу // Известия. 1991. 20 авг. С. 1.

42. Обращение к советскому народу // Курская правда. 1991. 20 авг. С. 1.

43. Обстановка на местах // Правда. 1991. 20 авг. С. 2.

44. Овчаренко Г., Сорокин Е. Россия спасает Союз; Курс на демократизацию общества; С тревогой за гласность // Правда. 1991. 22 авг. С. 1–2.

45. Овчаров М. Эти тревожные дни // Известия. 1991. 21 авг. С. 2.

46. О событиях в СССР // Правда. 1991. 21 авг. С. 4.

47. Пархоменко С. Золотое время для военных переворотов. Хаос, спровоцированный мятежом, пока нарастает // Независимая газета. 1991. 29 авг. С. 1.

48. Перинов Н. Законность и порядок – альтернатива политиканству // Путь Ильича. 1991. 20 авг. С. 1.

49. Плутник А. В августе 91-го. Политический дневник; Васинский А. Слово при разборе баррикад // Известия. 1991. 22 авг. С. 1–2.

50. Позиция руководства РСФСР // Правда. 1991. 20 авг. С. 3.

51. Постановление № 1 Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР // Известия. 1991. 20 авг. С. 1.

52. Постановление № 2 Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР «О выпуске центральных, московских городских и областных газет» // Известия. 1991. 20 авг. С. 2.

53. Постановление № 3 Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР // Правда. 1991. 21 авг. С. 1.

54. Постановление ГКЧП № 1, Постановление ГКЧП № 2 // Курская правда. 1991. 20 авг. С. 1–2.

55. Пресс-конференция ГКЧП 19 августа 1991 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Zf8jcd6SRqw> (дата обращения: 09.08.2025).

56. Призыв к спокойствию // Правда. 1991. 21 авг. С. 4.

57. Реакция не прошла! // Известия. 1991. 21 авг. С. 1.

58. Реент Ю.А. События августа 1991 г. в лицах: штрихи к портрету члена Государственного комитета по чрезвычайному положению Д. Т. Язова // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 145–150.

59. Решение Президиума и исполкома областного Совета народных депутатов «О задачах советских органов области в текущий момент» // Курская правда. 1991. 22 авг. С. 1.

60. Русская революция 1991 года. Наш вариант // Аргументы и факты. 1991. 23 авг. С. 1.

61. Смолеев А.А. Российская провинция в период деятельности ГКЧП (на материалах Тамбовской области) // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 10 (30). С. 4–24.
62. Чрезвычайные меры советского руководства // Псельские зори. 1991. 20 авг. С. 1.
63. Что делать? // Общая газета. 1991. 20 авг. С. 1.
64. Шумаков В. Прозвучало слово правды // Курская правда. 1991. 20 авг. С. 1.
65. Янаев Г.И. Обращение к главам государств и правительств и генеральному секретарю ООН // Правда. 1991. 20 авг. С. 1.

А. А. Пчелинов-Образумов

400-ЛЕТНИЕ И 1000-ЛЕТНИЕ ОСНОВАНИЯ БЕЛГОРОДА: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ПРАЗДНОВАНИЯ ГОРОДСКИХ ЮБИЛЕЕВ В 1993 И 1995 ГОДАХ

Как известно, даты возникновения многих населенных пунктов нередко являются спорными, вызывая дискуссии, как в научном сообществе, так и среди общественности. Не является исключением и Белгород, хотя у серьезных исследователей факт основания первой Белгородской крепости в 1590-х гг. никогда не вызывал сомнений. Споры велись о сравнительно небольшом хронологическом отрезке 1593–1596 гг., в который был заложен город. В этой связи весьма показательна история празднования двух юбилеев Белгорода в 1993 и 1995 гг.: 400-летнего и 1000-летнего.

Главным идейным вдохновителем обоих юбилеев стал Георгий Николаевич Шмелёв (1924–2003) – личность весьма примечательная. Согласно официальным документам он родился 1 ноября 1924 г. в Белгороде. Хотя, нередко, в качестве даты его рождения указывается 1925 г. Связано это с тем, что много лет спустя он рассказывал, что приписал себе лишний год, чтобы попасть на фронт. Очень часто Шмелев также именовался Юрием, объясняя это тем, что так его называли родители, а впоследствии родные и друзья. Свои публикации он также подписывал: «Юрий Шмелёв» [1].

Г. Н. Шмелёв был участником Великой Отечественной войны. В мае 1942 г. он добровольно вступил в Красную Армию, участвовал в битве за Кавказ. В период с мая по октябрь 1942 г. Шмелёв был трижды ранен. В результате последнего ранения он лишился левого глазного яблока. После прохождения лечения в госпитале врачебная комиссия признала его годным к нестроевой службе в тылу. В апреле 1943 г. Г. Н. Шмелев был переведен в 106-й гвардейский стрелковый полк 36-й стреловой дивизии на Воронежский фронт, где служил санитаром в санитарной роте. В мае 1943 года 36-я стрелковая дивизия была передана 7-й гвардейской армии [2].

Во время Курской битвы 106-й гвардейский стрелковый полк участвовал в боевых действиях на Воронежском фронте южнее города Шебекино, близ железнодорожной станции Нежеголь и села Новая Таволжанка Шебекинского района, отражая наступление гитлеровских войск, а с начала августа 1943 г. в составе войск Степного фронта в наступлении на Харьковском направлении. В наградных документах отмечено, что санитар санитарной роты Шмелёв в ходе боев на подступах к Харькову «под ружейно-пулеметным и арт. минометным огнем противника» вынес с поля боя 11 раненых советских бойцов и офицеров с их оружием. Приказом по 106-му гвардейскому стрелковому полку 36 гвардейской

стрелковой дивизии от 6 сентября 1943 года он был награждён медалью “За боевые заслуги”» [3, с. 12].

С августа 1943 г. Шмелёв служил в терапевтическом полевом подвижном госпитале № 34, был экспедитором по доставке простой и секретной корреспонденции, затем занимался хозяйственной работой. По его собственным словам «был за границей с войсками Советской армии (Румыния, Венгрия, Австрия, Чехословакия, Югославия)». Всего за годы службы Г. Н. Шмелёв получил 6 правительственных наград, включая орден Красной Звезды [4, л. 2–3 об.].

После Великой Отечественной войны Г. Н. Шмелёв в августе 1947 – сентябре 1948 гг. обучался в специальной одногодичной торговой школе в Харькове, жил в Белгороде, работал на цементном и котлостроительном заводе, асбошиферном комбинате, ряде других организаций и учреждений. После признания его инвалидом II группы в мае 1978 года Г. Н. Шмелёв досрочно вышел на пенсию.

Став пенсионером, Георгий Николаевич занялся общественной деятельностью и краеведением. Параллельно он «героизировал» свою военную биографию. В частности начал утверждать, что якобы служил в 106 гвардейском воздушно-десантном полку (а не стрелковом), был комсоргом роты автоматчиков и знаменосцем полка, а также участвовал в освобождении Белгорода 5 августа 1943 г. В ноябре 1975 г. ему даже удалось получить удостоверение ветерана гвардейских воздушно-десантных войск Советской Армии. В 1985 г. к сороковой годовщине победы в Великой Отечественной войне, действуя через различные военкоматы (судя по всему, через Белгородский и Ялтинский – помимо жилплощади в Белгороде Шмелёв имел квартиру в Ялте и состоял в местной ветеранской организации), он получил сразу два ордена Отечественной войны – II и I степеней [5, с. 121, 122].

Г. Н. Шмелёв с группой ветеранов войны выступал за изменение названия «битвы 1943 г. “Курская дуга” на “Огненную дугу”». Мотивировалось это тем, что одно из ключевых сражений Великой Отечественной войны не должно называться Курской битвой, так как в Курске якобы «дислоцировались фронтовые базы снабжения и госпиталя», а главные события происходили под Белгородом и Орлом. Кроме того, по мнению активистов, название «Курская дуга» якобы умаляло значение подвига советских воинов и являлось аналогом немецкого названия «Курский выступ» [6, л. 1–5].

В начале 1980-х гг. ряд представителей общественности Белгорода, включая Г. Н. Шмелёва, выдвинул проект строительства грандиозного мемориального комплекса «Первый салют», который должен был включать ряд скульптурных композиций, фонтаны, диораму «Белгородское направление», музей «Освобождение Белгорода», гостиницу «Спутник» ЦК ВЛКСМ. Однако проект был слишком масштабным и дорогостоящим и поэтому не был реализован.

Вскоре в Белгороде началось строительство музея-диорамы «Курская битва. Белгородское направление». В 1987 г. он был торжественно открыт. После этого Г. Н. Шмелёв начал утверждать, что именно он являлся инициатором создания музея-диорамы, а его идеями и наработками просто воспользовались [7, л. 25].

В 1980-х гг. Г. Н. Шмелёв начал знакомиться с историческими источниками и литературой, выезжал в Москву для работы в библиотеках. По его инициативе государственные и партийные органы Белгородской области направляли в Академию Наук СССР, Центральный государственный архив древних актов в Москве и другие организации запросы о дате основания Белгорода. Не будучи профессиональным историком и не имея соответствующей подготовки, Г. Н. Шмелёв далеко не всегда мог дать объективную оценку тем или иным сведениям. Так, 23 марта 1987 г. он направил в Институт истории СССР Академии

наук СССР письмо, где резко критически отозвался об ученых-историках и предоставленной в адрес Белгородского облисполкома справке, в которой обстоятельно разбирались различные даты основания Белгорода в конце XVI в. В ответном письме от 27 апреля 1987 г. заместитель директора Института истории СССР, доктор исторических наук А. Н. Сахаров протестовал «против развязного тона», в котором говорилось о сотрудниках института и их работах, и указал на допущенные краеведом ошибки. Переписка продолжалась. Несмотря на неоднозначность мнений историков и архивистов, Г. Н. Шмелев настоял на своем. В 1990 г. он опубликовал брошюру «Когда Москва Бел Город строила и Валуйку с Осколом...», где обосновывал точку зрения о заложении крепостей Белгород, Валуйки и Старый Оскол в 1593 г. [8, л. 4, 5, 24, 25].

4 августа 1989 г. исполнительный комитет Белгородского городского Совета народных депутатов принял решение № 313 «О плане организационно-хозяйственных и идеологических мероприятий по подготовке к празднованию 400-летия со дня основания города Белгорода». Тем самым празднование юбилея Белгорода официально было намечено на 1993 год. В период с 1989 по 1993 г. предполагалось осуществить целый комплекс мер по благоустройству города (в том числе произвести реконструкцию архитектурных памятников), провести различные культурные мероприятия (фотовыставки, художественно-краеведческие конкурсы), выпустить буклеты, фотоальбомы и даже памятную медаль «Городу Первого Салюта Белгороду – 400 лет». Был также образован оргкомитет по руководству подготовкой к празднованию 400-летия Белгорода во главе с председателем горисполкома С. Т. Кобяковым [9, л. 69–83].

23 апреля 1990 г. исполнительный комитет Белгородского городского Совета народных депутатов «за энергичную, творческо-патриотическую деятельность по сооружению в г. Белгороде памятного мемориала музея-диорамы, большую краеведческо-исследовательскую работу по изучению истории г. Белгорода» присвоил звание «Почетный гражданин города Белгорода» «Шмелеву Георгию Николаевичу – ветерану Великой Отечественной войны, участнику освобождения г. Белгорода» [10, л. 15].

Изложенные в решении горисполкома основания для присвоения почетного звания не соответствовали действительности. Ряд представителей общественности критически отозвались о нем, указывая в частности на то, что Георгий Николаевич никак не мог участвовать в освобождении Белгорода, находясь за несколько десятков километров от него. А также и на то обстоятельство, что Шмелев не был причастен к строительству музея-диорамы. Но к ним не прислушались.

Распоряжением главы администрации Белгорода от 12 февраля 1992 г. № 17 состав оргкомитета по подготовке к празднованию 400-летия города был изменен. Его возглавил новый глава городской администрации Ю. И. Селивёрстов. В комитет вошел и Г. Н. Шмелёв [11, л. 27]. В дальнейшем (на основании распоряжения главы администрации Белгорода от 18 января 1993 г. № 20) в него был введен еще целый ряд лиц [12, л. 14].

Постановлением главы администрации Белгорода от 21 сентября 1992 г. № 1497 «в целях подготовки к празднованию знаменательной исторической даты – 400-летия основания Белгорода» была создана городская дирекция по проведению юбилея. Ее исполнительным директором был назначен начальник отдела культуры администрации Белгорода С. И. Курганский. Помимо него в нее вошли: работник областной филармонии В. В. Казначеев – главный режиссер-постановщик праздника, главный художник Белгорода Ю. А. Веретельников; директор многопрофильного малого предприятия «Корвет Ретро» И. А. Новиков –

заведующий административно-хозяйственной частью. Были также утверждены составы сценарной и постановочной групп праздника [13, л. 47].

Параллельно осуществлялась работа и по другим направлениям. Постановлениями администрации Белгорода были выделены от 13 марта и от 19 мая 1992 г. были выделены средства (90 000 рублей) на издание фотоальбома, буклета, открыток, путеводителя, посвящённых 400-летию Белгорода [14, л. 200; 15, л. 149].

Кинофильм о Белгороде, посвященный его 400-летию его основания и 50-летию освобождения от гитлеровских захватчиков был заказан киностудии «Нева» киноассоциации «Ленфильм». Для этих целей распоряжением главы администрации Белгорода от 23 апреля 1993 г. № 200 было выделено 3 млн рублей. К началу июля 1993 г. черновой вариант фильма был готов. Для его просмотра в Санкт-Петербург с 6 по 9 июля 1993 года администрация Белгорода направила С. И. Курганского [12, л. 266; 16, л. 4].

На основании распоряжения главы администрации Белгорода от 29 января 1993 г. № 45 для решения вопросов, связанных с финансированием юбилейных мероприятий, с 1 по 4 февраля 1993 г. в Министерство культуры РФ были командированы заместитель главы администрации Белгорода В. И. Бабин и С. И. Курганский [12, л. 35].

Распоряжением главы администрации Белгорода от 5 февраля 1993 г. № 61 «для решения вопросов, связанных с празднованием 400-летия основания г. Белгорода и 50-летия его освобождения от фашистских захватчиков» в Министерство культуры РФ на 7 дней с 28 января по 3 февраля за счет отдела культуры администрации Белгорода был командирован Г. Н. Шмелёв [12, л. 102].

Вскоре по ходатайству белгородских властей, еще до проведения юбилейных мероприятий, Указом Президента РФ от 27 июля 1993 г. Г. Н. Шмелёву было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации» [17, л. 10].

Распоряжением главы администрации Белгорода от 3 сентября 1993 г. № 571 «в целях организованного проведения в городе праздничных мероприятий, посвящённых 400-летию основания города Белгорода» был образован городской штаб во главе с первым заместителем главы администрации города Б. Н. Балакиревым и заместителем главы администрации города Т. С. Ерохиной. В его состав вошли также 11 других сотрудников городской администрации. Были назначены ответственные за встречу делегаций из Москвы, Курска, Воронежа, Орла, Липецка, Ростова, Краснодара, Ижевска, Ставрополя, Харькова, Полтавы, Сум. Общая численность гостей составляла 32 человека [16, л. 243–246].

Основные праздничные мероприятия проводились с 15 по 19 сентября 1993 г. Одним из наиболее ярких событий стал международный фольклорный фестиваль, в котором приняли участие музыкальные коллективы из Великобритании, Италии, Испании, Японии, а также из Белгородской области и других регионов Российской Федерации. Помимо этого были организованы выставки-продажи цветов, произведений художников и мастеров декоративно-прикладного искусства, спортивные состязания, творческие конкурсы и даже рыцарский турнир. Кульминацией праздника вечером в воскресенье 19 сентября стали карнавальное шествие по центру города, театрализованное представление, гала-концерт звезд российской эстрады и фейерверк на площади Революции (ныне Соборной) [17, с. 1, 2, 8]. Согласно объяснительной записке к годовому отчету за 1993 г. по бухгалтерии администрации города расходы на празднование 400-летия Белгорода составили 50 млн рублей [19, л. 17].

Однако Г. Н. Шмелёв не собирался останавливаться на достигнутом. Вскоре после выхода в свет его брошюры о 400-летию Белгорода им овладело желание еще более «удревнить» его историю. Он начал разрабатывать версию о том, что город якобы был основан в конце X столетия князем Владимиром Святославичем. В 1992 г. краевед подготовил «Историческую справку о Белгороде». Одним из аргументов в пользу «тысячелетия» Белгорода стало письмо академика Б. А. Рыбакова от 22 февраля 1982 г., направленное первому секретарю Белгородского горкома КПСС В. И. Путивцеву. В нем известный ученый отметил: «...Белгородское городище, на котором стоит современный город Белгород, возникло в X веке» [8, л. 1].

Заместитель главы администрации Белгородской области Н. В. Смоленский в письме от 26 мая 1992 г. попросил академика Д. С. Лихачёва дать экспертное заключение на «Историческую справку» Шмелёва. В ответном письме от 2 июня 1992 г. Д. С. Лихачёв написал: «Справка краеведа-историка Ю. Н. Шмелева представляет определённый научный интерес, не вызывает сомнений ссылка на Ипатьевскую летопись: “В лето 6500 (993 г. н. э.) Володимер заложи град Бел ...”. Соображения академика Б.А. Рыбакова также справедливы <...> Считать датой основания Белгорода 993 год есть все основания». Г. Н. Шмелёв в своей «Исторической справке» так охарактеризовал свой замысел: «В 1993 г. белгородцы вместе со всеми россиянами будут отмечать тройной юбилей Белгорода: 1000-летие со дня основания Древней Руси, 400-летие со дня «воссоздания» его Московским государством и 50-летие разгрома немецко-фашистских войск у стен города-фронтовика Белгорода» [20, л. 16].

Однако в 1993 г. пришлось «ограничиться» празднованием 400-летия основания города. Тем не менее, Г. Н. Шмелёву удалось увлечь своими идеями администрацию города и области и получить их полную поддержку. Сыграли свою роль благожелательный отзыв академика Д. С. Лихачёва, а также поддержка заместителя академика-секретаря Отделения истории РАН В. А. Куманева [21, с. 2].

Уже 22 апреля 1994 г. распоряжением главы администрации Белгорода № 344 с 26 апреля по 7 мая 1994 г. Г.Н. Шмелёв был направлен в Москву в администрацию Президента РФ «для решения вопросов проведения торжеств празднования 1000-летия г. Белгорода в 1995 году и издания Указа Президента РФ о присвоении Белгороду звания Города-Героя России» (позже командировку продлили еще на 7 дней – до 14 мая). А 29 апреля 1994 г. появилось распоряжение главы администрации Белгорода № 366 «О подготовке мероприятий по празднованию 50-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и 1000-летия образования г. Белгорода» [22, л. 86, 129, 215].

В конце сентября 1994 г. в администрации Белгородской области подготовили проект обращения в Правительство Российской Федерации о принятии постановления о праздновании 1000-летия Белгорода [8, л. 43]. Через несколько месяцев предложение администрации области после согласования с целым рядом министерств было принято федеральным правительством. 14 марта 1995 г. появилось постановление Правительства РФ № 246 «О праздновании 1000-летия основания города Белгорода» [23, л. 47, 48].

В апреле 1995 г. администрация Белгорода дважды командировала Г. Н. Шмелёва в Москву в инвестиционную корпорацию «Деловая лига». Судя по всему речь шла о выделении средств для празднования очередного юбилея города [24, л. 5, 47].

Постановлением главы администрации Белгорода от 20 июля 1995 г. № 905 создавался оперативный штаб по организации празднования 1000-летия основания Белгорода во главе с Б. Н. Балакиревым и Т. С. Ерохиной, то есть теми же

чиновниками, которые за 2 года до этого уже возглавляли подобную структуру. Был также утвержден план праздничных мероприятий на 4–11 августа. В целом, празднование 1000-летнего юбилея проходило по сходному сценарию. На сей раз «юбилей» объединили с 52-й годовщиной освобождения Белгорода. Центральным событием снова стал международный фольклорный фестиваль. Как и в предыдущий раз проводились ярмарки, тематические выставки, поэтические чтения. Концерт, посвященный закрытию фольклорного фестиваля, и финальные праздничные мероприятия (включая фейерверк) прошли вечером 11 августа на городском пляже [25, л. 121–125].

Согласно объяснительной записке к годовому отчету администрации города за 1995 г. расходы на празднование 50-летия Победы и 1000-летия Белгорода составили 532 771 000 рублей [26, л. 38].

В 1995 г. за счет бюджетных средств Г. Н. Шмелёв издал книгу «Тайны Белгородского треугольника или страницы из трехтысячелетней истории руссов». Его версия была крайне скептически встречена научным сообществом и не получила одобрения специалистов по истории Древнерусского государства. Впрочем, это совершенно не смущало краеведа. В письме от 23 декабря 1996 г. Президенту России Б. Н. Ельцину Шмелёв писал: «Материалы, опубликованные в моей книге, до 1992 года находились в закрытых спецхранах и нигде не публиковались. Поэтому историки, “остепененные” научными званиями до 1992 года, о них не имеют представления и продолжают проповедовать устаревшие догмы» [27, л. 45, 46].

Подробный критический анализ антинаучной книги Г. Н. Шмелёва сделал в письме в редакцию журнала «Отечественная история» работник Российской Национальной библиотеки имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург), ведущий научный сотрудник, кандидат (а ныне доктор) исторических наук Алексей Игоревич Раздорский [28].

Стоит отметить, что со стороны Г. Н. Шмелёва имели место и другие попытки фальсификации истории. Так, в 1999 г. он предложил отметить 860-летие Ялты. Но не получил широкой поддержки, за исключением Русского общества Крыма, выразившего ему благодарность за то, что он «состарил красавицу Ялту на 700 лет» [29, л. 13].

Г. Н. Шмелёв умер 25 декабря 2003 г. на 80-м году жизни. Своих ошибок он так и не признал. Постепенно история с празднованием «1000-летия» Белгорода стала забываться. 5 августа 2016 г. на пересечении Народного бульвара и улицы Белгородского полка был открыт и освящен памятник царю Федору Иоанновичу. Мэр города в своей речи упомянул, что Белгородская крепость появилась 420 лет назад, в 1596 г., благодаря указу данного монарха [30, с. 150]. К сожалению, и в наши дни немногочисленные общественные организации и отдельные «краеведы-самоучки» пытаются реанимировать идеи «тысячелетия Белгорода».

Почему же власти Белгорода и Белгородской области так легко поверили доводам такого «краеведа-исследователя» как Г. Н. Шмелёв? Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН А. В. Сиренов отмечает, что в постсоветское время в нашей стране возник феномен удреждения городов. Как правило, юбилейные мероприятия были обусловлены получением городскими властями дополнительного финансирования и воспринимались как положительное явление для развития города. Не последнюю роль играл и вопрос престижа – солидный возраст и наличие богатой истории у города. Ярким примером такого «удреждения» истории стали белгородские юбилеи 1993 и 1995 гг. [31].

Источники и литература

1. Государственный архив Белгородской области (далее – ГАБО). Ф. Р-1849. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАБО. Ф. Р-1849. Оп. 1. Д. 1.
3. Пчелинов-Образумов А.А. Фронтвик и краевед // Наш Белгород. 2024. 1 нояб. № 43 (2087). С. 12–13.
4. Государственный архив новейшей истории Белгородской области (далее – ГАНИБО). Ф. 2. Оп. 2. Д. 1672.
5. Пчелинов-Образумов А.А. Георгий Николаевич Шмелёв (1924–2003): ветеран Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и краевед (по материалам личного фонда) // Живая память – 2024: сборник статей и материалов открытой конференции ученых и исследователей «Живая память 2024». Вып. 8. Белгород, 2024. С. 118–125.
6. ГАБО. Ф. Р-1849. Оп. 1. Д. 5.
7. ГАБО. Ф. Р-1849. Оп. 1. Д. 7.
8. ГАБО. Ф. Р-1849. Оп. 1. Д. 17.
9. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 5. Д. 2021.
10. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 5. Д. 2062.
11. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 7. Д. 79а.
12. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 7. Д. 167.
13. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 7. Д. 56.
14. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 7. Д. 21.
15. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 7. Д. 33.
16. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 7. Д. 168.
17. ГАБО. Ф. Р-1849. Оп. 1. Д. 20.
18. Наш Белгород. 1993. 17 сент. № 36 (162).
19. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 7. Д. 172.
20. ГАБО. Ф. Р-1849. Оп. 1. Д. 56.
21. Быкова А. Белый город – разгаданный сфинкс // Наш Белгород. 1995. 4 авг. № 31 (259).
22. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 7. Д. 238.
23. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 7а. Д. 711.
24. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 7. Д. 293.
25. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 7. Д. 277.
26. ГАБО. Ф. Р-1849. Оп. 7. Д. 315.
27. ГАБО. Ф. Р-1849. Оп. 1. Д. 2.
28. Раздорский А.И. По поводу «1000-летия» Белгорода // Отечественная история. 1997. № 5. С. 192–199.
29. ГАБО. Ф. Р-1849. Оп. 1. Д. 10.
30. Колотушкин А.А., Фомичев Н.Н. К вопросу о тысячелетии города Белгорода // Научные технологии и инновации (XXII научные чтения). Белгород, 2016. С. 145–150.
31. Сиренов А.В. О феномене удравнения городов в России постсоветского периода // Историческая экспертиза. 2018. № 4 (17). С. 185–193.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. В. Золоторёва

СЕМЬЯ КУРСКОГО ВРАЧА ЯКОВА ЕФИМОВИЧА ЧЕРНОМОРДИКА

В апреле 1922 г. в Курске по улице Ленина, 46 был открыт Дом санитарного просвещения (далее – Дом, Дом санпросвета). В целом, он представлял из себя клуб, в котором была организована комплексная работа по ликвидации санитарной безграмотности. После революции и гражданской войны в стране, где не хватало врачей, а эпидемии наносили серьезный ущерб, эта компания стала спасительным шагом: люди всерьез стали интересоваться профилактикой заболеваний. В Домах санпросвета разоблачали предрассудки относительно методов лечения и вели борьбу с санитарным невежеством. В помещении были организованы выставки по анатомии и физиологии человека, по общей и школьной гигиене, по охране материнства и младенчества, охране труда, заразным болезням, алкоголизму. Поскольку отдельного штата Дом в тот период не имел, руководство на безвозмездной основе взял на себя заведующий подотделом санитарного просвещения Курского губернского отдела здравоохранения (далее – губздравотдел) Яков Ефимович Черномордик [1, л. 15]. Об этом благородном человеке и талантливом враче, компетентном руководителе и преподавателе, для которого «безусловная доступность всех видов образования для всех» была не пустой фразой, а смыслом жизни, в дальнейшем пойдет речь в настоящей статье [2, л. 3]. Он и его семья на протяжении всего времени проживания в Курске активно проявляли себя в жизни города, что подтверждается не только архивными документами, но и различными научно-популярными изданиями, увидевшими свет в тот период времени.

Черномордик Яков Ефимович (Яков Хацкелевич) родился в Витебске 23 декабря 1870 г. в семье мещанина Черномордика Хацкеля Залмановича. В 1898 г. закончил Киевский Императорский университет Святого Владимира со степенью лекаря (копию диплома и метрическую выписку Яков Ефимович представлял в Главное Управление Красного креста г. Курска в 1904 г.) [3, л. 10, 11]. После окончания университета стажировался в Венских клиниках по внутренним, детским, женским болезням и акушерству. Окончив университет, приехал в Курск, где занимался частной практикой и работал в родильном приюте Общества Курских врачей. В 1904 г. был принят на должность врача-консультанта Курско-Знаменской общины сестер милосердия [3, л. 8], а уже летом следующего года стажировался в Германии у профессоров по акушерству и гинекологии и по внутренним болезням. Приехав в Курск, Яков Ефимович устроился на работу в Общество содействия начального образования, в котором трудился вплоть до закрытия этого учреждения в 1914 г. В том же году был назначен старшим врачом хирургического госпиталя в Народном Доме на 1040 коек, где им были организованы ортопедическое, зубо врачебное, электро-свето-водолечебное отделения и рентгеновский кабинет. После закрытия госпиталя последовало назначение на заведование лечебным подотделом губздравотдела, а с 1921 по 1923 г. – подотделом санитарного просвещения. Работу в последнем Яков Ефимович совмещал с преподаванием в медицинской школе губздравотдела и на курсах им. Пирогова [4, л. 7–7 об.].

Занимался Яков Ефимович и научной работой. Так, в декларации за 1926 г. он указал службу в Родильном Доме в должности заведующего, врачебное

консультирование на Московско-Киевско-Воронежской железной дороге, заведывание акушерским техникумом и преподаванием в педтехникуме. В те годы его научные труды публиковались в журналах «Практический врач» и «Труды общества курских врачей». Кроме того, Яков Ефимович являлся главным редактором «Вестника Курского Губздравотдела» [5, л. 3]. Немаловажен тот факт, что в вышеупомянутой декларации он отмечал и о своем участии в Пироговском съезде врачей [6, л. 305].

Дом санпросвета также не оставался без внимания Якова Ефимовича, где он не только работал в качестве врача-лектора, преподавателем пятимесячных курсов санитарной грамоты для повышения квалификации младшего медперсонала [7, л. 56, 59], но и, по возможности, привозил из Москвы экспонаты для выставок [8, л. 85–87].

Даже беглый взгляд на историю семьи Черномордики позволяет отметить ее замечательную особенность – сплоченность. Если в какой-то организации появлялся один член семьи, то рядом, скорее всего, будет и другой. В «Курском адресе-календаре на 1916 год» находим запись: «Черномордик, Яков Ефимович, врач, Садовая, 12 – член ревизионной комиссии в Совете Курского Отдела Русского Общества охранения народного здоровья». Там же работала секретарем Эмилия Ильинична Черномордик, жена Якова Ефимовича [9, с. 149].

Эта же особенность просматривается и далее. В 1919 г. Эмилия Ильинична в возрасте 44 лет поступила в Курский педагогический институт на словесно-исторический факультет. Это учебное заведение было организовано в сентябре 1918 г. как Курский учительский институт, реорганизованный в январе 1919 г. в педагогический, и в ноябре этого же года – в Курский институт народного образования (КИНО) [10, с. 623]. На третьем курсе этого же факультета училась дочь Эмилии Ильиничны – Александра [11, л. 5, 6], а уже через год среди списка служащих института народного образования мы встречаем отца Александры – Якова Ефимовича Черномордика. [12, л. 284]. Вместе с Эмилией Ильиничной на одном курсе учились Елена Благинина, София Валлат, Георгий Рейхберг (Юрий Богатогорский). Все они со временем вошли в Курский союз поэтов, созданный в марте 1920 г.

Просматривая материалы фонда губернского Общества Краеведения за 1924 г., нами была обнаружена просьба о зачислении Эмилии Ильиничны Черномордик в Курское общество краеведения. Судя по документам, выявленным в архиве, просьба была удовлетворена. В лице Эмилии Ильиничны общество нашло активного, исполнительного и творческого краеведа [13, л. 93]. Через год на пленарном заседании Совета Курского общества краеведения была утверждена Э. И. Черномордик и другие как «...члены общества до сего времени по разным причинам не утвержденных, но уже работающих в обществе активно» [14, л. 45 об.]. На следующих заседаниях культурно-исторической секции ее выступления касались Общества курских врачей и его культурно-просветительской деятельности. Принятое постановление по окончанию одного из выступления было кратким: «Доклад считать ценным. Просить подготовить к печати...» [15, л. 20].

В 1926 г. Черномордик присутствовала на всех заседаниях президиума Курского Губернского Общества, где полным ходом обсуждались организационные вопросы, связанные с началом издания «Известий Курского Губернского Общества Краеведения». В январе 1927 г. вышел первый номер. Этот печатный орган ставил задачу сблизить разрозненные краеведческие силы Курского края как между собой, так и с общесоюзным центром краеведческого движения – Центральным бюро краеведения. Над редакцией этого номера работала и Черномордик Эмилия Ильинична [16]. За трехлетнее существование издания Эмилией Ильиничной был

опубликован ряд статей и обзоров. Со временем она перешла в экономическую секцию общества, преподавала в промышленно-экономическом техникуме, но при этом не оставляла свое литературное поприще – заведовала литературным кружком в Доме Красной Армии [17, л. 21; 18, л. 14 об.].

В этой интеллигентной семье, где разговаривали на нескольких языках, где образование и самообразование стояло в приоритете, воспитывались четверо детей. К 1926 г. все жили вдалеке от родителей: сын Ефим учился в Ивано-Вознесенском политехническом институте, дочь Елена училась на медицинском факультете 2-го Московского государственного университета, Александра работала заведующей детским садом в Москве, старшая, Раиса, преподавала английский язык в Ленинградской военно-инженерной (технической) академии [5, д. 122, л. 3 об., 8 об, 12 об.].

Судьба двух дочерей может быть интересна многим.

Рита Яковлевна Райт-Ковалева (урожденная Раиса Яковлевна Черномордик) (1898–1988) – русская советская писательница, переводчик с английского, французского и немецкого языков. В ее переводе в СССР впервые появились русскоязычные версии многих произведений Генриха Бёлля, Франца Кафки, Джирома Селинджера, Уильяма Фолкнера, Курта Воннегута, Анны Франк, Эдгара По. Иногда в средствах массовой информации Якову Зиновьевичу (Залмановичу) Черномордику, уроженцу Велижа, полковнику медицинской службы, военному врачу и участнику Русско-Японской войны приписывают отцовство в отношении Риты Райт. Ее отец, Яков Ефимович, приходится племянником Якову Зиновьевичу. Это недоразумение легко объясняется одинаковыми именами и почти одним годом рождения.

После окончания Курской гимназии Раиса получила медицинское образование в Москве, но медицина не стала ее единственным интересом. Параллельно с учебой писала статьи для журналов, преподавала немецкий язык, была внештатным сотрудником РОСТА, где под руководством В. В. Маяковского готовила тексты для знаменитых «Окон РОСТА», плакатного отдела Российского телеграфного агентства, перевела на английский язык его «Мистерию Буфф». Хорошо зная Маяковского и Лилию Брик, выступила с докладом об их творчестве на вечере поэзии Курского союза поэтов [19, с. 53].

Окончив медицинский факультет 2-го Московского государственного университета, Раиса работала в лаборатории им. академика И. П. Павлова в Ленинграде, в Институте мозга, преподавала английский язык в Военно-технической академии в Ленинграде [5, л. 12 об.]. Одновременно занималась переводческой работой под псевдонимом Риты Райт, к которому затем добавила фамилию мужа. В 1939 г. Рита Райт была принята в Союз писателей СССР как переводчик: к этому моменту ею было переведено около 30 книг зарубежных авторов, а также множество рассказов, пьес. До 1941 г. Рита с мужем – Николаем Петровичем Ковалевым, капитаном-подводником, дочерью Маргаритой, впоследствии ставшей переводчицей, и с усыновленным супругами племянником Сашей (сыном ее репрессированной сестры Елены и ее мужа, Филиппа Рабиновича, расстрелянного в 1937 г.) жила в Ленинграде. Кстати, в декларации 1929 г. Черномордика Якова Ефимовича, заведующего учебной частью Медицинского техникума, было указано совместное с ним проживание и нахождение на его иждивении жены, Эмилии Ильиничны, преподавателя политической экономии на курсах, дочери, Черномордик Елены Яковлевны с сыном двух лет Рабиновичем Александром Филипповичем [5, л. 22 об.]. В годы Великой Отечественной войны Рита Райт работала в Архангельске специальным корреспондентом Совинформбюро, в 1944 г. после тяжелого ранения Николая Петровича семья переехала в Москву, а

9 мая того же года героически погибает их приемный сын Саша Ковалев, служивший юнгой-мотористом на торпедном катере. Об Александре Ковалеве был снят фильм «Юнга Северного флота». В 1946 г. при выполнении боевого задания погибает Николай Ковалев. После войны Рита Райт работала над воспоминаниями о В. В. Маяковском, В. Хлебникове, Б. Л. Пастернаке, А. А. Ахматовой [20].

В документах архива мы не обнаружили сведений об Эмилии Ильиничне Черномордик до ее замужества, но благодаря воспоминаниям Варшавского, у нас появилась возможность более полно описать семью Риты Райт. Кибернетик, профессор Виктор Ильич Варшавский, сын писателя-фантаста Ильи Иосифовича Варшавского, написал воспоминания о своей семье, где особое место было отведено предкам по отцовской линии: «Бабушка (Клара Ильинична Гинзбург) была гуманитарием, знала много языков <...>. Она переводила на русский Мопассана, Келлермана и других авторов, была членом секции переводчиков Союза писателей СССР. <...>. У бабушки была сестра Эмилия Ильинична, у которой была дочка Рита, известная переводчица Рита Райт <...>» [21, с. 7].

Через документы и воспоминания нам посчастливилось прикоснуться к семье, рассказ о которой может воодушевить кого-то перечитать некоторые страницы истории.

Источники и литература

1. Язвин М.А. Очерки по истории здравоохранения Курской области. Ч. 2. Воронеж, 1967.
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО) Ф. Р-309. Оп. 12. Д. 206.
3. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 11319.
4. ГАКО. Ф. Р-202. Оп. 2-л. Д. 321.
5. ГАКО. Ф. Р-2610. Оп. 2. Д. 122.
6. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 3. Д. 97.
7. ГАКО. Ф. Р-1955. Оп. 1-л. Д. 1.
8. ГАКО. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 1093.
9. Курский адрес-календарь на 1916 г. Курск, 1916.
10. Государственный архив Курской области. Путеводитель. Курск, 2005.
11. ГАКО. Ф. Р-935. Оп. 1. Д. 49.
12. ГАКО. Ф. Р-935. Оп. 1. Д. 11.
13. ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 55.
14. ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 1.
15. ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 24.
16. Известия Курского губернского общества краеведения. Орган совета общества. Курск, 1927. № 1–2.
17. ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 58.
18. ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 60.
19. Бугров Ю.А. Литературные хроники Курского края. Курск, 2011. 408 с.
20. Яковлева К.В. РГАЛИ. К 125-летию со дня рождения Риты Яковлевны Райт-Ковалевой (документы из коллекции Российского государственного архива литературы и искусства) // «ГодЛитературы.РФ» [Электронный ресурс] // URL: <https://godliterature.ru/articles/2023/04/19/rgali-k-125-letiiu-so-dnia-rozhdeniia-rity-iakovlevny-rajt-kovalevoj> (дата обращения: 24.10.2025).
21. Варшавский В.И. Поток сознания [Электронный ресурс] // URL: <https://textarchive.ru/c-2977740.html> (дата обращения: 24.10.2025).

**«ПЛЕМЯННИК» МЕРТЕНСОВ: НЕКОТОРЫЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ
СВЕДЕНИЯ ИЗ ЖИЗНИ КУРСКОГО ПОЭТА А. С. ЕСЬКОВА**

Среди документов о семье Мертенсов, выявленных в Государственном архиве Курской области для написания настоящей статьи, опубликованной в прошлогоднем сборнике «События и люди в документах курских архивов», один удивил и заинтересовал одновременно. В архивном фонде «Финансовый инспектор первого участка г. Курска», в материалах за 1925 г. указано, что в домовладении, находящемся в Курске на углу улиц Семеновской (дом № 30) и Золотой (дом № 34), владельцем которого являлся Отто Карлович Мертенс, проживали его сестра Ольга Карловна Попова с дочерью Еленой. Относительно последней имелась пометка – «на иждивении дяди». Еще одним племянником, жившим «на иждивении дяди», был записан Еськов Александр Сергеевич [1, л. 41]. Никакого сомнения в том, что это наш курский поэт, который в 1920-х гг. вместе с Ольгой Мертенс (Поповой) был членом Курского союза поэтов, не возникло [2, с. 49].

Александр Сергеевич Еськов родился 13 (25) июня 1899 года в Курске в крестьянской семье: отец, Сергей Васильевич Еськов, родом из Тимского уезда деревни Ханок, уволенный в запас армии старший унтер-офицер, и мать, Ольга Ивановна [3, л. 19 об. – 20]. У Александра были старший брат Владимир [4, л. 395 об. – 396] и младшая сестра Валентина [5, л. 4 об. – 5].

По окончании Курского реального училища им. князя М. И. Голенищева-Кутузова, он поступил на службу на Московско-Киево-Воронежскую железную дорогу на должность конторщика, откуда в 1920 г. уволился, в связи с переходом в отдел путей сообщения Юго-Западного фронта. В войнах и военных конфликтах начала XX в. важную роль при подготовке и ведении военных действий играли железные дороги. В эти тяжелые дни железнодорожный транспорт использовался для перевозки войск и грузов с боеприпасами, медикаментами, продуктами питания и другими необходимыми вещами для действующей армии. В ходе наступательной Орловско-Курской операции (октябрь – ноябрь 1919 г.), продвигаясь вместе с частями Красной Армии Юго-Западного фронта, военным железнодорожникам приходилось не только восстанавливать железные дороги, но и налаживать их эксплуатацию, организовывать работу многочисленных транспортных служб, депо, мастерских. Этот тяжелый труд лег на плечи и Александра Еськова.

5 сентября 1922 г. помощнику дежурного по управлению службы эксплуатации железной дороги А. С. Еськову оформили перемещение в Московское правление МКВ ж. д., как студенту Московского института востоковедения. Но уже 10 октября того же года он подал заявление: «Окончательно убедившись в том, что совмещать службу в правлении МКВ ж. д. и занятия в Институте востоковедения нет абсолютной возможности, да и <...> получаемый оклад настолько нищенский...», что в связи с этим просит об увольнении [6, л. 12].

Однако вернемся к документу о домовладении. Жить на квартире Ольги Мертенс – пожалуйста, но быть племянником прусского подданного, владельца чугунно-литейного завода Отто Мертенса кажется невероятным.

Несмотря на долгие раздумья, безрезультатные поиски надежда на понимание этого родства не покидала нас.

И вот случайный звонок в архив Андрея Смирнова, потомка Мертенсов, дал возможность задать вопрос о родственных отношениях Еськова и Мертенсов. Ответ был простым и, в то же время, впечатляющим: «Александр Сергеевич приходится мужем Елены, дочери Ольги Мертенс». Из Курска они переехали в Москву и спустя

несколько лет, в 1931 г., у них родилась дочь Наталья, в будущем – советский и российский лингвист.

Наталья Александровна Еськова – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры русской речи института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, лауреат премии им. А. С. Пушкина, автор более 230 научных работ [7]. Наталья Александровна была одним из авторов «Орфоэпического словаря русского языка: произношение, ударение, грамматические формы», который занимает достойное место в фонде научно-справочной библиотеки нашего архива [8].

В 1921 г. вышел сборник стихов Александра Еськова «Песня о голоде» и коллективный сборник «Золотые зерна», в который вошли несколько стихотворений А. Еськова. Впоследствии он работал экономистом в Иркутской области, где было написано большое стихотворное произведение «Золото». В дальнейшем Александр Сергеевич отошел от литературной деятельности.

Вот так случайная архивная находка может стать ценным источником дополнительной биографической информации об известной личности.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО) Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 172.
2. Бугров Ю.А. Литературные хроники Курского края. Курск, 2011.
3. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 412.
4. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 23.
5. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 413.
6. ГАКО. Ф. Р-307. Оп. 4-л. Д. 6486.
7. Еськова Н.А. // Открытая интернет-энциклопедия «РУВИКИ» [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.ruwiki.ru/?curid=6852512&oldid=1200973086> (дата обращения: 24.10.2025).
8. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1985.

Т. Н. Потаскаева

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЩИГРОВСКОГО АГРОНОМА-СЕЛЕКЦИОНЕРА П. М. ЗОЛОТУХИНА

Петр Максимович – личность в исторической литературе неизвестная и труд, которым он занимался все свои годы, освещался только в местной периодической печати того времени.

О месте и времени его рождения ничего не известно, документов биографического характера обнаружить не удалось. В данном материале использовались личные письма и автобиография Петра Максимовича, а также вырезки из «Курской правды» и щигровской районной газеты «Коммунар», которые он бережно собирал.

Еще в период царского самодержавия Петр Максимович, работая у помещиков, пытался вырастить в условиях нашего климата тропические растения. Однако, будучи зависим от помещика, не смог осуществить свою мечту – вырастить южные растения.

П. М. Золотухин рядом с выращенным им африканским просо. Опытное поле при детском саде в г. Щигры. 1939 г.

В первые годы после Октябрьской революции Золотухин отправился на заработки в Москву, потом приехал в Воронеж. Только работая агрономом райколхозсоюза, а затем районного земельного отдела в Левоулице, агроном Золотухин смог развести шелковичные плантации и кориандр – эфирно-масличную культуру, препараты из которого обладают ранозаживляющим и противоцинготным свойствами.

В октябре 1933 г. Золотухин был командирован на Щигровский плодоягодный завод в качестве агронома, где сразу же заложил первые 5 га смородины сорта «Лия плодоносная» [1, л. 22].

Весной следующего года он выпросил небольшой участок земли и с 1934 г. начал свои опыты. На плантации были высажены сорта клубники «Дейвери», «Чудо Кэтти», «Карл-Луиза» [1, л. 246]. Осенью 1935 г. агроном Золотухин добился отличных результатов и собрал, больше тонны душистых ягод. Редкие и капризные тропические растения: чуфа (родина – Африка), арахис (Бразилия), кунжут (Турция, Персия, провинции Афганистана), клещевина (родина – Азия), земляничный томат, завезенный из Азии, ревень, китайская капуста (Япония) и многие другие культуры дали отличный урожай на его плантации [1, л. 246]. Он заложил плантацию чуфы, которая могла представлять интерес для пищевой промышленности. Петр Максимович хотел, чтобы эта культура заняла видное место в ряду масличных культур, выращиваемых в регионе [1, л. 246].

В октябре 1936 г. Золотухин вернулся из поездки в Москву, где был на приеме в Наркомпищепроме. Там Петр Максимович поделился опытом акклиматизирования тропических культур и их применения на плодоягодном заводе. Экспонаты, привезенные Золотухиным на совещание, вызвали большой интерес и восхищение у присутствовавших. По решению Наркомпищепрома опытный участок агронома Золотухина был расширен до 10 га для ведения научно-исследовательской работы [1, л. 246].

Сам он не только выращивал редкие для нашего климата культуры, но и рассказывал о них на сельскохозяйственных выставках и на страницах газет. В заметке «Чуфа», опубликованной в газете «Курская правда» в 1936 г., он рассказывает о новой культуре, о ее вкусовых качествах и полезных свойствах: «Чуфа или земляной миндаль...клубеньки содержат масло..., кроме жира белков в чуфе содержится 18 процентов сахара и до 30 процентов крахмала. Все это делает чуфу культурой ценной для кондитерской промышленности» [1, л. 246].

На выставке, организованной во время областного съезда Советов в октябре 1936 г., Петр Максимович выставлял свои опытные образцы. «Около маленького столика... стоял небольшой старичок, у которого только лысина осталась

свободной от морщин. Старичок радушно, словно за чашкой чая, угощал всех вареньем из невиданных зеленых ягод. Сыпал на ладонь посетителям рыжий порошок из стеклянных банок, и каждый посетитель окунал язык в этот порошок и восхищенно чмокал. <...> Чуфа – растение из Африки. Из клубней его изготавливается лучший суррогат кофе, какао, халва, конфеты, пирожное, молоко с миндальным вкусом». В своем выступлении в дни съезда секретарь обкома ВКП(б) И. У. Иванов отметил работу Золотухина, который в условиях Щигровского района выращивал субтропические и тропические растения.

Плодоягодный завод в Щиграх начал выращивать ревень, который акклиматизировал Петр Максимович. В июне 1936 г., еще не сняв урожая фруктов, завод изготовил из ревеня конфетную начинку, пастилу, мармелад, варенье [1, л. 23].

На опытных участках давали хорошие урожаи кунжут, арахис или китайская фисташка, ягода Бусина или земляничный томат, перуанская вишня, мексиканский томат, из ягод которых готовили варенье и джем. Кроме этого были акклиматизированы такие культуры как дынная груша, инжир, финик «Унаби», дыни сортов «Гуляби» и «Рокфор», индийский огурец, японский огурец. Из зерновых культур на опытном поле росли голосеменной овес и голосеменной ячмень [1, л. 44–45].

С первого года открытия Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве Петр Максимович стал ее участником, представляя на ней выращенные в условиях Щигровского района растения. Начал сотрудничать с Академией сельскохозяйственных наук им. Ленина (ВАСХНИЛ).

В то же время Золотухин становится «ярким последователем», как он о себе говорил, работ академиков Т. Д. Лысенко и Н. В. Цыцина.

В 1939 г. в Щигровском районе был организован опорный пункт новых кормовых культур. В 1940 г. по согласованию с ВАСХНИЛ в одном из колхозов района было выращено 32 сорта новых культур [1, л. 41].

На плантациях произрастало сорго шести сортов, могоар красный, суданка, пайза (однолетнее травянистое растение семейства мятликовых), вайда (семейство капустных), американская трава, подсолнечник гигант, арбуз кормовой, капуста кормовая, топинамбур, тефф абиссинский (однолетнее травянистое растение семейства злаков), лядвенец рогатый (многолетнее растение семейства бобовых), черноголовник (многолетнее травянистое растение) [1, л. 17].

В это время совместно с заведующим Щигровским РайОНО Свиридовым агроном-опытник организовал 83 пришкольных участка, а также участок при детском саде, на которых выращивали пищевые, эфирно-масличные и кормовые культуры из семенного материала, предоставленного Золотухиным.

Весной 1941 г. на опытных полях были высажены новые культуры, которые не суждено было убрать, поля были уничтожены. Немцы забрали у Петра Максимовича весь семенной материал, его оставили в живых только по причине старости. Только чудом уцелели семена некоторых культур, из которых уже в 1943 г. был выращен урожай.

В планах у Золотухина были опыты по выращиванию картофеля с высокой урожайностью: до 50 клубней под каждым растением [1, л. 41].

Будучи уже пожилым человеком, страдающим от потери зрения, агроном-стахановец продолжал работать. Переписывался с научно-краеведческим советом при областном краеведческом музее и отделом природы того же музея. Делился и обменивался семенами. Одно из последних своих писем директор опорного пункта новых пищевых и кормовых культур агроном Золотухин направил в краеведческий музей 10 марта 1945 г. Умер Петр Максимович 10 мая 1946 г. в возрасте 66-и лет.

1. Государственный архив Курской области. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 10.

В. В. Марковчин

КАЗАК ИЗ «ЗОЛОТОЙ ОРДЫ»: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ДВАЖДЫ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА А. Е. БОРОВЫХ

Известный советский летчик-ас Андрей Егорович Боровых родился 30 октября 1921 г. в Казацкой слободе под г. Курском¹. В 1936 г. закончил 7 классов Казацкой школы, построенной на средства жителей слободы². Вместе с родителями Андрей Егорович проживал в частном доме в долине реки Кур, расположенном по ул. 2-я Трубаровка, в д. № 5. Предки Боровых жили также в Казацкой слободе (казак Борис Боровов из рода Борововых вместе с братьями, которые получили здесь земельные наделы. Позднее, состоящая из домов братьев Борововых улица, получила название Борововка. Со временем изменилась и сама фамилия – она упростилась до Боровых) [1, с. 28, 31].

Часть слобожан работала в Курске. Туда же, по окончании семилетки, устроился на работу А. Боровых. В транспортном предприятии г. Курска он до призыва в армию работал шофером автоколонны. Еще обучаясь в школе, он посещал занятия в аэроклубе, и когда начал самостоятельную жизнь, то без отрыва от работы (в вечернее время) занимался в Курском аэроклубе по-настоящему – готовился стать летчиком, о чем мечтал с детства [1, с. 87–110]. С самого начала обучения старался как можно быстрее освоить новую профессию.

На военную службу был призван 3 января 1940 г. Курским райвоенкоматом Курска, и как это было принято в те годы уже с 8 января 1940 г. стал курсантом Чугуевской военной авиационной школы пилотов (Чугуевской ВАШП) в Харьковской области. Уже через год и 3 недели закончил ускоренный курс Чугуевской ВАШП, получив звание сержанта: настолько хорошо был подготовлен. После выпуска был оставлен в училище, получив должность пилота-инструктора [2].

На фронт А. Е. Боровых попал только в декабре 1941 г. Первую свою победу одержал уже в первом боевом вылете. За семь последующих вылетов на счет летчика было записано еще два немецких самолета: о его бесстрашности слагали легенды. Кандидат в члены ВКП (б) с июля 1942 года. Член ВКП(б) с июня 1943 г., партийный билет № 01785705 (после перерегистрации партийного билета –

¹ Казацкая слобода вошла в состав г. Курска только в 1939 г.

² Казацкая школа находилась неподалеку от современной школы № 9 г. Курска, носящей сегодня имя А. Е. Боровых.

№ 06006145). Летал на самолетах И-16, «Хокер Харрикейн», ЛаГГ-3, Як-1, Як-3, Як-7 и Як-9.

Был легко ранен в левую ногу во время боев под п. Поныри Курской области 19 мая 1943 г. Всего за годы войны майор А. Е. Боровых совершил 475 боевых вылетов, в 114 воздушных боях сбил лично 30 и в составе группы 17 самолетов противника (по наградным листам – 32 личные и 14 групповых побед), хотя цифры одержанных побед в нескольких источниках разнятся. Воевал на Северо-Западном, Калининском, Центральном, Белорусском и 1-м Белорусском фронтах, принимал участие в освобождении Европы. Закончил войну в Берлине.

После войны в числе 20 дважды Героев Советского Союза (так называемой «Золотой Орды») А. Е. Боровых летом 1946 г. поступил и в 1951 г. окончил Краснознаменную ВВА. Позднее, уже в 1957 г., закончил и Военную академию Генерального штаба ВС СССР им. К. Е. Ворошилова. Почетное звание «Заслуженный военный летчик СССР» ему было присвоено Указом Президиума Верховного Совета 16 августа 1966 г., знак № 33, удостоверение № 10. Депутат ВС СССР и ВС РСФСР. Награжден восемью орденами и медалями иностранных государств (ПНР, ГДР, МНР, ЧССР).

18 сентября 1948 г. в центре Курска, в парке имени 1 Мая, А. Е. Боровых был установлен памятник – бронзовый бюст работы скульптора В. К. Трофимова-Ефимова, позднее его именем названа одна из улиц города. Памятная доска, посвященная летчику, была открыта также в г. Хабаровске. Еще находясь на военной службе, Андрей Егорович начинает пробовать себя в литературном жанре. И хотя первые его книги весьма небольшие по объему (80 с небольшим страниц), «Новая техника, оружие и человек» (солдату и матросу о революции в военном деле; М.: «Воениздат», 1972) и «Надежный щит Родины» (Молодежи о Вооруженных Силах. Литературная запись Г. П. Полякова; М.: изд-во ДОСААФ, 1985) нашли своих читателей.

Начиная с 1977 г. жизнь А. Е. Боровых сильно изменилась. Он получил новое назначение: стал консультантом Института военной истории. Новая глава в жизни генерал-полковника была весьма интересной и разноплановой. Институт готовил профессиональных ученых и военных историков, различную справочную и энциклопедическую литературу, касающуюся военного дела. Его сотрудники выступали в качестве рецензентов многочисленных послевоенных мемуаров и художественной прозы, школьных и университетских учебников, в которых рассказывалось о войне. Без военных историков в те годы не обходились ни в художественном кинематографе, ни в документальном кино: прежде чем выпустить их на широкий экран, все их достоинства оценивались специалистами Института военной истории. На третьем этаже здания института была оборудована даже специальная студия, в которой записывались воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны.

Подобно генерал-полковнику А. Е. Боровых, в разные годы здесь трудились многочисленные фронтовики: Герои Советского Союза генерал-лейтенант Г. Ф. Самойлович, вице-адмиралы Н. В. Усенко, И. А. Сорнев, генерал-майор С. Ф. Лиховидов; военные консультанты: генерал-полковники И. И. Белецкий, П. Б. Данкевич, Ф. А. Мажаев, М. И. Повалий, А. Г. Шурупов, генерал-лейтенант технических войск А. С. Николаев, генерал-майор И. Т. Болдырев. Институт гордился своими двенадцатью лауреатами Ленинской, Сталинской и Государственной премий, работавших здесь, а также восемью заслуженными деятелями науки РСФСР и Российской Федерации [3, с. 15].

Работы в институте всегда хватало. Так, например, начиная с 1987 г. в Институте военной истории готовился десятитомный труд «Великая Отечественная

война советского народа». В ходе его разработки особое внимание уделялось причинам, характеру, содержанию, итогам и урокам войны, а также разработке общей концепции и определения основных принципов построения труда, формирование научных гипотез и концепций при рассмотрении таких сфер, как внешняя и внутренняя политика, экономика, идеология и т. п. [5, с. 59].

Консультанты Института военной истории часто встречались в столовой института, вспоминали прошлые битвы, спорили по различным военным вопросам, высказывали собственные соображения по текущим проблемам современности. Сама научная среда этому всячески способствовала. Так, например, ежегодно в научных коллективах Института совместно с учеными других научных учреждений проходили десятки дискуссий, методологических семинаров, круглых столов, в ходе которых оттачивалась общая концепция, уточнялись важнейшие теоретико-методологические вопросы [5, с. 60]. Андрею Егоровичу всегда было что сказать по любой теме: помимо незаурядных летных, боевых качеств, он хорошо ориентировался во всех вопросах, связанных с военной проблематикой.

Так, например, в 1988–1989 гг. в Институте прошли теоретические семинары, заседания ученого совета (неизменным членом которого А. Е. Боровых был долгие годы), на которых рассматривались общие и методологические проблемы военной истории, в их числе: теоретический семинар по теме «Методологические проблемы истории Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» – прошел 21 января 1988 г.; расширенные заседания Ученого совета Института по темам: «Место и роль военно-исторической науки в условиях перестройки» (состоялся 19 апреля 1989 г.; «Цена победы: методологические и мировоззренческие проблемы» (7 июня 1989 г.).

В числе ветеранов Великой Отечественной войны А. Е. Боровых принял участие в Параде Победы 9 мая 1985 г.; в 1988 г. он стал Почетным гражданином города Курска. В этот же период времени произошли большие изменения в личной жизни героя-летчика. Приказом Министра обороны СССР № 304 от 23 апреля 1988 г. А. Е. Боровых был уволен в отставку по ст. 60, пункт «а» (по возрасту), с правом ношения военной формы. Андрей Егорович был направлен на специальный учет в Фрунзенский РВК г. Москвы.

Жизнь на гражданке продолжалась недолго. А. Е. Боровых скончался 7 ноября 1989 г. в Москве и был захоронен на Новодевичьем кладбище (участок 11, ряд – 1, могила 10). Некролог, подписанный руководством Министерства обороны СССР, был опубликован в газете «Красная звезда».

Как стало известно позднее, смерть А. Е. Боровых наступила в результате травм, нанесенных ему в ходе ссоры с неустановленными лицами в продовольственном магазине, расположенном в районе ул. Сивцев Вражек. Уголовное дело не возбуждалось, чтобы не омрачать очередную годовщину Великой Октябрьской Социалистической Революции. Некоторое время семья думала, что он ночует у кого-то из близких друзей, а милиция просто не придавала большого значения мертвому человеку, найденному на улице без документов.

Несколько слов о семье. Жена А. Е. Боровых – Генриэтта Максовна (1 декабря 1927–2011), дочь генерал-полковника Макса Андреевича Рейтера (1886–1950), бывшего командующего Брянским и Резервным фронтами Великой Отечественной войны, похороненного также на Новодевичьем кладбище г. Москвы. На момент смерти генерал-полковника А. Е. Боровых семья проживала в г. Москве по адресу: Воротниковский пер., д. 2/11, кв. 46. Тел. 299-66-87. Позднее домашний адрес несколько раз менялся. После своей смерти Генриета Максовна была похоронена в одной могиле с мужем.

Известно, что в семье были два сына: Боровых Андрей Андреевич (11 июля 1952–2001) – выпускник Балашовского высшего военного авиационного училища

лётчиков (1974 года выпуска), полковник авиации (Украина). Умер там же в 2001 г., эксгумирован и похоронен в Москве в одной могиле с отцом. Судьба второго сына, Боровых Алексея Андреевича (1961 г. р.) – не установлена.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют в какой-то мере восстановить жизненный путь бесстрашного лётчика: данные о его награждениях, занимаемых должностях и званиях. Это дань памяти дважды Герою Советского Союза генерал-полковнику А. Е. Боровых. Человеку из Казацкой слободы, с которым автор (с разницей в полвека) ходил по одним и тем же улицам.

И последнее. Награды дважды героя Советского Союза А. Е. Боровых 11 мая 2017 г. были проданы на одном из британских аукционов (торговая площадка DNW) за 120 000 фунтов стерлингов, вместе с соответствующими документами. В чьем распоряжении они были в момент продажи и в чьих руках оказались потом – неизвестно [3].

Таблица № 1

НАГРАЖДЕНИЯ

(проходящие по ИПК – информационно-поисковым картам)

Наименование награды	Основание	№ и основания
Медаль «Золотая звезда» Героя Советского Союза	Указ ПВС СССР от 24.08.1943, знак № 1077	За 328 успешных боевых вылетов и участие в 55 воздушных боях, в которых сбил лично 12 и в составе группы 12 самолётов.
Медаль «Золотая звезда» Героя Советского Союза	Указ ПВС СССР от 23.02.1945, знак № 62	За лично сбитые в 49 воздушных боях ещё 19 вражеских самолётов.
Орден Ленина	Указ ПВС СССР от 24.08.1943, знак № 14777	
Орден Красного Знамени	Пр. Калининского фронта, знак № 34454	От 22.6.1942 г. № 0240
Орден Красного Знамени	Пр. Калининского фронта, знак № 3119	От 6.11.1942 г. № 0458
Орден Красного Знамени	Пр. 16-й ВА, знак № 518	От 9.7.1943 г. № 30/н
Орден Александра Невского	Пр. 16-й ВА, знак № 4002	От 22.6.1944 г. № 111/н
Орден Красного Знамени	Пр. 16-й ВА, знак № 766	От 31.7.1945 г. № 267/н
Орден Красного Знамени	Указ ПВС от 22.02.1955, знак № 182	
Орден Красной Звезды	Указ ПВС от 26.10.1955, знак № 3385497	
Орден За службу Родине в ВС СССР III ст.	Указ ПВС от 30.04.1975, знак № 1612	
Орден Красной Звезды	Указ ПВС от 29.10.1971, знак № 3615287	
Орден Красной Звезды	Указ ПВС от 16.02.1982, знак № 3706449	
Орден Отечественной войны I ст.	Указ ПВС от 11.03.1985	
Медаль «За боевые заслуги»	Указ ПВС от 15.11.1950	
Орден Ленина	Указ ПВС от 31.10.1967, знак № 322108	

Таблица № 2

ПРИСВОЕНИЕ ЗВАНИЙ

Присвоение званий	Чей приказ	№ приказа	Дата приказа
Младший лейтенант	3-я Воздушная армия Центрального фронта	0267	09.05.1942
Лейтенант	3-я Воздушная армия Центрального фронта	0509	10.07.1943
Ст. лейтенант	16-я Воздушная армия	010	03.11.1943
Капитан	1-й Белорусский фронт	0102	15.03.1944
Майор	1-й Белорусский фронт	042	17.01.1945
Подполковник	ГК ВВС	0268	20.01.1949
Полковник	ВМ СССР	0775	27.02.1952
Генерал-майор авиации	Постановление Совета Министров СССР	1034	27.08.1957
Генерал-лейтенант авиации	Постановление Совета Министров СССР	405	09.05.1961
Генерал-полковник авиации	Постановление Совета Министров СССР	110	19.02.1968

Таблица № 3

ЗАНИМАЕМЫЕ ДОЛЖНОСТИ

Должность, часть, заведение, соединение, армия, группа войск, фронт или округ, флот или флотилия	Чей приказ	Номер приказа	Число, месяц и год
Курсант Чугуевской военной авиационной школы пилотов	ВВС	040	03.01.1940
Пилот-инструктор Чугуевской военной авиационной школы пилотов	ВВС МВО	040	31.01.1941
Пилот 728-го ИАП 3-й ВА Калининского фронта	3-й ВА	0267	09.05.1942 11.1941
Ком. звена 728-го ИАП 3-й ВА	3-й ВА	031	23.08.1942
Пилот 157-го ИАП 256-й ИАД 3-й ВА	256 ИАД	083	30.10.1942
Ст. пилот 157-го ИАП 273-й ИАД 3-й ВА ЦФ	3-й ВА	0105	15.12.1942
Ком. звена 157-го ИАП 16-й ВА ЦФ	ЦФ	0509	10.07.1943 15.03.1943
Командир АЭ 157-го ИАП 273-й ИАД 16-й ВА 1-го Белорусского фронта	16-й ВА	069	24.03.1943
Штурман 157-го ИАП 16-й ВА 1-го Белорусского фронта	16-й ВА	06	19.01.1945
Зам. ком. по летной части 157-го ИАП 234-й ИАД 16-й ВА ГСОВГ	6-го ИАК	03	15.03.1945
Командир 233-го ИАП 4-й Гв. ИАД 16-й ВА ГСОВГ	16-й ВА	014	26.09.1945
Слушатель командного факультета Краснознаменной ВВА	КВАА ГК ВВС	455 0152	17.12.1946 17.01.1948
Зам. командира 9-й ИАД	ГК ВВС	01545	05.06.1951
Командир 98-й Гв. ИАД	ВМ СССР	01217	29.03.1952
Слушатель основного факультета ВВА им. К. Е. Ворошилова	МО СССР	04519	03.11.1955
Командир 88-го ИАК	МО СССР	02499	14.11.1957
Первый заместитель командующего – член Военного совета 52-й ВИА	МО СССР	02680	21.10.1958
Командующий 52-й ВИА	МО СССР	01393	07.08.1959
Командующий истребительной авиацией Московского округа	МО СССР	0642	09.05.1960
Командующий авиацией Московского округа ПВО	МО СССР	0018	27.08.1960
Заместитель командующего войсками Московского округа ПВО по авиации – командующий авиацией	МО	0221	18.02.1963
Командующий 11-й отдельной армией ПВО – заместитель командующего войсками	МО	01332	21.08.1963

Дальневосточного военного округа по войскам ПВО страны и член Военных советов армии и округа			
Командующий 8-й отдельной армией ПВО – заместитель командующего войсками Киевского военного округа по войскам ПВО страны и член Военного совета армии и КВО	МО	01026	22.07.1968
Командующий авиацией ПВО страны и член Военного совета войск ПВО страны	МО	01450	07.08.1969
В распоряжении главнокомандующего войсками ПВО страны	МО	0263	21.04.1977
Военный консультант Института военной истории Министерства обороны	МО	0689	27.07.1977
Военный консультант Института военной теории и истории Министерства обороны СССР	МО	01018	28.11.1977

Источники и литература

1. Дегтярёв Ю.В. Казачий след в Курске, или заметки о прошлом курской слободы Казацкой и об ее героях. Курск, 2016.
2. Три послужных списка (информационно-поисковых карты или ИПК) на генерал-полковника Боровых А.Е.; специальная форма из картотеки на Героев Советского Союза. Место хранения: Управление кадров Минобороны России.
3. На британском аукционе заявлено о продаже наград генерал-полковника А. Е. Боровых [Электронный ресурс] // URL: <https://topwar.ru/116141-na-britanskom-aukcione-zayavleno-o-prodazhe-nagrad-general-polkovnika-aeborovyh.html?ysclid=mgqu4e551f123115413> (дата обращения: 14.10.2025).
4. Институт военной истории 55 лет. М., 2021.
5. Институт военной истории МО РФ. (1966–1996). Исторический очерк. М., 1996.

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

«...ЗА ТРУДЫ, ПОНЕСЕННЫЕ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ»: НАГРАДЫ КУРЯН ЗА ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ ФРОНТУ И ДЕЛА В ТЫЛУ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «КУРСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»)

О реалиях Великой войны 1914–1918 гг., оказавших влияние на систему государственного управления и общественный уклад в России, свидетельствуют многочисленные перемены военного времени в административной, хозяйственной и культурной жизни страны. Деятельность государственных служб и ведомств, общественных организаций в решении задач по обеспечению нужд фронта и работы тыла нашла отражение в практике наградного дела этого времени.

Речь идет о «пожаловании» правительственных наград «за труды, понесенные в условиях военного времени» и другие, сходные с ними «отличия», действовавшего наряду с установленным законодательством порядком награждений «за прямое исполнение служебных обязанностей, по долгу присяги» за выслугу лет. Сведения по данной категории награжденных свидетельствуют не только о мере заслуг и служебном (или каком-либо ином) поприще, на котором они отличились, но, также об эффективности работы государственных ведомств и общественных организаций, деятельность которых была важна и востребована в условиях военного времени. В данном контексте любая информация о наградах курян за вышеуказанные «труды» будет небезынтесна для курского краеведения.

Одним из источников, содержащих такие сведения, являются объявления о «Высочайших наградах»¹, «Высочайшие приказы» по гражданскому ведомству, приказы «Главноуправляющих отдельными частями» этого ведомства, приказы Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта [1, с. 217] и Верховного начальника санитарной и эвакуационной части [2, с. 224]. (Тексты указанных документов были опубликованы в разделе «Распоряжения правительства» «Официальной части» газеты «Курские губернские ведомости» (далее – КГВ) за период с декабря 1914 г. по февраль 1917 г.).

Согласно этим данным, государственными наградами за отличия, проявленные «в условиях военного времени» были отмечены 147 курян, служивших или принимавших участие в работе следующих ведомств: главного командования войсками Юго-Западного фронта – 11 чиновников (1916 г.); Министерства внутренних дел – 97 чиновников², служащих (1914 г. – 1; 1915 г. – 81; 1916 г. – 16); Министерства путей сообщения – 2 чиновника (1915 г.); Министерства финансов – 7 чиновников (1916 г.); Всероссийского земского союза – 15 служащих (1917 г. – 15); Российского общества Красного Креста – 13 чиновников и служащих (1916 г.); Комитета великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий – чиновник и служащий (1915 г. – 1; 1917 г. – 1); Комитета по снабжению одеждой нижних чинов, увольняемых на родину из всех лечебных заведений империи (под председательством великой княгини Марии Павловны) – 1 чиновник (1916 г.).

¹ Объявления о «Высочайших наградах» образуют отдельную от «Высочайших» приказов группу публикаций с преамбулой, отличной от предваряющих приказы текстов: например: «ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, согласно положению Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах, Всемиловейше соизволил ко дню /дата/, пожаловать по ведомству /название/, за оказанные /труды, отличия/, нижеследующие награды: ...».

² Коллежский регистратор Д. Соколовский был представлен к награде дважды.

К данной категории награжденных также можно отнести председателей волостных попечительств «по призрению семейств нижних воинских чинов» (1916 г. – 2) и попечительницу земского лазарета «для раненых воинов» (1916 г. – 1), отмеченных «за оказанные отличия неслужебные».

Вызывает вопрос принадлежность к указанной категории курян-добровольцев, награжденных «за оказанные отличия неслужебные», по всей видимости, за участие в работе добровольной санитарной дружины Курского губернского земства, деятельность которой также могла быть связана с оказанием помощи тыловым медицинским учреждениям (1916 г. – 8).

Все награждения – «Высочайшее Его (Ее) Императорского Величества благоволение (благодарность)», чинопроизводство, знаки отличия (ордена и медали) разных классов и степеней – производились в соответствии с правилами, изложенными в «Положении о порядке производства дел» и «Дополнительных Правилах о наградах» Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах, состоявшего при Собственной его императорского величества канцелярии [3].

Ниже, отдельно по каждому ведомству, в виде таблиц, представлены персональные данные награжденных, свидетельствующие об их служебном положении, чинах или сословной принадлежности, наградах с датами «пожалования» и объяснением причин представления к этим наградам, указания на источники сведений о награждениях (или документ, регламентирующий правила награждения) и публикации объявлений об этом в газете.

Даты награждения, объявления приказов и их публикаций в газете указаны без изменений, в соответствии со старым календарным стилем. Фразы, содержащие сведения о причинах представления к наградам, воспроизведены по источнику.

Публикацию подготовил старший научный сотрудник отдела истории Курского областного краеведческого музея С. А. Пахомов.

Источники и литература

1. Филатьев Д. Полевое управление войск. Наше «Положение» 1890 года и применение его в войну 1904–1905 г. СПб., 1912.
2. Мазинг Ю.А. Семья «русских» Ольденбургских // Пространство и время. 2011. № 2(4). С. 216–228.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 12. Ст. 8845.

СВЕДЕНИЯ

о курянах, награжденных за помощь фронту и дела в тылу в период Первой мировой войны

Должность, фамилия и имя награждаемого	Награда	Документ, на основании которого состоялось награждение	Выходные данные
По военному ведомству¹			
Вице-губернатор, надворный советник, камер-юнкер Двора е. и. в., граф Гендриков	<i>Орден Св. Владимира IV ст.</i>	Приказ Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта от 6 мая 1916 г. № 811	КТВ. 1916. 9 июня. № 65. С. 1.

¹ Награждены с формулировкой «...за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий...».

Должность, фамилия и имя награждаемого	Награда	Документ, на основании которого состоялось награждение	Выходные данные
Петр			
Помощник V разряда начальника губернской тюрьмы, губернский секретарь Зув Михаил	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Приказ Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта от 6 мая 1916 г. № 811	КГВ. 1916. 9 июня. № 65. С. 1.
Податный инспектор 1-го участка г. Курска, коллежский советник Левенталь Николай	<i>Орден Св. Анны II ст.</i>	Приказ Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта от 6 мая 1916 г. № 811	КГВ. 1916. 9 июня. № 65. С. 1.
Помощник начальника Курского исправительного арестантского отделения, коллежский секретарь Лиховицкий Николай	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Приказ Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта от 6 мая 1916 г. № 811	КГВ. 1916. 9 июня. № 65. С. 1.
Помощник пристава 2-й части г. Курска, губернский секретарь Лохвицкий Митрофан	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Приказ Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта от 6 мая 1916 г. № 811	КГВ. 1916. 9 июня. № 65. С. 1.
Помощник V разряда начальника губернской тюрьмы, губернский секретарь Маляревский Федор	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Приказ Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта от 6 мая 1916 г. № 811	КГВ. 1916. 9 июня. № 65. С. 1.
Заведующий административным столом в присутствии Губернского правления, губернский секретарь Орлов Георгий	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Приказ Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта от 6 мая 1916 г. № 811	КГВ. 1916. 9 июня. № 65. С. 1.
Податный инспектор Новооскольского уезда, статский советник Пустовитов Петр	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Приказ Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта от 6 мая 1916 г. № 811	КГВ. 1916. 9 июня. № 65. С. 1.
Правитель канцелярии губернатора, надворный советник Селянинов Михаил	<i>Орден Св. Анны II ст.</i>	Приказ Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта от 6 мая 1916 г. № 811	КГВ. 1916. 9 июня. № 65. С. 1.
Председатель земской управы Курского уезда, губернский секретарь Шевелев Петр	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Приказ Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта от 6 мая 1916 г. № 811	КГВ. 1916. 9 июня. № 65. С. 1.
Старший помощник правителя канцелярии губернатора, коллежский советник Шпакович Семен	<i>Орден Св. Анны II ст.</i>	Приказ Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта от 6 мая 1916 г. № 811	КГВ. 1916. 9 июня. № 65. С. 1.
По ведомству Министерства внутренних дел			
Награждались с формулировкой «...за труды по мобилизации...», в т. ч. «...за труды по мобилизации 1914 г. ...» и «За труды по мобилизации 1914 г.»			
Член земской управы Дмитриевского уезда, губернский секретарь Аладын Петр	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Заведующий Ивницким военно-конским участком Льговского уезда, крестьянин Асеев Михаил	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.

Должность, фамилия и имя награждаемого	Награда	Документ, на основании которого состоялось награждение	Выходные данные
	<i>Св. Станислава</i>		
Земский начальник Старооскольского уезда, коллежский советник Беляев Павел	<i>Орден Св. Станислава II ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Земский начальник Рыльского уезда, губернский секретарь Богословский Евгений	<i>Орден Св. Анны III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Заведующий 11-м военно-конским участком Курского уезда, крестьянин Боев Иван	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Станислава</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Чиновник канцелярии Губернского по воинской повинности присутствия, коллежский регистратор Бондарев Василий	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Секретарь Грайворонского уездного по воинской повинности присутствия, губернский секретарь Бондарев Иван	<i>Орден Св. Анны III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Секретарь Новооскольского уездного по воинской повинности присутствия Бубликов Михаил	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде	КГВ. 1915. 19 сент. № 108. С. 1.
Помощник заведующего Студеновским военно-конским участком Рыльского уезда, крестьянин Вернигоров Филимон	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Чиновник канцелярии присутствия Губернского правления, коллежский регистратор Владимиров Владимир	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Исполняющий должность уездного исправника в Щигровском уезде, коллежский асессор Вознесенский Григорий	<i>Высочайшее благоволение</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Помощник заведующего 9-м военно-конским участком Дмитриевского уезда, крестьянин Волобуев Дмитрий	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Станислава</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Полицейский надзиратель	<i>Орден Св.</i>	Высочайший приказ	КГВ. 1915. 5 дек.

Должность, фамилия и имя награждаемого	Награда	Документ, на основании которого состоялось награждение	Выходные данные
в г. Щигры, губернский секретарь Воронов Иван	<i>Станислава III ст.</i>	от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	№ 140. С. 1.
Заведующий 5-м военноконским участком Щигровского уезда, крестьянин Гатилов Федор	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Земский начальник Тимского уезда, титулярный советник Глазов Иван	<i>Орден Св. Станислава II ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Секретарь Дмитриевского уездного полицейского управления, коллежский регистратор Глушенко Яков	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Полицейский надзиратель в г. Льгов, коллежский регистратор Голигузов Феоктист	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Помощник уездного исправника в Щигровском уезде, титулярный советник Голубятников Сергей	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Заведующий 21-м военноконским участком Курского уезда, крестьянин Гуторов Федор	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Секретарь Тимского уездного по воинской повинности присутствия, коллежский секретарь Демин Михаил	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Заведующий Коровяковским военноконским участком Рыльского уезда, крестьянин Дразный Василий	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Заведующий 5-м военноконским участком Дмитриевского уезда, крестьянин Дюбаков Семен	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Станислава</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Заведующий 1-м военноконским участком Старооскольского уезда, крестьянин Дятлов Василий	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная,</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.

Должность, фамилия и имя награждаемого	Награда	Документ, на основании которого состоялось награждение	Выходные данные
	<i>на ленте ордена Св. Станислава</i>		
Заведующий Угонским военно-конским участком Львовского уезда, крестьянин Еремин Федор	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Станислава</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Заведующий 4-м военно-конским участком Дмитриевского уезда, крестьянин Ермаков Дмитрий	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Станислава</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Земский начальник Старооскольского уезда, титулярный советник Жефаридзе Владимир	<i>Орден Св. Станислава II ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Помощник уездного исправника в Рыльском уезде, надворный советник Жилаев Василий	<i>Орден Св. Анны III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Уездный исправник в Новооскольском уезде, коллежский советник Зарин Георгий	<i>Орден Св. Анны II ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Становой пристав в Щигровском уезде, коллежский регистратор Ильинский Василий	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Член Курской уездной земской управы, коллежский советник Каменев Илья	<i>Орден Св. Станислава II ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Заведующий 1-м военно-конским участком г. Рыльска, купец Каменев Михаил	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Член Новооскольской уездной земской управы, мещанин Кириллов Яков	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде	КГВ. 1915. 19 сент. № 108. С. 1.
Помощник заведующего Износковским военно-конским участком Львовского уезда, крестьянин Кобенков Харитон	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.

Должность, фамилия и имя награждаемого	Награда	Документ, на основании которого состоялось награждение	Выходные данные
	<i>Св. Станислава</i>		
Помощник заведующего 7-м военно-конским участком Путивльского уезда, крестьянин Кривенко Иван	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Станислава</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Исполняющий должность секретаря Губернского по воинской повинности присутствия, личный почетный гражданин Крозкин Алексей	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Объявление о Высочайшей награде	КГВ. 1915. 19 сент. № 108. С. 1.
Чиновник канцелярии Уездного съезда в г. Дмитриев, губернский секретарь Леонтьев Петр	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Заведующий 7-м военно-конским участком Старооскольского уезда, крестьянин Лисицын Николай	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Станислава</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Секретарь Рыльского уездного по воинской повинности присутствия, коллежский асессор Литвинов Яков	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Член Щигровской уездной земской управы, купец Лифанов Иван	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде	КГВ. 1915. 19 сент. № 108. С. 1.
Заведующий Бобриковским военно-конским участком Льговского уезда, крестьянин Манжосов Роман	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Станислава</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Уездный исправник в Корочанском уезде, коллежский советник Мануйлов Павел	<i>Орден Св. Станислава II ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Член Курской уездной земской управы, коллежский асессор Масалов Василий	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Канцелярский служитель Белгородского уездного по воинской повинности присутствия	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на</i>	Объявление о Высочайшей награде	КГВ. 1915. 19 сент. № 108. С. 1.

Должность, фамилия и имя награждаемого	Награда	Документ, на основании которого состоялось награждение	Выходные данные
Мировицкий Федор	<i>грудь, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>		
Заведующий Кульбакинским военноконским участком Рыльского уезда, крестьянин Московой Пантелеймон	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Станислава</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Становой пристав в Корочанском уезде, губернский секретарь Моторный Павел	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Заведующий 1-м военноконским участком г. Курска, мещанин Назаров Василий	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Станислава</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
В штате Губернского правления, коллежский секретарь Никоненко Андрей	<i>Орден Св. Анны III ст.</i>	Высочайший приказ от 30 марта 1916 г. № 22 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1916. 23 апр. № 45. С. 1.
Депутат Дворянского собрания Тимского уезда, титулярный советник Позняков Петр	<i>Орден Св. Анны III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Уездный исправник в Старооскольском уезде, коллежский советник Покидов Пантелеймон	<i>Орден Св. Анны II ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Заведующий 14-м военноконским участком Путивльского уезда, крестьянин Полунин Борис	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Помощник уездного исправника в Курском уезде, коллежский секретарь Попов Михаил	<i>Орден Св. Анны III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Земский начальник Грайворонского уезда, титулярный советник Попов Сергей	<i>Орден Св. Станислава II ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Член Старооскольской городской управы, мещанин Попов Сергей	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде	КГВ. 1915. 19 сент. № 108. С. 1.
Непременный член Губернского по воинской повинности присутствия,	<i>Орден Св. Анны II ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.

Должность, фамилия и имя награждаемого	Награда	Документ, на основании которого состоялось награждение	Выходные данные
надворный советник Похвиснев Михаил			
Председатель Обоянской уездной земской управы, коллежский асессор Прибытков Михаил	<i>Орден Св. Анны II ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Секретарь Щигровского уездного полицейского управления, коллежский регистратор Прилуцкий Григорий	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Заведующий Низевцевским военно-конским участком Рыльского уезда, крестьянин Разуванов Иван	<i>Медаль с Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Станислава</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Заведующий 12-м военно-конским участком Курского уезда, крестьянин Родионов Иван	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Помощник заведующего 1-м военно-конским участком г. Курска, крестьянин Рышков Иван	<i>Медаль с Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Станислава</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Заведующий Вышне-Деревенским военно-конским участком Льговского уезда, крестьянин Сергеев Григорий	<i>Медаль с Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Станислава</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Канцелярский служащий, исполняющий должность секретаря Старооскольского уездного по воинской повинности присутствия Симонов Константин	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде	КГВ. 1915. 19 сент. № 108. С. 1.
Чиновник канцелярии присутствия Губернского правления, коллежский регистратор Сискевич Николай	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Секретарь Новооскольского уездного полицейского управления, губернский секретарь Снычев Антон	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Земский начальник	<i>Орден Св.</i>	Высочайший приказ	КГВ. 1915. 5 дек.

Должность, фамилия и имя награждаемого	Награда	Документ, на основании которого состоялось награждение	Выходные данные
Курского уезда, коллежский регистратор Соколовский Дмитрий ¹	<i>Станислава III ст.</i>	от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	№ 140. С. 1.
Член Курской уездной земской управы, крестьянин Сорокин Семен	<i>Медаль с надписью «За усердие» для ношения на шее, золотая, на ленте ордена Св. Александра Невского</i>	Объявление о Высочайшей награде	КГВ. 1915. 19 сент. № 108. С. 1.
Заведующий 9-м военноконским участком Курского уезда Стародубцев Никита	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Станислава</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Заведующий Колпаковским военноконским участком Львовского уезда, старший унтер-офицер (в отставке) Тарасов Козьма	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Секретарь Львовского уездного полицейского управления, губернский секретарь Ткаченко Иван	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Заведующий 8-м военноконским участком Курского уезда, крестьянин Федоров Иван	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Станислава</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Заведующий 2-м военноконским участком Грайворонского уезда, потомственный почетный гражданин Харченко Михаил	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Заведующий 15-м военноконским участком Щигровского уезда, потомственный почетный гражданин Хорошев Квинтилиан	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Помощник полицмейстера г. Курска, губернский секретарь Ценин Александр	<i>Орден Св. Анны III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.

¹ Губернский секретарь (старшинство с 28 июля 1914 г.) «За труды, понесенные при условиях военного времени» (Высочайший приказ от 12 марта 1916 г. № 18 (по гражданскому ведомству) (КГВ. 1916. 24 марта. № 35. С. 2).

Должность, фамилия и имя награждаемого	Награда	Документ, на основании которого состоялось награждение	Выходные данные
Помощник заведующего Городенским военноконским участком Львовского уезда, вахмистр (в отставке) Черепков Трофим	Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Секретарь Дмитриевского уездного по воинской повинности присутствия, губернский секретарь Чистяков Яков	Орден Св. Станислава III ст.	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Заведующий 5-м военноконским участком Старооскольского уезда, крестьянин Чунихин Андрей	Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Уездный исправник Белгородского уезда, коллежский советник Шабельский Владимир	Орден Св. Станислава II ст.	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Секретарь Львовского уездного по воинской повинности присутствия, коллежский регистратор Шевченко Иван	Орден Св. Станислава III ст.	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Заведующий 3-м военноконским участком г. Курска, мещанин Янов Иван	Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1915. 9 нояб. № 129. С. 2.
Награжден с формулировкой «...за труды по мобилизации 1914 г., в порядке за отличия неслужебные...»			
Земский агент Курского уезда, дворянин Ноздрачев Сергей	Орден Св. Станислава III ст.	Объявление о Высочайшей награде	КГВ. 1915. 21 нояб. № 134. С. 1.
Награждались с формулировкой «...за оказанные отличия неслужебные...»			
Председатель Озеренского волостного попечительства по призрению семейств нижних воинских чинов в Щигровском уезде, потомственная дворянка Бобровская Софья	Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1916. 17 дек. № 145. С. 1.
Член добровольной санитарной дружины губернского земства, потомственный дворянин Кагель-Махер Иван	Орден Св. Станислава III ст.	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1916. 17 дек. № 145. С. 1.
Председатель Мелиховского волостного попечительства по призрению семейств нижних воинских чинов в Щигровском уезде,	Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1916. 17 дек. № 145. С. 1.

Должность, фамилия и имя награждаемого	Награда	Документ, на основании которого состоялось награждение	Выходные данные
потомственная дворянка Маркова Надежда	<i>Св. Анны</i>		
Попечительница земского лазарета для раненых воинов в г. Обоянь, потомственная дворянка Прибыткова Екатерина	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1916. 17 дек. № 145. С. 1.
Служащий страхового отдела Губернской земской управы, помощник начальника добровольной санитарной дружины губернского земства, коллежский регистратор (в отставке) Пятаков Стефан	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1916. 17 дек. № 145. С. 1.
Член добровольной санитарной дружины губернского земства, потомственный дворянин Рапп Иван	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1916. 17 дек. № 145. С. 1.
Счетовод Губернской земской управы, член добровольной санитарной дружины губернского земства, мещанин Романцов Константин	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1916. 17 дек. № 145. С. 1.
Счетовод Губернской земской управы, помощник начальника добровольной санитарной дружины губернского земства, потомственный дворянин Росинский Нестор	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1916. 17 дек. № 145. С. 1.
Служащий страхового отдела Губернской земской управы, член добровольной санитарной дружины губернского земства, мещанин Скорняков Александр	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Станислава</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1916. 17 дек. № 145. С. 1.
Служащий страхового отдела Губернской земской управы, член добровольной санитарной дружины губернского земства мещанин Тищенко Николай	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Станислава</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1916. 17 дек. № 145. С. 1.
Служащий страхового отдела Губернской земской управы, член добровольной санитарной дружины губернского земства, мещанин	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная,</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1916. 17 дек. № 145. С. 1.

Должность, фамилия и имя награждаемого	Награда	Документ, на основании которого состоялось награждение	Выходные данные
Черкашинов Николай	<i>на ленте ордена Св. Станислава</i>		
Награждались с формулировкой «За труды, понесенные при условиях военного времени»			
Предводитель дворянства Старооскольского уезда, подпоручик запаса, коллежский асессор Всеволожский Анатолий	<i>Высочайшее благоволение</i>	Высочайший приказ от 12 марта 1916 г. № 18	КГВ. 1916. 24 марта. № 35. С. 1.
В штате Губернского правления, коллежский регистратор Дышлевский Евгений	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Непременный член присутствия Губернского правления, действительный статский советник Клевенский Петр	<i>Орден Св. Владимира III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Непременный член присутствия Губернского правления, статский советник Никифоров Николай	<i>Орден Св. Владимира IV ст.</i>	Высочайший приказ от 12 марта 1916 г. № 18 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1916. 24 марта. № 35. С. 2.
Председатель Губернской земской управы, действительный статский советник Рапп Константин	<i>Орден Св. Владимира III ст.</i>	Высочайший приказ от 21 ноября 1915 г. № 82 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1915. 5 дек. № 140. С. 1.
Земский начальник Белгородского уезда, генерал-майор (в отставке) Сагатовский Петр	<i>Высочайшая благодарность</i>	Высочайший приказ от 12 марта 1916 г. № 18	КГВ. 1916. 24 марта. № 35. С. 2.
Награжден без специальной формулировки			
Заведующий 11-м военно-конским участком Обоянского уезда, крестьянин Припачкин Иван	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде. Положение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах	КГВ. 1914. 13 дек. № 142. С. 1.
По ведомству Министерства путей сообщения ¹			
Начальник мобилизационного отдела Управления Московско-Киево-Воронежской ж/д, дворянин Грузевич-Нечай Лев	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	По ходатайству министра путей сообщения согласно заключению Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах (15 апреля 1915 г.)	КГВ. 1915. 30 мая. № 60. С. 2.
Старший помощник начальника станции «Курск II» Московско-Курской, Нижегородской и Муромской ж/д, губернский секретарь (в отставке) Любимов Владимир	<i>Орден Св. Станислава III ст.</i>	По ходатайству министра путей сообщения согласно заключению Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах (15 апреля 1915 г.)	

¹ Награждены с формулировкой «...за труды по мобилизации...».

Должность, фамилия и имя награждаемого	Награда	Документ, на основании которого состоялось награждение	Выходные данные
По ведомству Министерства финансов¹			
Казначей Губернского(?) казначейства, коллежский советник Бобринев Иван	<i>Орден Св. Станислава II ст.</i>	Высочайший приказ от 12 марта 1916 г. № 18 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1916. 24 марта. № 35. С. 1.
Столоначальник Казенной палаты, надворный советник Лутовинов Яков	<i>Орден Св. Анны III ст.</i>	Высочайший приказ от 12 марта 1916 г. № 18 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1916. 24 марта. № 35. С. 1.
Начальник отделения Казенной палаты, коллежский асессор Никольский Владимир	<i>Орден Св. Анны III ст.</i>	(Высочайший приказ от 12 марта 1916 г. № 18 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1916. 24 марта. № 35. С. 1.
Столоначальник Казенной палаты, надворный советник Скуднов Михаил	<i>Орден Св. Анны III ст.</i>	Высочайший приказ от 12 марта 1916 г. № 18 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1916. 24 марта. № 35. С. 1.
Казначей Тимского уездного казначейства, коллежский советник Ханов Михаил	<i>Орден Св. Станислава II ст.</i>	Высочайший приказ от 12 марта 1916 г. № 18 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1916. 24 марта. № 35. С. 1.
По ведомству Российского общества Красного Креста			
Награждены с формулировкой «...во внимание к особым трудам и заслугам, оказанным... при условиях военного времени...»			
Сестра милосердия Курской Знаменской общины Российского общества Красного Креста Андриевская Анна	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на шее, серебряная, на ленте ордена Св. Владимира</i>	Объявление о Высочайшей награде (по Собственной е. и. в. канцелярии)	КГВ. 1917. 26 янв. № 11. С. 2.
Сестра милосердия Курской Знаменской общины Российского общества Красного Креста Бустиярова Серафима	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде (по Собственной е. и. в. канцелярии)	КГВ. 1917. 26 янв. № 11. С. 2.
Председатель курского отделения Российского общества Красного Креста, коллежский советник, камер-юнкер Двора е. и. в., граф Гендриков Петр	<i>Высочайшая благодарность императрицы Марии Федоровны</i>	—	КГВ. 1916. 29 нояб. № 137. С. 1.
Член Рыльской городской управы, потомственный почетный гражданин Каменев Никифор	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде	КГВ. 1916. 1 дек. № 138. С. 1.
Фельдшер больницы духовного училища в г. Рыльске, потомственный почетный гражданин Корвяковский Иван	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на шее, золотая, на ленте ордена Св. Андрея</i>	Объявление о Высочайшей награде	КГВ. 1916. 1 дек. № 138. С. 1.

¹ Награждены с формулировкой «За труды, понесенные при условиях военного времени».

Должность, фамилия и имя награждаемого	Награда	Документ, на основании которого состоялось награждение	Выходные данные
	<i>Первозванного</i>		
Сестра милосердия Курской Знаменской общины Российского общества Красного Креста Лукашенко Анна	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде (по Собственной е. и. в. канцелярии)	КГВ. 1917. 26 янв. № 11. С. 2.
Сестра милосердия Курской Знаменской общины Российского общества Красного Креста Солощенко Евдокия	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде (по Собственной е. и. в. канцелярии)	КГВ. 1917. 26 янв. № 11. С. 2.
Сестра милосердия Курской Знаменской общины Российского общества Красного Креста Химина Евдокия	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Объявление о Высочайшей награде (по Собственной е. и. в. канцелярии)	КГВ. 1917. 26 янв. № 11. С. 2.
Награждены с формулировкой «...за труды, понесенные при условиях военного времени»			
Ветеринарный врач 1-го участка Рыльского уезда, титулярный советник Базилевич Николай	<i>Орден Св. Анны III ст.</i>	Высочайший приказ от 16 ноября 1916 г. № 94 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1916. 29 нояб. № 137. С. 1.
Инженер-технолог, управляющий акцизными сборами в губернии, действительный статский советник Беретти Николай	<i>Орден Св. Владимира III ст.</i>	Высочайший приказ от 6 апреля 1916 г. № 24 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1916. 21 мая. № 57. С. 1.
Член Курского окружного суда, статский советник Гродзинский Михаил	<i>Орден Св. Анны II ст.</i>	Высочайший приказ от 16 ноября 1916 г. № 94 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1916. 29 нояб. № 137. С. 1.
Член Губернской земской управы, коллежский секретарь Кривцов Дмитрий	<i>Орден Св. Станислава II ст.</i>	Высочайший приказ от 6 апреля 1916 г. № 24 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1916. 21 мая. № 57. С. 1.
Старший помощник надзирателя Губернского (?) акцизного управления в г. Курске, надворный советник Малиницкий Люциан-Казимир	<i>Орден Св. Анны III ст.</i>	Высочайший приказ от 6 апреля 1916 г. № 24 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1916. 21 мая. № 57. С. 1.
Мировой судья 4-го участка Путивльского мирового судебного округа, статский советник Черепов Николай	<i>Орден Св. Владимира IV ст.</i>	Высочайший приказ от 16 ноября 1916 г. № 94 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1916. 29 нояб. № 137. С. 1.
По ведомству Комитета для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий			
Почетный мировой судья Курского уезда Лоскутов Николай	<i>Орден Св. Анны II ст.</i>	Высочайший приказ от 29 мая 1916 г. № 24 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1916. 7 июня. № 64. С. 1.
По ведомству Комитета по снабжению одеждой нижних чинов, увольняемых на родину из всех лечебных заведений империи			
Предводитель дворянства Новооскольского уезда, статский советник,	<i>Высочайшая благодарность</i>	Высочайший приказ от 2 мая 1916 г. № 31 (по гражданскому ведомству)	КГВ. 1916. 7 мая. № 51 С. 2.

Должность, фамилия и имя награждаемого	Награда	Документ, на основании которого состоялось награждение	Выходные данные
камергер Двора е. и. в. Мятлев Владимир			
По ведомству Всероссийского земского союза			
Награждены с формулировкой «...во внимание к особым трудам и заслугам, оказанным... при условиях военного времени...»			
Сестра милосердия лазарета губернского земства в г. Курске Афанасьевская Антонина	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Анны</i>	Приказ Верховного начальника санитарной и эвакуационной части от 7 января 1917 г. № 317	КГВ. 1917. 18 февр. № 20. С. 1.
Сестра милосердия лазарета губернского земства в г. Курске Бахтиарова Мария	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Приказ Верховного начальника санитарной и эвакуационной части от 7 января 1917 г. № 317	КГВ. 1917. 18 февр. № 20. С. 1.
Сестра милосердия лазарета губернского земства в г. Курске Бахтиарова Серафима	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Анны</i>	Приказ Верховного начальника санитарной и эвакуационной части от 7 января 1917 г. № 317	КГВ. 1917. 18 февр. № 20. С. 1.
Сестра милосердия лазарета губернского земства в г. Курске Белогурова Екатерина	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Анны</i>	Приказ Верховного начальника санитарной и эвакуационной части от 7 января 1917 г. № 317	КГВ. 1917. 18 февр. № 20. С. 1.
Сестра милосердия лазарета губернского земства в г. Курске Зубова Евгения	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Анны</i>	Приказ Верховного начальника санитарной и эвакуационной части от 7 января 1917 г. № 317	КГВ. 1917. 18 февр. № 20. С. 1.
Сестра милосердия лазарета губернского земства в г. Курске Крашенинникова Мария	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Анны</i>	Приказ Верховного начальника санитарной и эвакуационной части от 7 января 1917 г. № 317	КГВ. 1917. 18 февр. № 20. С. 1.
Сестра милосердия лазарета губернского земства в г. Курске Радзицкая Анна	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Анны</i>	Приказ Верховного начальника санитарной и эвакуационной части от 7 января 1917 г. № 317	КГВ. 1917. 18 февр. № 20. С. 1.

Должность, фамилия и имя награждаемого	Награда	Документ, на основании которого состоялось награждение	Выходные данные
Сестра милосердия лазарета губернского земства в г. Курске Радзицкая Людмила	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Приказ Верховного начальника санитарной и эвакуационной части от 7 января 1917 г. № 317	КГВ. 1917. 18 февр. № 20. С. 1.
Сестра милосердия лазарета губернского земства в г. Курске Сабынина Евгения	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Приказ Верховного начальника санитарной и эвакуационной части от 7 января 1917 г. № 317	КГВ. 1917. 18 февр. № 20. С. 1.
Сестра милосердия лазарета губернского земства в г. Курске Стабникова Мария	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Анны</i>	Приказ Верховного начальника санитарной и эвакуационной части от 7 января 1917 г. № 317	КГВ. 1917. 18 февр. № 20. С. 1.
Сестра милосердия лазарета губернского земства в г. Курске Стехина Хеврония	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, золотая, на ленте ордена Св. Анны</i>	Приказ Верховного начальника санитарной и эвакуационной части от 7 января 1917 г. № 317	КГВ. 1917. 18 февр. № 20. С. 1.
Сестра милосердия лазарета губернского земства в г. Курске Суханова Александра	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Анны</i>	Приказ Верховного начальника санитарной и эвакуационной части от 7 января 1917 г. № 317	КГВ. 1917. 18 февр. № 20. С. 1.
Сестра милосердия лазарета губернского земства в г. Курске Толстая Наталья	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Анны</i>	Приказ Верховного начальника санитарной и эвакуационной части от 7 января 1917 г. № 317	КГВ. 1917. 18 февр. № 20. С. 1.
Сестра милосердия лазарета губернского земства в г. Курске Франке Юлия	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена Св. Анны</i>	Приказ Верховного начальника санитарной и эвакуационной части от 7 января 1917 г. № 317	КГВ. 1917. 18 февр. № 20. С. 1.
Сестра милосердия лазарета губернского земства в г. Курске Шеболдаева Дориадна	<i>Медаль с надписью «За усердие», для ношения на груди, серебряная, на ленте ордена</i>	Приказ Верховного начальника санитарной и эвакуационной части от 7 января 1917 г. № 317	КГВ. 1917. 18 февр. № 20. С. 1.

Должность, фамилия и имя награждаемого	Награда	Документ, на основании которого состоялось награждение	Выходные данные
	<i>Св. Анны</i>		

**ДОНЕСЕНИЯ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ
ПОНЫРОВСКОГО РАЙКОМА ВКП(б) В. А. КОВАЛЯ
В КУРСКИЙ ОБКОМ ПАРТИИ О ПОЛОЖЕНИИ
В РАЙОНЕ В ИЮЛЕ 1943 ГОДА**

Проблема изучения истории Курской битвы в настоящее время является одной из магистральных не только в рамках исследования вопросов, связанных с событиями Великой Отечественной войны, но и отечественной истории в целом. За последние более чем восемьдесят лет были опубликованы тысячи работ, в которых в той или иной мере освещены, казалось бы, все аспекты этого эпохального события. Среди наиболее важных трудов последних лет можно выделить диссертационные исследования Р. С. Байрамова [1] и В. Н. Замулина [2], а также вышедшую в прошлом году монографию последнего [3].

Однако в последние годы в российской историографии Великой Отечественной войны можно наблюдать в некотором смысле исследовательский тупик, связанный в определенной степени с ограниченными информационными возможностями источниковой базы, доступной в настоящее время историкам. Это обусловлено, с одной стороны, ограничениями доступа к архивным документам, хранящимся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации. С другой – ограниченностью информационного потенциала документов, хранящихся в региональных и федеральных государственных архивах, отражающих проблематику Великой Отечественной войны.

Вместе с тем, на наш взгляд, выход из этого тупика есть: обращение к архивным фондам районного уровня, чьи документы в настоящее время практически не введены в научный оборот, во всяком случае, в Курской области.

К примеру, работая над очередной статьей, чья проблематика затрагивает вопросы, связанные с оценками ущерба, нанесенного сельскому хозяйству курского региона немецко-фашистской оккупацией [4], и изучая документы Поньоровского райкома ВКП(б), находящиеся на хранении в Государственном архиве общественно-политической истории Курской области, нами были выявлены четыре документа, датированные июлем 1943 г. Это три донесения и одна докладная записка, имеющие сквозную нумерацию, в которых первый секретарь Поньоровского райкома ВКП(б) В. А. Коваль докладывает Курскому обкому партии о положении в районе в начале Курской битвы. Они датированы 9, 13, 16 и 18 июля 1943 г. и имеют грифы «совершенно секретно».

Информация, представленная в этих документах, показывает, как районное партийное руководство видело эпохальные события, происходившие на вверенных им территориях, значение которых для отечественной истории трудно переоценить. В настоящей вступительной статье мы не будем давать оценок, связанных с достоверностью представляемых В. А. Ковалем сведений, однако можем не без оснований констатировать, что эти данные могли быть чуть ли не единственными, которые были доступными областному партийному и советскому руководству региона о боях на северном фланге Курской дуги.

Публикация документов осуществляется в соответствии с современными правилами пунктуации. Стилистические, орфографические и синтаксические

особенности оригинальных текстов сохраняются. Тексты публикуются полностью. Тексты документов переданы в соответствии с Методическими рекомендациями по публикации архивных документов в печатном виде 2022 г. Вступительная статья и подготовка текста к публикации осуществлены заместителем директора по научно-исследовательской работе Государственного архива Курской области, кандидатом исторических наук О. Н. Аргуновым.

Источники и литература

1. Байрамов Р.С. Тыловое обеспечение войск Центрального фронта накануне и в ходе Курской битвы: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2023.
2. Замулин В.Н. Планирование и подготовка весенне-летней кампании 1943 года на советско-германском фронте: дис. ... д-ра. ист. наук. Курск, 2023.
3. Замулин В.Н. Курская битва. Коренной перелом в Великой Отечественной войне. М., 2024.
4. Аргунов О.Н. Состояние сельского хозяйства Курской области после немецко-фашистской оккупации. Оценка объемов ущерба // Новейшие исследования в области истории и педагогики: материалы IV Всероссийской научной конференции (г. Орёл, 14 ноября 2024 г.). Орёл, 2024. С. 14–24.

ДОНЕСЕНИЕ № 1

9 июля 1943 г.
Совершенно секретно

Секретарю Курского обкома ВКП(б) т. Доронину.

5/7-43 г. 2 ч. 00 немцы перешли в наступление, ожесточенные бои продолжались до 15 часов. Несмотря на большую концентрацию немецких войск наши в/ч Красной Армии отразили три крупные атаки танков и пехоты. Только по вине одного полка нской дивизии немецкие фашисты с большой для них потерей вклинились в первую линию обороны.

На территории нашего района было занято немцами север окраины Широкого болота 1-го Поныровского с/совета.

6–7 июля немцы заняли колхоз им. 7 съезда Советов (Подсоборовка), колхоз им. Кирова (Кошара) Самодуровского с/сов., 4 колхоза 1-го Поныровского с/сов., пос. Поныри (райцентр) и 2 колхоза 2-го Поныровского с/совета.

7–8/7-43 г. немцы дважды были изгнаны из пос. Поныри, 1-е Поныри и 4 раза со 2-х Понырей, и 8/7-43 г. 1-е, 2-е, пос. Поныри в наших руках.

Бои в районе 1-е, 2-е и пос. Поныри происходят, не поддаются быстрому описанию, наши бойцы и командиры проявляют исключительный героизм и отвагу. В настоящее время немцы ведут бои за Ольховатку, 2-е Поныри, 1-е Поныри и райцентр.

7 июля 1943 г. при занятии райцентра немцы обстреливали с орудий и минометов с. Брусовое. Райорганизации отселены в Горайновский с/совет, в Брусовском нахожусь сам с опергруппой НКВД, НКГБ.

Настроение населения бодрое и уверенное в провале немецкого наступления. В занятых населенных пунктах ни один колхозник не остался в тылу немцев. В настоящее время весь партактив послан в каждый с/совет, в том числе в фронтовые, по оказанию помощи фронту трудоспособным населением, по проведению политинформации и по отселению детей и стариков.

Из полученных данных в 12 часов дня сегодня, т. е. 9/7-43 г. в 6 ч. 00 немцы бросили большую группу автоматчиков под прикрытием танков и авиации на пос.

Поныри и, несмотря на большие потери, атаку продолжали и заняли поселок и станцию Поныри.

В 8 часов немцы обстреляли с орудий и минометов с. Березовец, 1-е и 2-е Поныри неоднократно переходят из рук в руки.

Секретарь РК ВКП(б)
[В.А.] Коваль¹

ГАОПИКО. Ф. П-23. Оп. 1. Д. 84. Л. 27. Машинописная копия.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА № 2

13 июля 1943 г.
Совершенно секретно

Секретарю Курского обкома ВКП(б) т. Доронину.

По состоянию на 12 июля 1943 года наши войска полностью очистили от немецких извергов поселок и станцию Поныри, 1-й Поныровский с/совет, 2 колхоза 2-го Поныровского с/совета. Ценой огромных потерь немцы держат оккупированными три населенных пункта Самодуровского с/совета.

По имеющимся данным немцы активных боев не проявляют, а занимают оборону.

12 июля 1943 года немцы свои войска концентрируют в направлении города Малоархангельска.

Райорорганизации в настоящее время находятся в селе Брусовое, от линии фронта 17 километров.

Все нетрудоспособное население района отселено в Золотухинский район.

Приняты все меры к подготовке уборки зерновых культур.

В связи с тем, что сегодня получено приказание войсковой части отселить все население с 25-километровой зоны от новой линии фронта.

Наш район подлежит полностью отселению в первую очередь. К отселению прилегающих к линии фронта ближе 15–20 км населенных пунктов приступили.

Прошу дать указания по данному вопросу.

Секретарь РК ВКП(б)
[В.А.] Коваль

ГАОПИКО. Ф. П-23. Оп. 1. Д. 84. Л. 28. Машинописная копия.

ДОНЕСЕНИЕ № 3

16 июля 1943 г.
Совершенно секретно

Секретарю Курского обкома ВКП(б) т. Доронину.

По состоянию на 15 июля 1943 года, [на] 18 часов включительно в руках противника находилось три населенных пункта Самодуровского с/с и 1-го Поныровского с/с и северная окраина ст. Поныри.

15 июля с. г. с 3:00 наши войска вели активную артподготовку. Активные бои с нашей стороны продолжались беспрерывно до 11-го часа.

С нашей стороны с 6 час. до 9 часов утра и с 16 час. до 20 час активно участвовала авиация, со стороны немцев самолетов не было.

¹ Подпись сделана карандашом.

В ночь с 15:00 на 16 июля с. г. немцы производили периодический обстрел с. Брусовое, Н-Смородино и В-Смородино. По селу Брусовое было выброшено свыше сорока снарядов, разрушений и жертв нет, снаряды лежали главным образом в огородах и садах села.

Согласно полученным данным за вчерашний день до 18 часов существенных изменений на линии фронта расположенного в Поныровском районе нет.

Секретарь РК ВКП(б)
[В.А.] Коваль¹

ГАОПИКО. Ф. П-23. Оп. 1. Д. 84. Л. 30. Машинописная копия.

ДОНЕСЕНИЕ № 4

18 июля 1943 г.
Совершенно секретно

Секретарю Курского обкома ВКП(б) т. Доронину.

За 16–17 июля с. г. наша Красная Армия полностью очистила от немецких фашистов занимавшие населенные пункты Поныровского района и 17/7-43 г. к 20 часам в направлении нашего района заняли прежние позиции, т. е. до немецкого наступления 5 июля с. г.

Будучи 17 июля с. г. после освобождения в райцентре при осмотре поселка, оказалось, [что] весь поселок райцентра уничтожен, сожжено до основания 2/3 часть, а остальное разрушено, ни один дом не остался [целым]. Кроме этого имевшиеся сады также полностью обгоревшие и вырваны с корнями, свыше 50 сгоревших и разбитых немецких танков в райцентре, не говоря о множестве уничтоженных танков на подступах к райцентру. За время боев райцентр переходил из рук в руки 10 раз, весь поселок завален немецкими трупами.

РК ВКП(б) сегодня посылает партактив в освобожденные населенные пункты по организации уборки трупов, ремонта дорог и подготовки к уборке, а также посылается комиссия по составлению актов на причиненный ущерб и зверства немцев.

Нами дано указание только трудоспособному населению возвратиться в зону отселения для организации подготовки и уборки.

Секретарь РК ВКП(б)
[В.А.] Коваль²

ГАОПИКО. Ф. П-23. Оп. 1. Д. 84. Л. 31. Машинописная копия.

¹ Подпись В. А. Коваля отсутствует.

² Подпись В. А. Коваля отсутствует.

**«...ВНОВЬ ВОЗНИКЛА УГРОЗА НАСИЛЬСТВЕННОГО
ИЗМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ, УСТАНОВЛЕНИЯ
ДИКТАТОРСКОЙ ВЛАСТИ...»: ЗАЯВЛЕНИЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
И УЧАСТНИКОВ XV СЕССИИ КУРСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ О ПРОЕКТАХ КОНСТИТУЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1993 ГОДА**

3 сентября 1993 г. в Курске начала работу внеочередная XV сессия Курского областного Совета народных депутатов. О данном региональном органе власти и информационных особенностях отложившихся в ходе его деятельности документов один из соавторов настоящей публикации в прошлом году опубликовал статью в настоящем ежегоднике [1], в связи с чем подробно останавливаться на освещении истории и особенностей его работы мы не будем.

На внеочередной сессии присутствовали 162 народных депутата из 230-и, что обеспечивало кворум. Помимо депутатов в работе сессии также принимали участие глава областной администрации (В. И. Шутеев) и его заместители, 29 руководителей комитетов и управлений администраций, 15 руководителей областных организаций, 18 председателей и заместителей председателей рай- и горсоветов, которые не являлись депутатами, 33 главы администраций и заместителей районов и городов, 4 народных депутата Российской Федерации, 4 работника печати [2, л. 3].

В рамках работы сессии рассматривался целый ряд вопросов политического характера, среди них:

- о проектах Конституций Российской Федерации;
- о проекте Соглашения об образовании Совета Федерации;
- об Указе Президента России Б. Н. Ельцина «О временном отстранении от должности вице-президента А. В. Руцкого и первого заместителя председателя Совета Министров Российской Федерации Шумейко В.Ф.;
- о включении в первый вопрос повестки дня информации «О проекте Конституции Слободкина» [2, л. 3, 5].

Заместителем председателя Курского областного Совета народных депутатов В. А. Мягченко был сделан развернутый 30-минутный доклад «О проектах Конституций Российской Федерации» [2, л. 41–58], в котором депутат, во-первых, отметил серьезную вовлеченность и информированность населения региона о проектах новой конституции («В канун сессии мы провели в ряде районов и среди участников областного семинара в г. Железногорске социологическое исследование по рассматриваемому вопросу. Лишь каждый четвертый из опрошенных выступает за принятие Новой Конституции, в то время как 59,4 % считает, что надо работать по действующей. При этом подавляющее большинство знакомо с проектами: 94,4 % – знают президентский, 87,7 % – Конституционной комиссии» [2, л. 41–42]).

Во-вторых, отметил несовершенство текстов обоих проектов, но особенно выделил президентский проект, так как в нем наблюдался явный перекося в сторону формирования президентской республики, где глава государства наделялся «исключительными правами», при этом законодательная власть являлась второстепенной, подчиненной президенту. В то же время, говоря о проекте, представленном Конституционной комиссией, В. А. Мягченко указывал, что «впервые, на наш взгляд, Конституция уходит от принципа подчинения человека целям государства» [2, л. 47], но при этом в данном проекте практически не упоминались Советы как органы власти. Причем, если Б. Н. Ельцин говорил, что Советы и демократия несовместимы, то Мягченко подчеркивал, что Советы – это

единственный оплот демократии, оставшийся в стране: «На настоящей сессии, как нам представляется, мы обязаны высказать вновь свое твердое слово в поддержку и защиту Советов как органов народовластия. Да, у них много недостатков, и мы это видим. Да, они нуждаются в серьезном реформировании, создании нового правового статуса и режима функционирования как по горизонтали, так и по вертикали. При всем, надо признать, справедливой критике, которая высказывается в их адрес и в том числе в адрес отдельных депутатов, нужно уяснить, что Советы в настоящее время – это последний столп, на котором еще держится государство, все остальные уже разрушены. Советы являются единственным контрольным органом, ликвидировав их – придет диктат и диктатура. Без сильного парламента, в частности, не может быть сильного государства – это азбучные истины» [2, л. 50].

После выступления В. А. Мягченко развернулась бурная дискуссия, стоит ли вообще обсуждать данный вопрос. При этом ряд депутатов предлагали не обсуждать, среди них были Г. Х. Голекбаров, И. В. Булгаков и другие. В итоге, за обсуждение вопроса проектов Конституции проголосовали 96 депутатов, против – 33 [2, л. 105].

После долгого обсуждения (выступили 7 депутатов), зафиксированного стенограммой заседания сессии [2, л. 107–129], было принято решение принять заявление областного Совета народных депутатов, которое мы и публикуем. Данный документ интересен тем, что он показывает отношение курских депутатов к ускоренному процессу принятия новой Конституции, который был инициирован политическими силами во главе с действующим Президентом Б. Н. Ельциным.

Данный документ весьма важен в контексте понимания не только процессов формирования новых принципов функционирования власти в нашей стране в начале 1990-х гг., но политической обстановки в регионе в период активных перемен. Заявление, на наш взгляд, является ярким свидетельством накала политической обстановки не только в федеральном центре, но и в Курской области. В первую очередь, оно свидетельствует о желании депутатов, с одной стороны, сохранить собственную власть в период турбулентности, а с другой, – показывает их веру в принципы демократии и возможные позитивные изменения при их воплощении в жизнь.

Публикация документов осуществляется в соответствии с современными правилами пунктуации. Стилистические, орфографические и синтаксические особенности оригинальных текстов сохраняются. Тексты публикуются полностью. Тексты документов переданы в соответствии с Методическими рекомендациями по публикации архивных документов в печатном виде 2022 г. Вступительная статья и подготовка текста к публикации осуществлены заместителем директора по научно-исследовательской работе Государственного архива Курской области, кандидатом исторических наук О. Н. Аргуновым и старшим преподавателем кафедры государственного и муниципального управления Курского государственного университета М. А. Батавиной.

Источники и литература

1. Батавина М.А. Курский областной Совет народных депутатов (1990–1993 гг.): источниковедческий аспект // События и люди в документах курских архивов. Выпуск XXIV / под редакцией О. В. Пешехоновой. Курск, 2024. С. 138–143.
2. Государственный архив Курской области. Ф. Р-3322. Оп. 45. Д. 391.

**ЗАЯВЛЕНИЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ И УЧАСТНИКОВ
XV СЕССИИ ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
О ПРОЕКТАХ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

г. Курск

4 сентября 1993 г.

Мы, народные депутаты и участники XV сессии областного Совета народных депутатов, рассмотрев ход подготовки проектов новой Конституции Российской Федерации, считаем необходимым выступить со следующим заявлением.

В последние месяцы в условиях предельного обострения общественно-политического и экономического положения в России вновь возникла угроза насильственного изменения государственного строя, установления диктаторской власти. Мы категорически осуждаем прозвучавшие заявления о проведении политической «артподготовки» и предстоящих в сентябре «решающих сражениях», что взвинчивает обстановку в нашей области, подрывает и без того шаткий гражданский мир в стране. Коллективная мудрость и огромная личная ответственность, поиск путей преодоления противостояния и конфронтации, консолидация общества, смягчение напряженности – вот что требуется сейчас от государственных деятелей всех ветвей власти для обеспечения последовательного движения в условиях перехода к социально ориентированной рыночной экономике. И к этому мы их настойчиво призываем.

За сравнительно небольшой отрезок времени мы вынуждены третий раз подряд рассматривать вопросы подготовки новой Конституции на специальных сессиях, хотя первоочередным в нашей деятельности, как и для Президента, Верховного Совета и Правительства РФ, должны были бы находиться социально-экономические проблемы. Подтверждая позицию областного Совета в отношении развития конституционного процесса в Российской Федерации, выраженную в документах сессий облсовета от 31.05.93 г. и 9.06.93 г., мы вновь, а также с учетом дополнительных обстоятельств предлагаем Верховному Совету РФ и Президенту РФ:

- признать единственно возможным принятие новой Конституции только в рамках конституционного процесса и действующей Конституции, если иное не сочтет нужным Съезд народных депутатов, при этом взять за основу проекты Конституционной комиссии и Конституционного совещания, а также рациональное содержание других проектов, предложения и поправки субъектов Федерации;

- сохранить Советы народных депутатов как органы законодательной и представительной власти всех уровней, понятие о которых отсутствует в президентском проекте и крайне слабо отражено в проекте Конституционной комиссии. Закрепить контрольные функции Советов, гарантировав при этом баланс властей и их подчинение требованиям Закона. Признать, что Советы нуждаются в серьезном реформировании, создании нового правового статуса и режима их функционирования;

- рассмотреть в качестве варианта выхода из конституционно-политического кризиса одновременные пере выборы как Президента, так и Верховного Совета РФ, для чего необходимо предварительное утверждение на Съезде народных депутатов законов, регламентирующих эти два вида выборов. В таком случае уже новые органы власти смогут приступить к выработке Конституции Российской Федерации;

- более четко определить государственно-правовой статус и полномочия субъектов Федерации, конституционные возможности их социально-экономического выравнивания, паритет взаимоотношений с Федеральными органами власти;

– установить в законодательном порядке для более эффективного управления идущими в регионах процессами подчинение как федеральным, так и местным субъектам представительной и исполнительной власти органов: юстиции, внутренних дел, безопасности, финансов, а также управления государственным имуществом, налоговой инспекции, антимонопольного управления.

Поддержать усилия Верховного Совета РФ, направленные на соблюдение конституционной законности, стабилизацию в обществе. Потребовать от Верховного Совета РФ, каждого члена его Президиума и Председателя проявлять разумную, взвешенную принципиальность и твердость в отстаивании конституционного порядка в стране, повышении авторитета Верховного Совета, а также Советов народных депутатов. Внимательно анализировать происходящие процессы и прогнозировать их возможное развитие. В случае возникновения реальной угрозы нарушений отдельных статей действующей Конституции, оперативно собрать чрезвычайный Съезд для принятия действенных мер, в соответствии с Законом вытекающих из сложившихся обстоятельств.

В связи с инициативой Президента Б. Н. Ельцина об образовании Совета Федерации одобрить принимаемые Верховным Советом РФ меры по упорядочению деятельности Совета Федерации, созданного еще 30 января 1991 года, в качестве консультативно-совещательного органа. Образование же нового Совета Федерации рассматривать как попытку в скрытой форме подменить деятельность Верховного Совета РФ, его палат, постоянных комиссий и комитетов. Отметить мужественную и принципиальную позицию вице-президента А. В. Руцкого, которая препятствует экстремистским силам уничтожить ныне действующую Конституцию РФ, и обратиться в этот трудный для него период со словами поддержки.

Мы призываем всех народных депутатов нашей области укреплять повседневные связи с избирателями, информировать их о своей депутатской деятельности и работе соответствующего Совета, разъяснять им вопросы, связанные с принятием новой Конституции, остроту создавшегося положения, показывать пути выхода из кризисной ситуации.

Мы обращаемся к трудящимся области, всему населению, членам профсоюзов, политических партий и движений, общественных организаций, научной и творческой интеллигенции, средствам массовой информации с призывом активно отстаивать законные пути конституционной реформы, Советы народных депутатов как гарантии российской демократии, сохранять спокойствие и поддерживать порядок, сосредоточить главные усилия на выводе общества из экономического и политического кризиса, разрешении имеющихся противоречий на основе диалога и взаимного согласия.

Принято 3 сентября 1993 года на XV сессии областного Совета народных депутатов.

Председатель областного Совета
В.[Н.] Лихачев

ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 45. Д. 391. Л. 37–40. Подлинник. Машинопись.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аргунов Олег Николаевич, кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-исследовательской работе Государственного архива Курской области;

Батавина Марина Анатольевна, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Курского государственного университета;

Душкин Сергей Александрович, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета;

Ефремова Ирина Сергеевна, кандидат исторических наук, начальник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения Государственного архива Курской области;

Золоторева Наталья Вячеславовна, ведущий архивист отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения Государственного архива Курской области;

Кононов Николай Григорьевич, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РСФСР;

Коровин Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного права Юго-Западного государственного университета;

Королёв Пётр Иванович, кандидат исторических наук, учитель Лицея-интерната № 1 г. Курска;

Манжосов Александр Николаевич, кандидат исторических наук, заместитель председателя Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов г. Курска;

Марковчин Владимир Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ военной истории ВАГШ ВС РФ;

Масалев Ярослав Владимирович, аспирант кафедры конституционного права Юго-Западного государственного университета;

Моисеев Евгений Леонидович, старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения Государственного архива Курской области;

Молчанова Любовь Александровна, генеалог;

Пахомов Сергей Александрович, старший научный сотрудник отдела истории Курского областного краеведческого музея;

Потапенко Павел Сергеевич, преподаватель кафедры административного и трудового права Юго-Западного государственного университета;

Потаскаева Татьяна Николаевна, старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения Государственного архива Курской области;

Пчелинов-Образумов Александр Александрович, кандидат исторических наук, главный специалист отдела использования архивных документов Государственного архива Белгородской области;

Тилинин Алексей Владимирович, научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения Государственного архива Курской области;

Холодова Елена Васильевна, кандидат архитектуры, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ) Филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», член Союза архитекторов России, советник РААСН;

Черников Олег Алексеевич, кандидат исторических наук, заведующий филиалом Государственного архива Курской области;

Черникова Ксения Олеговна, ведущий архивист отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения Государственного архива Курской области.

Сборник статей

**СОБЫТИЯ И ЛЮДИ
В ДОКУМЕНТАХ
КУРСКИХ АРХИВОВ**

Выпуск XXV

Подписано в печать 07.11.2025 г.

Формат 60х84. Печать офсетная 80 г/м². Гарнитура Таймс. Тираж 50 экз.

Отпечатано ООО «Центр рекламы «Лощман»
г. Курск, ул. Семеновская, 78